

**ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ,
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора
Мальцева Геннадия Васильевича**

Белгород, 2023

ББК 67+66.02
УДК 342
П 68

Ответственный редактор –
профессор Мархгейм М.В.

П 68 Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – X Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 21-22 апреля 2023 г.). – Белгород, 2023. 250 с.

ISBN 978-5-6048799-1-7

В данном издании систематизированы статьи участников X Международной научно-теоретической конференции («Мальцевские чтения» – 2023), ежегодно проводимой в апреле в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, иным обучающимся, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами юриспруденции.

ISBN 978-5-6048799-1-7

ISBN 978-5-6048799-1-7

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ (REFORMATIO IN PEJUS) КАК ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ	7
Бабурин С.Н.	РОЛЬ ЛИЧНОСТИ УЧЁНОГО В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВСТВЕННОГО ИМПЕРАТИВА ОБЩЕСТВА (К 10-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ Г.В. МАЛЬЦЕВА)	13
Носов С.И.	ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПРАВА В РАБОТАХ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Г.В. МАЛЬЦЕВА	19
Керимов А.Д.	РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЗРОЖДЕНИИ В РОССИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА	28
Мархгейм М.В.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ АМПЛУА ИНСТИТУТА ДОВЕРИЯ	34
Куксин И.Н.	ПРАВО НА СОБОРОНУ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕАЛИЗАЦИЮ	40
Нифанов А.Н.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	46
Новикова А.Е.	ГЕНЕЗИС ФОРМАЛИЗАЦИИ РИСКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	50
Понкин И.В.	СИСТЕМНОСТЬ В НАУЧНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	57
Стус Н.В. Намитоков Ю.А.	КАТЕГОРИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	62
Таболин В.В.	ГОРОДСКОЙ КОНФЛИКТ: ПОНЯТИЙНЫЕ ВЕРСИИ	68
Туранин В.Ю.	ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРЕИМУЩЕСТВО» В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	75

Баган В.В.	СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА В XVIII ВЕКЕ	80
Безуглая А.А.	ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ РЕГЛАМЕНТА ПАЛАТЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИИ	90
Безуглая А.А., Михайлова А.Д.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ 2020 КАК «ОЛИМП» ДЛЯ ВОСХОЖДЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ	94
Дегтярев М.В.	ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ОТРАСЛИ ТЕХНОЛОГИЙ LEGALTECH	98
Никонова Л.И.	ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: О СТАТУСЕ И ФОРМЕ	106
Гелуненко В.В.	ГАРАНТИИ: ПОНЯТИЙНЫЙ ОБЛИК	113
Артыков Д.З.	ПОМИЛОВАНИЕ: РАКУРСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ФЕНОМЕНА	117
Белоусов Н.В.	СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВАРИАТИВНЫЙ РАКУРС	122
Берент К.А.	ГЕНЕЗИС НАРОДОВЛАСТНОГО ПРИНЦИПА В РОССИЙСКОМ ПРАВОСУДИИ	127
Бойченко Е.М.	ПОРУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	135
Бутов А.Ю.	ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	139
Гафуров Д.В.	МИНИМИЗАЦИЯ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИИ КАК ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ	143
Короткина А.С.	СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА» В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	150

Куликова К.А.	ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПОЗИТИВНОГО АСПЕКТА ПРАВООЩИТНОЙ СФЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	159
Ласкавая М.А.	КАК РАСПОЗНАТЬ ФЕДЕРАЦИЮ: ПРИЗНАКИ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И РОССИИ	167
Мельников П.А.	ВКЛАД УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТУ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ	172
Михалев А.Е.	ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ СУДОВ В РОССИИ	176
Мокроусова К.А.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ В СТРАНАХ СНГ	181
Стус А.А.	ФОРМИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ: МНОГООБРАЗИЕ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ	186
Хабиева З.Д. Беяева Г.С.	ОРГАНИЗАЦИОННО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВООБЪЕКТИВНОГО ЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА	192
Шерстнев В.Н.	ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ИНСТИТУТУ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	195
Ядута С.А.	ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН БЕСПЛАТНЫМИ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ И МЕДИЦИНСКИМИ ИЗДЕЛИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В РОССИИ	201
Аль-Талабани Мохаммед А. А	ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ИРАК)	207
Богданова Е.Е.	ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РОССИИ	214
Жаббар Бахжат Ф.Ж.	ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КАРКАС ОБОСНОВАНИЯ КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ	219

Кадири Саджид	МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ МИГРАЦИИ: РАЗВИТИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ УГРОЗЫ	226
Клавдиева Я.В.	ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО ПРИГОВОРУ СУДА	229
Мандриков А.Ю.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА	234
Аль-Аззави Рафаль А.А.Х	ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	241
Яковлев М.М.	БУДУЩЕЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ	244

Тонков Евгений Евгеньевич,
директор юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ (REFORMATIO IN REJUS) КАК ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Аннотация. Автор статьи приводит доводы в пользу рассмотрения принципа недопустимости поворота к худшему (*non reformatio in rejus*), применяемого в уголовном и гражданском процессуальном праве, как элемента регулятивного конституционно-правового института поворота к худшему (*reformatio in rejus*), включающего систему взаимодействующих юридических норм, гарантирующих соблюдение прав и законных интересов граждан. Основной смысл аргументации данной гипотезы автор видит в необходимости ограничения возможностей государства для принятия решений, ухудшающих положение граждан, что является одним из проявлений создания конституционно-правового режима, гарантирующего в полном объеме соблюдение, охрану и защиту законных прав и интересов населения.

Ключевые слова: государство, конституционное право, поворот к худшему, конституционно-правовой институт, законный интерес, юридическая ответственность.

«Подобно субъективному праву, а зачастую вместе с ним, законный интерес обеспечивается правовыми гарантиями... Объем и количество гарантий определяются в ходе правовой институционализации на стадии правотворчества, от них напрямую зависит эффективность прав и законных интересов в качестве юридических институтов» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 371).

В настоящее время учеными-процессуалистами поворот к худшему (*reformatio in rejus*) рассматривается лишь в контексте действия принципа недопустимости поворота к худшему (*non reformatio in rejus*). Он означает, что положение привлеченного к ответственности лица не может быть ухудшено, если пересмотр решения был инициирован в его интересах. Однако политико-правовые ситуации, в которых требуется разрешение вопроса о возможности поворота к худшему, на современном этапе развития государства гораздо более многообразны.

По нашему мнению, поворот к худшему представляет собой сложный, регулятивный конституционно-правовой институт, включающий систему взаимодействующих юридических норм, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов граждан. Принцип недопустимости поворота к худшему является составной частью данного института, но не исчерпывает его. Ограничение возможностей государства для принятия решений, ухудшающих положение граждан является одним из проявлений создания конституционно-правового режима, гарантирующего в полном объеме соблюдение, охрану и защиту законных прав и интересов населения.

Римский принцип недопустимости поворота к худшему всегда находился в органической связи с другим значимым правилом – *tantum devolutum quantum appellatum* (сколько жалобы, столько и решения). Статья 252 УПК РФ закрепляет правило о недопустимости ухудшения положения подсудимого (поворота обвинения к худшему) в процессе судебного разбирательства. Данное правило является одной из важнейших гарантий права обвиняемого на защиту. Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 401.6 УПК РФ) правило о недопустимости поворота к худшему закреплено при кассационном рассмотрении уголовного дела и пересмотре судебного решения в порядке надзора. Одновременно поворот к худшему допускается в случае, если в ходе судебного разбирательства установлены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Как отмечает А.И. Егорова, в целях улучшения правового положения гражданина либо организации, это не только справедливо и соотносится с общими требованиями действия норм во времени и по кругу субъектов, но также предполагает уважение окончательности вступивших в законную силу судебных вердиктов (*res judicata*), поэтому принцип запрета поворота к худшему должен корреспондировать требованиям доступности квалифицированной юридической помощи во избежание нарушения права на эффективную судебную защиту [1, с. 72-75]. В нормах гражданского процессуального закона данный принцип прямо не закреплен, хотя имплицитен по отношению к п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

По нашему мнению, необходимо исходить из того, что суть института поворота к худшему не сводится к одному лишь действию принципа *non reformatio in rejus*. Комплексный подход к пониманию поворота к худшему в конституционном праве, по нашему мнению, не только положительно отразится на судебной практике, но и будет способствовать повышению гарантий защиты прав и законных интересов личности и общества приведет к повы-

шению уровня доверия граждан к государству и тем гарантиям, которые закреплены в Конституции страны.

Анализируя понятие законного интереса как институционального явления, Г.В. Мальцев обращал внимание, что «законодатель предоставляет носителю нарушенного законного интереса, так же как и лицу, обладающему субъективным правом, все необходимые юридические средства, вплоть до судебного иска, привести в действие механизмы юридической защиты, иначе говоря, инициировать соответствующие правоотношения» [2, с. 371].

Формирование на доктринальном и законодательном уровнях запрета ухудшать социально-правовое положение граждан по сравнению с тем, которое они занимали на предыдущем этапе развития государства, позволит безбоязненно и свободно осуществлять право на защиту, на справедливое судебное разбирательство, будет способствовать становлению и укреплению режима законности.

По непопулярному сегодня мнению К. Маркса, «никто не может быть заключен в тюрьму, либо же лишен своей собственности или другого юридического права на основании своего морального характера, на основании своих политических и религиозных убеждений» [3, с. 181].

Государственной власти, имеющей такой мощный рычаг как уголовное и административное преследование, гражданское общество пытается противопоставить настойчивое желание законодательного закрепления действенной системы правовых гарантий свободы личности, однако, в большинстве случаев эти претензии остаются нереализованными.

Например, характеризуя реальные последствия реформы судебной системы Александра II Освободителя, Г.В. Плеханов приходит к выводу, что «реформированное судопроизводство в России осталось экзотическим растением; оно так же подходит ко всему государственному строю России, как шелковый цилиндр к одетому в звериные шкуры эскимосу» [4, с. 9-10].

Резервы закрепления и практической реализации указанного принципа в конституционном законодательстве не только связаны, но и непосредственно определяются необходимостью повышения роли судебной власти в государстве, что предполагает действительное (фактическое, а не формальное) разделение властей и судебскую независимость. Законодательство цивилизованного государства, исходя из этого, должно соответствовать, в первую очередь, приоритетным ценностям личности и общества.

Мы согласны с А.А. Васильевым, что «юридическая материя должна быть не только средством охраны высших ценностей, но и по своему содержанию соответствовать и выражать надправовые ценности» [5, с. 33].

Поэтому считаем вполне допустимым концептуальное переосмысление рассматриваемого принципа с позиции ценностного подхода, включения его в законодательные акты, предусматривающие ответственность государства в лице должностных лиц за просчеты или сознательную деятельность, в результате которой был допущен поворот к худшему в жизни населения страны. Институт поворота к худшему имеет важное значение для дальнейшей демократизации общественной жизни, поскольку не только служит целям обеспечения правовой определенности статуса граждан, но и обеспечивает стабильность и сбалансированность их отношений с государством, служит механизмом, обеспечивающим реальную свободу.

Современному праву, основанному на формальном равенстве, длительное время исторически предшествовало право силы, или право неравных, на что указывал еще К. Маркс в «Критике Готской программы» [6, с. 19]. Фактическое неравенство людей было узаконено юридически. Теоретическая конструкция института поворота к худшему должна содержать четкую регламентацию условий и ограничений возможности принятия государством решений в ряде случаев, которые бы ухудшали социально-экономическое положение граждан и ограничение их политических прав и свобод.

Следует четко определить в законе условия поворота к худшему, под которыми необходимо понимать строго регламентированную совокупность исключительных причинно-следственных обстоятельств, при наличии которых допускается принятие государством решений, сопряженных с ухудшением положения населения (например, угроза национальной безопасности, природные катаклизмы и др.).

В данном случае речь идет, в первую очередь, об обеспечительной стороне юридической процессуальной формы, которая предотвращает бездействие субъектов государственно-властной деятельности, когда они обязаны действовать и приводить в движение властные полномочия, либо, когда управомоченные субъекты принимают неправовые акты или же прямо нарушают процессуальные нормы, определяющие порядок реализации властных полномочий.

Учитывая, что процессуально-правовое регулирование в государстве осуществляется специально уполномоченными субъектами, «их деятельность должна быть упорядочена и урегулирована так, чтобы исключить со стороны юрисдикционных органов малейшие злоупотребления» [7, с. 25].

Кроме того, в теоретической конструкции рассматриваемого института важное место занимает процедурная сторона, которая формализует юридическое закрепление порядка, этапов, стадий осуществления властно-

организующей деятельности. Юридическая процедура как порядок совершения процессуальных действий находится в логической взаимосвязи с предметным и статутным, закрепляющим властные полномочия, компонентами. Статутная ответственность в данном случае имеет значение управляющей системы, так как она служит предпосылкой реализации юридической ответственности при фиксации в установленном порядке факта необоснованного поворота к худшему.

По справедливому замечанию Е.В. Черных, «без статута не может быть и статуса, как без статутной ответственности не может возникнуть состояние отношения к ней субъектов права (статусной ответственности)» [8, с. 46].

Под статутной ответственностью при этом подразумевается объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государством обязанность соблюдения правовых предписаний участниками правоотношений. Она выполняет регулятивно-статическую функцию и является моделью ответственного и должного поведения, изложенного в нормах права.

Как подчеркивает Е.Г. Лукьянова, «процессуальное право есть показатель степени цивилизованности общества» [9, с. 42]. Особое внимание она обращает на необходимость научной проработки фактической системы механизма процессуального регулирования. При оценивании результативности государства властно-организационная деятельность является официальной (публичной) с позиции материальных носителей властных распоряжений – актов правотворчества. Повышение качества правовых решений, снижение до минимума числа неэффективных нормативных актов – постоянная задача правоустановителя. Именно этим объясняется теоретическое и практическое значение изучения проблем, связанных с процессом создания норм права.

«Потребителями» законов являются люди, общество, и нельзя допускать принятия поспешных, непродуманных правовых решений, ибо любая ошибка законодателя влечет неоправданные материальные затраты, нарушение интересов граждан. Можно привести немало фактов из отечественной истории, когда экономика, социальная и духовная сферы, социально-экономическое положение населения, политические и личные права и свободы граждан пострадали от научно не обоснованных и откровенно грубых правовых решений, фактически означавших для населения поворот к худшему, однако ни о какой ответственности государства за их принятие вопрос не рассматривался.

Тем не менее, в российском правоведении, наряду с традиционным пониманием юридического процесса юрисдикционной направленности, сложился ряд так называемых позитивных юридических процессов, целью ко-

торых не является применение юридической ответственности к правонарушителю и восстановление нарушенного права (правотворческий, конституционный, управленческий и др.).

На наш взгляд, признание полноценности позитивных юридических процессов в правоведении уже состоялось, но содержательная основа их правовой конструкции и ее место в механизме правового регулирования остаются не в полной мере исследованными. Юридическая деятельность всегда связана с наступлением юридически значимых последствий (принятие закона, вынесение судебного решения, предписания, внесение представления).

Это определяет содержание юридической деятельности и дает основания считать ее относительно самостоятельным элементом правовой системы, органически входящим в социально-политический и правовой механизм общества. Ее юридическая значимость заключается в том, что она не только создает правоотношения, которые соответствуют духу закона, мысли законодателя, но и позитивно влияет на правовую сферу, являясь эффективным правовым инструментом.

Процессуальная регламентация юридической деятельности государства – важнейшая гарантия обеспечения режима законности в самом широком смысле этого понятия и в значительной мере эффективный способ обеспечения прав и свобод граждан, средство борьбы с правовым нигилизмом.

Вышесказанное позволяет говорить о выделении объективно обособившейся группы взаимосвязанных однопорядковых юридических норм, то есть о формировании в науке конституционного права самостоятельного института поворота к худшему, представляющего собой совокупность правовых предписаний, регламентирующих процедуру, основания и условия, критерии поворота к худшему, имеющих определенные особенности реализации в различных процессуальных формах.

Список литературы

1. Егорова А. И. Недопустимость поворота к худшему в деятельности судов судебно-контрольных инстанций // Актуальные проблемы права : материалы VI Междунар. науч. конф. (Москва, декабрь 2017 г.). М., 2017.
2. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
3. Маркс К. Запрещение «leipziger allgemeine zeitung»// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т.1.
4. Плеханов Г.В., Н.Г. Чернышевский: Собр. соч. Т. V. М., Л., 1925.
5. Васильев А.А. Консервативная правовая идеология России: сущность и формы проявления: автореф. Дис. ...докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.

6. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 19.
7. Байтин М.И., Аверин А.В. Некоторые вопросы процессуального положения потерпевшего и подсудимого по УПК РФ и защита прав человека // Журнал российского права. 2004. № 12.
8. Черных Е.В. О понятии и значении статутной юридической ответственности // Новая правовая мысль. 2004. № 2.
9. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003.

Бабури́н Серге́й Николаевич,

главный научный сотрудник, Научный руководитель
Центра интеграционных и цивилизационных исследований
Института государства и права Российской академии наук,
профессор Московского университета им. С.Ю. Витте,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный академик НАН Киргизской Республики,
Иностранный член Академии наук Абхазии
(Москва, Россия)

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ УЧЁНОГО В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВ- СТВЕННОГО ИМПЕРАТИВА ОБЩЕСТВА (К 10-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ Г.В. МАЛЬЦЕВА)

Апрель очень точно выбран вами для Мальцевских чтений, не только как месяц рождения Геннадия Васильевича Мальцева в 1935 г., но и как момент пробуждения природы, период начала очередного годового цикла активного научного творчества.

У каждого из нас свои, индивидуальные, воспоминания о Г.В. Мальцеве, выдающемся учёном, юристе и достойнейшем человеке. Именно на его примере я считаю возможным говорить о роли личности учёного не только в расширении знаний о государстве, праве и обществе, но и в формировании нравственного императива общества, укреплении уважительного отношения людей к духовно-нравственным основам государства и права.

Под нравственным императивом, как известно, понимается общий закон, высшее требование (принцип), которому надлежит следовать безоговорочно, без сомнений и рассуждений. Со времён И. Канта под категорическим императивом понимают высший принцип нравственности, означающий безусловное веление или запрет. требующий от человека поступать так, как он

хочет, чтобы так поступали все остальные. Императив устанавливает не то, что совершается с необходимостью, а то, что создается человеком при исполнении долга [1, с. 242]. Такой нравственный образец принципиальной научной позиции, трепетного отношения к Родине и к другим людям, эталон достойной честной жизни оставил нам Г.В. Мальцев.

Близко познакомились мы с Г.В. Мальцевым мы в 1994 г., когда Т.М. Шамба привел его, И.А. Исаева и З.А. Станкевича к нам в штаб Российского общенародного союза в Средний Тишинский переулок для обсуждения ряда правовых вопросов, обсуждаемых в Государственной Думе. Но впервые я был представлен молодому, высокому, страшно кудрявому Геннадию Васильевичу моим научным руководителем в аспирантуре Д.И. Луковской ещё в 1985 г., когда Мальцев приезжал к нам в Ленинград оппонировать по одной из диссертаций. Тогда у Мальцева как раз вышла шикарная монография «Буржуазный эгалитаризм» (1984 г.), с которой у меня, собственно, и началось знакомство с Мальцевым-учёным. В 90-е гг. Г.В. Мальцев был одним из тех, кто не только разделял мои традиционалистские взгляды на политическую действительность, но кто буквально заставил меня в период политического затишья заняться оформлением моих попыток научного осмысления проблем актуальной политики в докторскую диссертацию. Именно в разговорах с ним родилась сама тема научного исследования – территория государства, её роль и проблемы.

Нравственный пример Г.В. Мальцева в науке, общественной и личной жизни для нас памятен и очевиден. В нём гармонично сочетались научная добросовестность, беспощадная требовательность к себе с требовательностью и доброжелательной снисходительностью к научным усилиям других людей, прежде всего учеников. Мальцев Г.В. отличался неисчерпаемой жаждой новых знаний, как научных, так и просто общественно значимых. При этом ему была присуща личная скромность и неприхотливость, вплоть до болезненного игнорирования быта.

Глубокий и проницательный мыслитель, Г.В. Мальцев с особым интересом, даже азартом, как отмечает его друг и коллега З.А. Станкевич, наблюдал за уникальным, хотя и крайне сложным и противоречивым процессом становления новой (постсоветской) государственности, причём это наблюдение никогда не ограничивалось пассивным, безучастным созерцанием, оно постоянно трансформировалось в оригинальные выводы, проблемные статьи и солидные монографии, а также в практические предложения по совершенствованию существующей системы управления страной [2, с.163]. И его деятельное отношение к жизни было заразительным.

В начале XXI в. Г.В. Мальцев опубликовал свои, ставшие классическими, работы о социальных и нравственных основаниях права [3, 4], но значительно раньше, завершая свою фундаментальную монографию «Понимание права» (1999 г.), он особо подчеркнул, что юридический позитивизм с его ярко выраженной философией опыта придал праву совершенно определённый практический уклон. «Освобождённое от излишней, а часто и *необходимой духовно-нравственной нагрузки* (выделено мною – С.Б.), право легко покатило по пути всё большей и большей прагматизации» [5, с. 393]. Возможно, не только в силу обострившихся язв социального развития человечества, но и под влиянием научного авторитета глубоко мною уважаемого Г.В. Мальцева я стал уделять особое внимание этическим аспектам государственного управления и попытался предложить свою модель государственно-правового развития, аргументировать необходимость создания нравственного государства [6, 7, 8, 9].

Моральный цивилизационный кризис, затронувший в последние годы все сферы общества, для думающих людей не стал неожиданностью, ибо потеря органического единства между правом и нравственностью, о которой давно напоминает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл [10, с. 261], не могла не породить смуту в душах и делах людей. Тем более, что без понимания смысла свободы и достоинства человека немислимо мировоззрение верующего человека.

Привлекая внимание российского общества в своём Послании Федеральному Собранию России к тому, что мир ныне оказался в ситуации абсолютной неопределенности, Президент РФ В.В. Путин призвал общество к народному единству и защите традиционных ценностей, напомнив, что «духовно-нравственные ценности, о которых в ряде стран уже забывают, нас, напротив, сделали сильнее. И эти ценности мы всегда будем отстаивать и защищать» [11]. Начало в феврале 2022 г. деятельной самообороны Русской цивилизации от агрессивных устремлений Запада вообще и украинских неонацистов конкретно, обостряет и без того сложные проблемы перехода человечества к устойчивому развитию, а в плане государственного развития – к формированию нравственного государства как главного условия и опоры для построения цивилизованного общества [12, с. 521-524].

К нынешнему кризису, волей Всевышнего переросшему на территории Украины в кровопролитные военные действия, затрагивающие и приграничные российские регионы, прежде всего Белгородскую область, Европа, Европейская цивилизация шла 500 лет. С тех пор, когда под влиянием свободолюбивого Просвещения Бог был устранен из системы нравственных координат буржуазного общества, вместо него был поставлен человек, а точнее, его

интересы и потребности. Свобода переросла во вседозволенность, прихоти стали правом, а распущенность нормой жизни. Европа породила тот Запад, который стал двигать человечество к пропасти духовного, а потом и физического небытия.

Современное право стало для Запада юридическим оформлением частного интереса и эгоистической пользы. Вывернутый наизнанку расизм с преклонением белых перед неграми остался циничным и расчетливым расизмом.

К сегодняшнему дню полностью оправдались слова Г.В. Мальцева о том, что, сняв с себя долг служить Богу, разуму, природе вещей, высшим духовным ценностям, право скатывается к совершенно другим «идеалам», к индивидуализму, эгоистическому расчету, успеху, выгоде, власти над другими людьми. При ориентации на ценности эмпирического уровня и формальном равенстве юридических возможностей свобода сильного исключает свободу слабого [5, с. 393], «право теряет свою душу» [5, с. 396]. Не случайно, глядя на уходящий XX век, А.А. Зиновьев писал в 1996 г.: «Это был, может быть, последний человеческий век. На смену ему надвигается громада веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти...» [13, с. 447]. Зиновьев А.А. оказался безосновательным романтиком. Надвигается мир без человека.

Глядя на печальные цивилизационные результаты развития Запада и призывает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл к соединению роста материального благополучия, столь необходимого народам, с ростом духовным, с развитием национального самосознания, с укреплением нравственного начала и веры в жизни людей, ибо «только это начало способно обеспечить полную независимость и реальную свободу нашего народа; только это начало способно обеспечить поступательное развитие нации, без страшных срывов и катастроф, которые мы претерпели в прошлом» [14, с. 228].

Лишь в 2020 г. конституционная реформа РФ повернула Россию на свой традиционный путь цивилизационного развития. Закреплённым в Конституции Российской Федерации приоритетом стало создание условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Приоритетными провозглашены само семейное воспитание (ст. 67.1 Конституции России), защита семьи, материнства, отцовства и детства, защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье

(ст. 72 Конституции России). После столь принципиального российского ценностного демарша Запад не мог не попытаться уничтожить Россию.

Влияние нравственных и социальных начал на современное государство и его функции как предметные направления его деятельности позволили Е.Е. Тонкову при конструировании механизмов государства созидающего, отмечая роль оптимальности правотворчества и доступность его массовому сознанию, настаивать на том, что естественной основой понимания правоуправленческой формы государственной деятельности становится рассмотрение государства созидающего, осуществляемой им власти и управления как правовых явлений, то есть обусловленных правом и законом [15, с. 67, 119]. Но при условии, что в государственной деятельности отражаются базовые ценности и ожидания граждан, составляющие органическую основу поддержания режима равновесия в государстве [15, с. 355].

Углубление современного правосознания приводит не просто к приоритету нравственных начал государства и права, но к размышлениям о сверхприродной политической власти Бога [16, с. 250], когда теократический принцип становится нормой общественной жизни, сообразно с которой народ имеет полную свободу развития и может вырабатывать из себя, по своим потребностям, историческим обстоятельствам и условиям все частные формы государственной и общественной жизни [16, с. 264].

Не без методологического влияния Г.В. Мальцева, авторитетности его взгляда на теорию права ныне укрепилось и стало фактически общепризнанным рассмотрение права в системе единых социальных норм, отражающей достигнутую степень экономического, социально-политического и духовного развития общества [17, с. 108]. Признается, что право и мораль как составные части духовной культуры общества органически связаны между собой, имеют общие черты, поскольку являются ценностными формами сознания, имеют нормативное содержание и служат регуляторами поведения людей [17, с. 121, 122-123].

Даже в преподавании теории права и государства Г.В. Мальцев сформировал собственную оригинальную концепцию преподавания, которая, по наблюдению В.Б. Исакова, опиралась на следующие принципы: четкое изложение студентам базовых категорий теории права и государства; приоритет права и прав человека; широкий социокультурный подход к государственно-правовым явлениям; единство правовой и нравственной оценки явлений и процессов действительности [18, с. 28].

Своё служение науке Г.В. Мальцев воспринимал как свой моральный долг. И он этот долг отдал полностью. Работы этого выдающегося учёного, нашего старшего друга и соратника, не просто хранят память о нём, они ста-

ли органичной частью современного мироощущения Русской цивилизации, нравственным камертоном современного российского общества.

Список литературы

1. Фролова Е. А. Категорический императив // Философия права. Словарь / Общ. ред. и сост. В.Н. Жукова. – М.: Мир философии, 2020.
2. Станкевич З. А. Как управлять Россией? // Европейское измерение 2015. Сб. Научных трудов под ред. С. Н. Бабурина и З. А. Станкевича. – М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2015.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
4. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.
5. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999.
6. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020.
7. Бабурин С.Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 14-20.
8. Бабурин С.Н. Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73-86.
9. Бабурин С.Н. Россия между Римом и Цинь: о духовно-нравственной трансформации государств // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 1. С. 57–76.
10. Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. Изд. 4. М, 2016.
11. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию, 21 апреля 2021 года // [электронный ресурс] – URL:<https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения 5 апреля 2022).
12. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020.
13. Зиновьев А.А. Светлое будущее: избранные сочинения; сост. Ю.Н. Солодухина. М.: Астрель, 2008.
14. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах / Сост. В.М. Терехин. М.: Изд-во МП РПЦ, 2019.

15. Тонков Е.Е. Государство созидающее как вектор развития современной России. М.: Юрлитинформ, 2019.
16. Фетисов Т.А. Теократический принцип и политическая история библейского государства // Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852-1904). Монография / под ред. А.И. Овчинникова. М.: Проспект, 2020.
17. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. Т.2: Право. М.: Норма, 2007.
18. Исаков В.Б. Гулливер и лилипуты // Европейское измерение 2015. Сб. Научных трудов под ред. С.Н. Бабурина и З.А. Станкевича. – М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2015.

Носов Сергей Иванович,
профессор кафедры конституционного права
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Москва, Россия)

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПРАВА В РАБОТАХ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Г.В. МАЛЬЦЕВА

Аннотация: В статье отмечается, что право в современный период находится в состоянии глубокого кризиса. Разрушаются, сформированные в течение многих десятилетий, казавшиеся незыблемыми и непререкаемыми многие международно-правовые институты, принципы свободы рыночных отношений, хозяйственной деятельности, незыблемости права частной собственности, прав и свобод человека. В этих условиях представляется актуальным обращение к истокам, к ценностным основаниям российской правовой культуры, вопросам сохранения и преумножения наших правовых традиций. В поисках решения возникающих правовых проблем наряду с новыми подходами представляется важным опираться на богатое научное наследие выдающихся российских ученых, к числу которых, несомненно, относится член-корреспондент РАН Г.В. Мальцев.

Ключевые слова: правовые традиции, глобализационные стандарты, культурные традиции права, культурно-исторические линии, религиозно-правовые традиции, симфония властей

На протяжении ряда последних лет мы являемся свидетелями того, как стремительно меняется мир, как быстро меняются общественные отношения.

Возникают новые угрозы, новые риски, новые вызовы для общества, государства, отдельного человека.

Право в современный период времени, к сожалению, находится в состоянии глобальной турбулентности. Мы наблюдаем разрушение сложившихся и казавшихся устойчивыми отношений между странами, хозяйственными структурами. Разрушаются, сформированные в течение многих десятилетий, казавшиеся незыблемыми и непререкаемыми многие международно-правовые институты, принципы свободы рыночных отношений, хозяйственной деятельности, незыблемости права частной собственности, прав и свобод человека.

Испытывают проверку на прочность такие категории как «государственный суверенитет», «национальная идентичность», «неприкосновенность частной жизни» и многие другие.

Это ставит множество вопросов перед государственными и правовыми институтами, перед юридической наукой.

Тем не менее, в этих в этих условиях представляется актуальным обращение к истокам, к ценностным основаниям российской правовой культуры, вопросам сохранения и преумножения наших правовых традиций. И здесь, конечно, возникает вопрос о том, насколько в условиях глобализации, стоящих угроз и вызовов возможно сохранение и преумножение ценностных оснований права вообще, так и российской правовой культуры, и наших правовых традиций – в частности.

В поисках решения возникающих правовых проблем наряду с новыми подходами представляется важным опираться на богатое научное наследие выдающихся российских ученых, к числу которых, несомненно, относится член-корреспондент РАН Геннадий Васильевич Мальцев.

Стало уже доброй традицией на конференциях (в формате мальцевских чтений) обращаться к тому научному наследию, которое оставил Г.В. Мальцев. Это представляется вполне логичным и обоснованным, учитывая, что многие его работы являются исключительно актуальными и сегодня, поскольку дают богатую методологическую основу для разных направлений научных исследований.

Проблематика ценностных оснований права, культурных традиций права красной нитью проходит через многие его исследования.

Так, в одной из первых своих работ «Социальная справедливость и право» [1] автором охарактеризована категория «социальная справедливость» через установление прямой функциональной зависимости между тем, что человек или иной субъект отдает, и тем, что он получает. При этом в социальной справедливости он отмечал материальный (социологический) и идеологический (нормативно-ценностный) компоненты. Материальный компонент, состоящий в обменно-распределительных связях между людьми, отражается в идеологических ценностных структурах, состоящих из идей, норм, принципов, ориентаций, институтов. Принципы, нормы, понятия, убеждения относительно того, по каким правилам должно осуществляться распределение материальных и духовных благ, воздаяние за вред и негативные поступки отражаются в представлениях или господствующих идеях о справедливости. При этом Г.В. Мальцев отмечал, что каждое общество имеет свои представления о справедливости.

Ценностный подход к праву, правопониманию отчетливо прослеживается в монографии «Понимание права. Подходы и проблемы» [2].

В этой работе на основе анализа трех подходов к правопониманию: нормативистского (где право определяется как система норм), социологического (право определяется как система правовых отношений) и идеолого-ценностного (в основе этого подхода к определению права лежит правовая идея, а классическим образцом такого определения является то, которое приписывают римскому юристу – Цельсу «Право есть наука о добром и справедливом»), Геннадий Васильевич обосновал свой интегративный подход к определению права.

Право определяется как нормативно-регулятивная система, представляющая собой совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения.

Обоснование автором интегративного подхода правопонимания получило высокую оценку юридической общественности.

Особенно отчетливо ценностный подход просматривается в монографии «Нравственные основания права» [3], в которой автор рассуждает о реальном потенциале единства различных социальных регуляторов: права, религии, морали в рамках определенного типа культуры. Применительно к различным культурным линиям это единство проявляется по-разному: оно может быть заметным или неочевидным, в каких-то направлениях пересе-

каться, в каких-то нет, с различной степенью эффективности выполнять регулятивные функции.

Автор отмечал, что необходимо приостановить имеющий место процесс расхождения между нормативно-регулятивными системами и восстановить целостность соционормативной культуры общества. Мораль, право, религия, лишённые объединяющего начала, находящиеся в изоляции друг от друга в значительной степени утрачивают свою функциональную эффективность.

Высокая ценность научных работ Г.В. Мальцева состоит не только в том, что они носят характер завершённых исследований по актуальным проблемам права и государства, но и в том, что они ставят многочисленные проблемы, заставляют думать, искать варианты решения этих проблем, в том числе опираясь на рассуждения, обобщения и выводы, представленные в работе «Социальные основания права» [4].

Много внимания в работах Геннадия Васильевича уделено правовым традициям. Он отмечал, что основное назначение права – поддерживать и охранять порядок, который в основе своей наследуется обществом от прошлых поколений, базируется на исторических и культурных традициях.

Правовая традиция рассматривается в юридической литературе как совокупность исторически сложившихся, устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития в пределах отдельно взятой правовой системы, которая обеспечивает преемственность и трансляцию правового опыта правовой культурой из одного времени в другое.

Правовые традиции формируются веками медленно и постепенно; несут в себе ценностный заряд, связаны с поддержанием тех или иных правовых ценностей; неразрывно связаны с правосознанием.

К числу признаков правовой традиции относят: систему источников права и их иерархию; соотношение закона и юридической практики; роль и авторитет судебной власти; отношение населения к праву; соотношение права и морали в правосознании населения; влияние религии.

Правовая традиция придает устойчивость правовой системе, определяет направления развития права.

Связь поколений в преломлении культурных и правовых традиций Г.В. Мальцев прекрасно показал в одном из своих последних ярких научных произведений «Культурные традиции права» [5]. Оно представляет собой фундаментальный труд, в котором отражены страницы истории культуры разных народов, оказавшие влияние на их правовое развитие. События и факты выстраиваются автором в отдельные культурно-исторические линии, «проливающие свет» на определенные аспекты современного мира.

Автором обосновывался тезис о том, что сегодня невозможно судить о состоянии нашей цивилизации, не погружаясь в древнейшие пласты человеческой культуры, в которых видна нерасторжимая связь культурных форм с представлениями людей о порядке, праве, законах.

В работе глубоко и основательно рассматривается индоевропейская культурная линия, в рамках которой исследованы индоарийская и индоиранская религиозно-правовые традиции.

Представляют большой научный интерес правовые традиции античной культуры, право в культурных традициях древних германцев, древнеславянские культурные традиции и право. Поражает обширный перечень источников, использованных автором.

Рассмотрена мифология древних греков, сакральные функции поддержания порядка и закона, утверждения права и справедливости. В реализации этих функций особое место отводится Фемиде – богине справедливости, правосудия и правового порядка [5, с. 104-105]. Отметим, что многие греческие мифы являются свидетельством того, что влияние Фемиды на положение дел в универсуме вначале сильное затем постепенно убывает. Мифологические герои относительного позднего периода часто призывали Фемиду в свидетели несправедливости, однако, возмездие вершится не торопливо, либо вообще не наступает.

Всесторонне исследованы античные традиции позитивного права. Мальцев Г.В. отмечал, что греческое право реалистично, и этот реализм получил развитие в классической римской юриспруденции. На принципах и идеях римского права исторически формировалась европейская модель правовой системы, воспитывались многие поколения юристов. Традиции римского права, сложившиеся во времена Средневековья, значительно и ярко прослеживаются в юридической науке до настоящего времени.

В работе глубоко исследовано право древних славян. Автор отмечал, что в древнеславянской мифологии существует комплекс изначальных понятий и образов, которые определили общее направление правового развития славянства [5, с. 184-185]. С древнего славянского права начинается институциональная история систем права славянских народов. Аргументируется вывод о том, что право древнее, чем ученые до сих пор себе представляли. Время возникновения права (не в виде законов, а виде писаного обычая), по мнению автора, необходимо отодвинуть вглубь истории. Оно возникло задолго до появления первичных форм восточнославянского государства (VII-IX в.в.).

Вся история русского права включает три взаимосвязанных процесса развития обычного (общинного и другого) народного права, наиболее древ-

него по своему происхождению; кодифицированного права, введенного государственной властью и церковно-каноническое право, которое регулировало широкую сферу брачно-семейных, имущественных и наследственных отношений [5, с. 197-198].

Вместе с тем, на протяжении всей русской истории именно обычное право представляло собой «столбовой» путь правового развития, активно воздействуя не только на государственное законодательство, но и на церковное правотворчество.

Автор выражал свое несогласие с тезисом русского историка Н.М. Карамзина о том, что «россияне получили свои гражданские уставы от скандинавов». Он задает резонный вопрос: какие уставы могли принести варяги на Русь, если их обычное право было тогда не лучше и не выше древнерусского, не подвергалось никакой устной или письменной систематизации, если их правовое развитие основывалось на предпосылках, резко отличающихся от условий славянской культуры [5, с. 204] ?

Много внимания уделено в работе рассмотрению иудео-христианской культурной линии, особенностям возникновения и развития древнееврейского права. Отмечается, что и до настоящего времени иудаизм остается образцовой религиозной системой, которая органически вобрала в себя правовые начала.

Автор отмечал, что к числу важнейших факторов, под воздействием которых складывалась правовая традиция российской правовой культуры, является религия.

Он глубоко анализировал положения Библии, Ветхого Завета, Законов Моисея. Такой анализ проводился автором в контексте религиозно-правовых форм регулирования отношений между людьми. Говоря об исторической ценности Библии, автор отмечал, что в ней нашли отражение процессы и тенденции далекой от нас эпохи исторического генезиса социально-экономических, политических и правовых институтов [5, с. 212]. Библейские предания сохранили свидетельства того, что религиозно-правовые формы вызревали раньше, чем появились первые государственные образования.

Опираясь на богатейший исторический материал, автор рассматривал такие сложные вопросы, как «христианство и право», «связь культур Рима и Византии», «идея права западного христианства». При рассмотрении исторической проблематики, особенностей становления и развития правовых систем красной нитью проходит идея автора о связи поколений, традиций, культур народов отдельных государств. Автор искусно и рельефно выделял и характеризовал эти особенности. При этом, во многих случаях проблемы, стоящие много веков назад, в своем историческом преломлении актуальны и

сегодня. Так, и во времена расцвета Римской империи государственных деятелей Рима беспокоило то, что безудержная расточительность и роскошь богатых римлян на фоне бедственного положения низших слоев есть показатель того, что дела в государстве идут из рук вон плохо. Уже тогда государство пыталось установить контроль за сверхтратами, определяло для римлян нормы расходования средств на личные нужды. В 22 г. до нашей эры император Август издал закон об издержках, согласно которому римский гражданин, как бы он ни был богат, не мог тратить на жизнь сверх определенной меры [5, с. 211].

Созвучными с современной проблематикой являются вопросы исходящие из глубины веков, связанные симфонией (созвучием) властей. Автор рассматривал «симфонию властей» в Византии. Этот термин рассматривался в контексте взаимоотношений церкви и государства и означал образ согласия властей, умеющих ладить друг с другом [5, с. 342-343]. Уточним, что сам термин «благая симфония» можно встретить в Дигестах Юстиниана (VI, 1), но конкретизация идеи произошла намного позже. Расцвет данной идеологии относится к зрелости Византийской империи.

Чтобы быть симфоничной любая власть не должна держаться за тяжелые окаменевшие формы, а проявлять добрую волю к согласию ради достижения общих целей. Отношения между церковью и государством определялись путем взаимного согласия при независимости каждой из властей. Государство признавало для себя внутренним закон церковный, а церковь считала себя обязанной повиноваться государству. Исходным был «дуализм церковной и светской власти, своеобразие миссии церкви и государства, принципиальное единство их христианских идеалов на земле, несводимость друг к другу церковных и государственных средств достижения общих целей» [5, с. 348-349].

Теория симфонии властей является важнейшим достижением политической мысли, сопоставимой по своему значению с более поздней западной теорией разделения властей в государстве.

Представляет большой интерес рассмотрение Г.В. Мальцевым особенностей византийского права, которое имеет двойственную природу – церковную и государственную. Нормы права создавались в разное время церковью и государством и имели двойную богословскую и политическую легитимацию. Система церковного и канонического права на Западе и Востоке византийской империи включает 3 вида правовых сборников: канонические сборники, включающие нормы церковного права, гражданские сборники – собрания гражданских законов по церковным делам, номоканоны – сборники, регулирующие церковные и гражданские отношения [5, с. 362]. Визан-

тийские исправления римского права нередко смягчали и в определенной мере гуманизировали жесткие правовые институты Древнего Рима.

Судебная система Византии характеризовалась переплетением форм светского и церковного судопроизводства. Раннехристианские источники не признавали за церковью «власти меча» – права подвергать человека, преступившего закон, смерти. Человек, преступивший закон, является с точки зрения государства преступником, а с точки зрения церкви – грешником. Наказание за грех – раскаяние.

На общем фоне своего времени Византия, как отмечал Г.В. Мальцев, выделялась сравнительно мягким уголовным правом. Византийские императоры при участии церкви часто объявляли «всеобщее помилование» или всеобщее «прощение», что означало полное или частичное освобождение от наказания [5, с. 390].

Как отмечают некоторые авторы слово «амнистия» пришло в современную юридическую терминологию из Византии [6, с. 493].

Автором всесторонне исследованы политико-правовые аспекты древнерусской культуры, формы древнерусской государственности, симфония властей времен Московской Руси. Охарактеризован правовой аспект симфонии властей применительно к Московской Руси: царство должно быть «украшено правильным и порядочным государственным строем», под которым следовало понимать наличие строгого порядка в государстве, основанного на законе. В основании царства «лежат порядок и законность», оно пользуется лишь законной властью [5, с. 562].

В работе выделен и охарактеризован комплекс принципов симфонии власти, к числу которых относятся: сотрудничество и взаимная поддержка, единство церкви и государства в христианском мире; важнейшие вопросы каждая власть решает с ведома и при согласии другой власти; признание верховенства каждой из властей в ее сфере деятельности; меняющееся соотношение властных функций, закрепленных за церковью и государством, возможность передачи полномочий от государства церкви и от церкви государству; широкое участие церкви в осуществлении законодательной и судебной власти [5, с. 363-364].

В непродолжительном периоде драматической истории русской симфонии властей, по мнению Г.В. Мальцева, Иван Грозный явился одним из создателей этой доктрины, во многом отличавшейся от византийской. Основной документ, в котором была зафиксирована русская симфония властей появился в эпоху Ивана Грозного (имеется в виду выдающийся памятник того периода времени – сборник Стоглав, составленный по материалам Стоглавого собора). Автор обоснованно отмечал, что без предшествующего пе-

риода развития Руси, во всех его сложностях и противоречиях, без эпохи Ивана IV, как и предшествующей эпохи Ивана III, история Государства Российского не смогла бы обрести те социально-политические масштабы, которыми она обладает в действительности [5, с. 384]. Как известно, при Иване Грозном Россия стала и с тех пор остается крупнейшей евразийской державой. Территория страны выросла с 2,8 до 5,4 млн. кв. км., население увеличилось на 30-50%.

В результате судебной реформы, проведенной в период царствования Ивана IV, в государственных (наместнических) судах появились представители посадского населения и черносошного крестьянства, что позволяет говорить о зарождении ранних форм суда присяжных.

Мальцев Г.В. абсолютно прав в том, что современная Россия «должна собраться духом после потрясений, которые выпали на ее долю». То, что для нее крайне необходимо – это возрождение ее лучших культурных традиций, это богатая культура, возникшая на прочном фундаменте отечественного и мирового опыта. При обновлении духовного потенциала России задачей первостепенной важности является воспитание населения страны, свободного от всяких навязанных и «благоприобретенных» комплексов неполноценности, от предрассудков, фобий, преклонения и угодничества перед Западом.

Мальцев Г.В. с сожалением отмечал, что так называемое западничество есть неизлечимая, и, кажется, наследственная болезнь нескольких поколений российской интеллигенции. Ее критичные оценки связаны с нежеланием глубоко вникать в смысл русской истории, увидеть оригинальный образ национальной культуры.

Автор подчеркивал, что прогресс России может быть обеспечен только усилиями самих граждан с твердой уверенностью в будущем, верой в перспективы русского правосознания и русской культуры. Эти качества существовали в нашей истории всегда. Они и должны стать, по мнению Г.В. Мальцева, ориентиром для новых концепций, необходимых для дальнейшего развития страны.

С течением времени актуальность трудов Г.В. Мальцева в силу их глубины и фундаментальности не уменьшается. Они вносят существенный вклад в развитие юридической и ряда других общественных наук и, несомненно, являются полезными для многих поколений ученых, преподавателей вузов, всех, кто интересуется проблемами права и государства.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право М., 1977.
2. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы М.1999.

3. Мальцев Г.В. Нравственные основания права М. 2008.
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права М.2007.
5. Мальцев Г.В. Культурные традиции права М. 2013.
6. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

Керимов Александр Джангирович,

главный научный сотрудник, заместитель научного руководителя
Центра интеграционных и цивилизационных исследований
Института государства и права Российской академии наук,
профессор, доктор юридических наук
(Москва, Россия)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЗРОЖДЕНИИ В РОССИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Аннотация. В статье представлены авторские рассуждения о состоявшейся в 2020 г. конституционной перезагрузке социальных стандартов и гарантий в России и приведены доводы в пользу формирования социалистического по сути и обновленного по форме общественного порядка. Сделан вывод, что на смену типичному персонажу эпохи капитализма постепенно, но твёрдо и неотвратно идёт новый, более нравственный, проникнутый возвышенными чувствами, идеалами и устремлениями, пассионарный человек. Подчеркнута значимость принятых в конституционно-правовой сфере шагов, направленных на формирование нового человека и созидание нового общества.

Ключевые слова: Конституция, общественный правопорядок, социальные стандарты, гарантии, ценности.

«В условиях неустойчивой, т.е. кризисной общественной системы особенно важно, чтобы отдельные люди или социальные группы, чувствуя приближение точки бифуркации, готовили свой вариант событий, обещающий новый порядок. Благодаря их трудам и усилиям можно повысить вероятность осуществления этого варианта («ветви») развития, но его никогда нельзя рассматривать как обреченный на успех, predeterminedный результат использования познанных закономерностей, надежных рецептов» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 87).

В 2020 г. были приняты поправки к Конституции России. Это событие ознаменовало собой начало нового этапа политико-правовых преобразова-

ний непреходящей важности не только для прогрессивного развития нашей страны, но и для всего мирового сообщества. Невозможно не заметить, что само смысловое содержание, равно и мобилизационно-созидательный потенциал соответствующих конституционных изменений чрезвычайно значимы и во многом революционны.

В череде существенного предлагаем обратить внимание на закрепление, в первую очередь статьями 75 и 75.1 Конституции России, социальных стандартов и гарантий.

Это представляется чрезвычайно важным, ибо я усматриваю в упрочении позиций социального государства движение в направлении к социализму. У меня не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что возрождение социалистического общественного порядка, разумеется, в новых формах, дело не столь уж отдалённого будущего. Такой общественный порядок, как представляется, станет опорной основой публичного правопорядка Российской Федерации, который как мерило конституирован п. «б» ч. 5¹ ст. 125.

Во-первых, буржуазный строй постепенно изживает себя естественным образом, медленно, но неотвратимо умирает. Стремительно накапливающиеся чрезвычайно сложные проблемы и противоречия общественного развития, перманентно и грозно наступающие кризисы в финансово-экономической и прочих областях, не поддающиеся внятному объяснению нескончаемые и вопиющие нарушения элементарных принципов социальной справедливости, устоявшихся нравственных и религиозных норм – эти и другие характерные черты, свойственные капиталистической системе изначально и по сей день, красноречиво свидетельствуют о её относительно скорой неминуемой гибели и последующем преобразовании в нечто кардинально иное. Капитализм покинет историческую сцену не только ввиду того, что он почти полностью исчерпал собственные внутренние ресурсы, израсходовал мобилизационные возможности, не в силах более справляться с непрерывно появляющимися объективными и разнопорядковыми трудностями, а ещё и потому, что он невыносимо долго остаётся на этих подмостках.

Мы предвидим здесь веское возражение, состоящее в том, что приблизительно три столетия существования капитализма – не слишком продолжительный в историософском плане период и поэтому предрекаемый нами его неизбежный уход с геополитической арены вряд ли свершится в обозримом будущем. Однако время сегодня течёт не так, как прежде в, казалось бы, совсем недалёком, патриархальном и невозвратном прошлом, т.е. медленно, размеренно и постепенно. Нет, нынче оно буквально мчится в загадочно-непонятное, таинственное, внушающее страх и вместе с тем магически и неодолимо манящее завтра.

Уже в XIX, особенно в XX и XXI вв. наблюдается доселе невообразимое, зачастую затмевающее даже наиболее смелые прогнозы футурологов и научных фантастов ускорение и усложнение практически всех общественных процессов. День за днём они всё сильнее поражают нас своей стихийностью, хаотичностью, беспорядочностью и неуправляемостью, что в совокупности несомненно представляет собой их специфическое качество, отличительное свойство, обязательный атрибут на настоящем этапе истории. Э. Тоффлер задаётся очень важным, вполне резонным и при этом риторическим вопросом: способен ли индивид жить в социуме, который по сути вышел из-под контроля? Ведь именно в таком положении, по его мнению, мы сейчас и находимся. Он отмечает, что если бы одна лишь техника, условно говоря, вырвалась на свободу, и в результате её развитие обернулось непредсказуемыми последствиями, то и тогда мы бы столкнулись с серьёзными проблемами. Между тем драматизм ситуации в том, что и другие объективные процессы, происходящие в людском сообществе и природной среде, активнейшим образом, с его точки зрения, сопротивляются всем нашим неимоверным усилиям управлять ими. Урбанизация, этнические конфликты, миграция населения, преступность – перед мысленным взором, подчёркивает исследователь, возникают тысячи областей деятельности, где наши старания придать переменам приемлемую форму выглядят всё более нелепыми, глупыми и тщетными [1, с. 486-487]. Здесь уместно привести слова Нобелевского лауреата Ж. Моно: «Человек должен, наконец, пробудиться от тысячелетнего сна, и, пробудившись, он окажется в полном одиночестве, в абсолютной изоляции. Лишь тогда он, наконец, осознает, что, подобно цыгану, живет на краю чужого ему мира. Мира, глухого к его музыке, безразличного к его чаяниям, равно как и к его страданиям или преступлениям» [2, р. 180]. Однако это, как утверждал Г.В. Мальцев, «прогноз для человека западной цивилизации, которого невозможно вернуть назад к естественным и здоровым истокам человеческого существования. Он не желает видеть причин нынешнего духовного кризиса человечества, он и сегодня, прельщенный перспективой обретения супербогатств, накопления сверхкапиталов, строит глобальный мир, основанный на господстве мощных экономических организаций. В этом мире завершено отчуждения человек, скорее всего, станет лишним;...» [3, с. 84].

Сверх того, стремительно обостряются старые и появляются абсолютно новые, ранее неизвестные, в том числе глобальные проблемы, насыщающие мир мрачными и жестокими реалиями, злонамеренными, воистину дьявольскими интенциями, делающие его открыто враждебным, чудовищно опасным. Эти планетарные по своему охвату проблемы угрожают не только

стабильному, полноценному и благополучному существованию целых стран и континентов, наций и народов, но и сбережению человека в биологическом и духовном смыслах, сохранению самой жизни на Земле, всего рода людского, по большей части безнадежно утратившего чувства эсхатологической интуиции и провиденциальности собственного предназначения.

Речь идет о постоянно увеличивающейся и во всемирном масштабе, и нередко в границах отдельных государств без того гигантской пропасти между богатством и бедностью, изобилием и нуждой, роскошью и нищетой, о пропасти, если угодно, всепроникающей, вездесущей, разверзнутой не где-то там, далеко на краю света, а прямо здесь, перед нами, нашими уютными и комфортными домами. Устрашающее зияние этой бездны как будто специально призвано поколебать и посрамить веру в единую судьбу человечества. По словам Г.В. Мальцева, «Если люди не расстанутся с «идеалами» безудержного экономического роста и потребительства, коммерциализации, не откажутся от «языческого» культа денег и юридически ритуализированного торгашества, тогда о спасении человечества и говорить нечего» [4, с. 541].

Мы также имеем в виду и многие другие вызовы нашего сурового века: наращивание гонки вооружений и распространение всё более совершенных и смертоносных его видов; транснациональный терроризм, этнический и религиозный экстремизм; загрязнение биосферы и расширение «зон экологического бедствия»; нехватка продовольствия, дефицит энергоресурсов; сокрушительные природные катаклизмы, техногенные катастрофы и производственные аварии; появление до сих пор неведомых вирусных и прочих коварных заболеваний, принимающих характер повальных эпидемий, даже пандемий, и т. д.

Итак, факты неопровержимо свидетельствуют о том, что капитализм близится к своему естественному и закономерному закату. Способность учреждённого им порядка адаптироваться к реалиям и перипетиям современной действительности сильно преувеличена. «Продолжительность его жизни» резко сокращается. Она будет бесспорно гораздо короче, нежели феодального, рабовладельческого и, уж точно первобытнообщинного строя.

Во-вторых, на смену этому устаревающему порядку своим чередом, пусть неспешно, но твёрдо и неминуемо идёт отчётливо заявляющий о себе антибуржуазный уклад, формирующийся первым делом не в экономической, а прежде всего в духовно-нравственной сфере. Зарождается как бы само собою, органически, безыскусственно и остенсивно общество будущего, общество посткапиталистических отношений и взаимосвязей, установок и целей, значений и смыслов. Грядёт новая эпоха. Её ожидаемое пришествие произойдёт в результате независимо от воли и желания тех, кто заинтересован в

сохранении статус-кво, ныне существующей жестокой и бездушной эксплуататорской системы. Она к тому же наступит намного раньше, чем допускает большинство экспертов и аналитиков.

Достойное свободного индивида постбуржуазное завтра шаг за шагом, постепенно, но уверенно и настойчиво прорастает из глубин эконоцентричного сегодня. Персонажи, ориентированные исключительно на развратно-избыточное, иррационально непомерное потребление, товаров, продуктов и услуг, как будто нехотя, но неотвратно уступают место личностям нравственным и интеллектуальным. Последние не только в некоем абстрактно-метафизическом, духовном, но и в реальном жизненном пространстве начинают пока мучительно медленно, но неустанно и решительно оттеснять с занятых господствующих позиций субъектов, поражённых капиталистической моралью.

Примеров это доказывающих уже достаточно. Буквально с каждым годом всё большее количество граждан различных государств приходят к ясному, иногда интуитивному пониманию того, казалось бы, очевидного факта, что получение системного, добротного академического образования нужно им и их детям не столько для решения утилитарных задач (регулярных солидных доходов, гарантированной престижной работы, стабильного карьерного роста и т. д.), а необходимо, по сути, как таковое, само по себе. Образование в итоге всё чаще предстаёт в аксиологическом ряду фундаментальной, чрезвычайно важной и, главное, абсолютно самостоятельной ценностью; утверждается его собственная исключительная самооценочность.

Нельзя не признать, что изначальное стремление человека к образованию, просвещению (удачно определяемому И. Кантом в качестве выхода из состояния несовершеннолетия [5, с. 29]) и, соответственно, к осмыслению и переустройству действительности под натиском, жёстким психологическим прессингом целенаправленной агрессивной политики господствующего класса, либеральной демократии, ничем не стеснённого свободного рынка, разнузданного потребительского общества, усердно культивируемого постмодернистского видения реальности и т.п., к величайшему сожалению, постепенно притупляется, затухает и угасает. Многие его уже безвозвратно утратили. Но оно, тем не менее, всё ещё характерно для наиболее пассионарных индивидов, о которых столь убедительно и подробно писал Л.Н. Гумилёв [6].

Невозможно не заметить и ряд других принципиальных, весьма наглядных и показательных сдвигов в шкале ценностей, в их иерархической сопоставимости, и, как следствие, в структуре потребления, в перечне расходов некоторой, пожалуй, даже немалой части наших современников. Эти

существенные изменения напрямую связаны с повышением общего культурного уровня людей XX и XXI столетий. К ним приходит осознание того, что качество жизни зависит далеко не в последнюю очередь от степени её духовной насыщенности, наполненности нетривиальными смыслами и экзистенциальными переживаниями. Посему они активно предпринимают попытки, направленные на всемерное обогащение своей повседневности соответствующим содержанием. Рождающийся и возрождающийся ныне, на новом этапе истории постэкономический *Homo sapiens* гораздо охотнее обращает внимание на социальную значимость, характер, нужность и полезность своего труда, а не только лишь на его доходность и прибыльность; он предъявляет достаточно высокие требования к выполняемой им изо дня в день работе, полагая прежде всего реализоваться в ней как творческая, инициативная и гармоничная личность; он хочет, чтобы его профессиональная деятельность была увлекательной и интересной, приносила ему удовольствие и радость; он, наконец, тратит довольно большую часть заработанных им денежных средств не на оплату тех или иных сугубо материальных нужд, не на аморальное потакание различным, может статься, имеющимся у него плотским слабостям, а на удовлетворение невещественных, неосязаемых потребностей, связанных с запросами духовного – интеллектуального этического, религиозного, эстетического, эмоционального – порядка (чтение книг, прослушивание лекций, посещение святых мест, также театров, концертов, музеев, выставок, и т. д.).

На смену типичному персонажу эпохи капитализма постепенно, но твёрдо и неотвратимо идёт новый, более нравственный, проникнутый возвышенными чувствами, идеалами и устремлениями, пассионарный человек. Есть все основания приветствовать конституционно-правовые шаги, направленные на формирование нового человека, на созидание нового общества.

Список литературы

1. Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
2. Monod J. *Chance and Necessity*. N.Y., 1992.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.
4. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008.
5. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? 1784. Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. – М.: Чоро. 1994.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997.

Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ АМПЛУА ИНСТИТУТА ДОВЕРИЯ

Аннотация. На основе анализа научных и формальных источников, связанных с вопросами доверия, рассмотрены конституционные амплуа доверия. Первая его роль проявляется в конституционной модели реализации принципа сдержек и противовесов во взаимоотношениях Государственной Думы и Правительства при принятии решения главой государства. Вторая – в формировании условий для взаимного доверия государства и общества. Обозначены также конституционно означенные и законодательно конкретизированные амплуа доверия в рамках выборов и отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Сделан вывод, что в отношениях доверия/недоверия уполномоченным органам нужно поступать настолько взвешенно, чтобы не пошатнуть доверие к власти со стороны населения.

Ключевые слова: Конституция, институт доверия, выражение недоверия, вопрос о доверии, утрата доверия.

«От качества и активности данных институтов [институтов социального контроля и социальной корректировки] зависит состояние правовой системы, бывает, что и они «пропускают» через себя неудачные нормы, не «замечают» ошибок законодателя. Их можно за это критиковать, реформировать, но нельзя недооценивать, ибо они, вообще говоря, отвечают за превращение «плохого» права в «хорошее», создают в обществе атмосферу доверия к праву, формируют престиж закона и его нормы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 637).

Доверие относится к тем явлениям, которые человек чувствительно воспринимает на протяжении всей жизни. С самого детства мы учимся понимать, что доверие на выполнение каких-то даже самых простых – домашних, учебных, трудовых, общественных – поручений возлагает на человека груз его оправдать. Если этого не получилось, то именно тот, кому доверили, как правило, и претерпевает неблагоприятные последствия и не только мо-

рального плана. Из уроков социализации следует, что доверие можно оказать, им можно злоупотребить, его можно лишиться, потерять или нарушить.

Подтверждением важности доверия определенно служат пословицы и поговорки, с ним связанные: назидательные «Доверяй, да проверяй», «Доверяй, но не доверяйся», «Не злоупотребляй доверием»; ориентирующие «Взаимное доверие – основа дружбы», «Жизнь и доверие теряют только раз»; предупреждающие «Недоверия укор, как для дерева топор», «Доверие, как бумага, раз подпортишь – идеальным оно уже не будет»; оценивающие «Доверять – хорошо, слишком доверять – опасно», «Доверие народа дороже золота». Расхожее – «Доверил козлу капусту» – также оттеняет суть понимания и того, кому и что можно доверить, и того, что доверие – ответственный шаг.

Толковый словарь поясняет, что доверие есть «... Убежденность в чьей-н. честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-н.» [1, с. 298], а доверить – значит «Поручить, оставить на сохранение по доверию; ... Дать поручение, выдать доверенность...» [1, с. 298].

В научной литературе доверие рассматривается, например, как правовая ценность [2], правовой принцип [3], междисциплинарная категория [4]. Доверие исследуют в определенной сфере [5, 6], в сопряжении с определенными субъектами («носители доверия») [7, 8] и в отношении различных публичных институтов «объекты доверия» [9, 10, 11]. Также доверие анализируется в контексте функционирования федеральных [12] и региональных [13] органов власти.

Мальцев Г.В., раскрывая легитимность публичных институтов и их деятельности, отмечал, что «Легитимность ... означает признание институтов, выработанных законным путем, в качестве обязательного для всех граждан, независимо от того, принимали они сами в создании института или нет. Можно говорить о презумпции легитимности института, о доверии к институту, который следует исполнять, если нет видимых оснований сомневаться в его действительности» [14, с. 462].

Доверие, получив «прописку» в изначальном тексте Конституции России, оказалось связанным с федеральными органами государственной власти, а именно Президента, Правительства и Государственной Думы. В указанном публично-субъектном треугольнике через доверие/недоверие реализуются не только полномочия указанных органов, но и принцип сдержек и противовесов. Таково одно из конституционных амплуа института доверия: в нем представлены только публичные органы федерального уровня.

Согласно п. «б» ч. 1 ст. 103 Конституции России «решение вопроса о доверии Правительству Российской Федерации» отнесено к ведению Государственной Думы. Постановка данного вопроса может осуществляться как

Государственной Думой в формате «выражение недоверия» Правительству (ч. 3 ст. 117), так и Председателем Правительства в формате «о доверии» к Правительству (ч. 4 ст. 117).

В первом случае, когда большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы постановление о недоверии Правительству принято, Президент России вправе как объявить об отставке Правительства, так и не согласиться с таким решением Государственной Думы. То есть все может быть по-прежнему. Таков один сценарий взаимодействия субъектов названного публичного треугольника по поводу доверия/недоверия.

Конституционно предусмотрен и другой сценарий: в случае если в течение трех месяцев Государственная Дума – то ли по собственной инициативе «выражения недоверия», то ли по инициативе Председателя Правительства спросить «о доверии» – повторно выразит недоверие Правительству, то Президент уже не может сохранить все, как есть, а принимает одно из двух решений: объявляет об отставке Правительства / распускает Государственную Думу и назначает новые выборы.

Таким образом, в рамках реализации приведенной конституционной модели принципа сдержек и противовесов в правоотношениях между Государственной Думой и Правительством по поводу «выражения недоверия» или постановки «вопроса о доверии» у Президента Российской Федерации в каждом случае есть альтернативы решений с учетом задач «обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти» (ч. 2 ст. 80), что определенно способствует устойчивому доверию к власти со стороны населения.

Другое конституционное амплуа института доверия появилось по итогам внесения поправок в 2020 г. Так, в новой конституционной статье 75.1 установлено, что в России «создаются условия ... для взаимного доверия государства и общества...». Здесь наряду с таким публичным субъектом, как государство, назван и коллективный социальный субъект – общество. При этом более просчитываемым является доверие именно общества к государству. Инструменты для такого определения такого доверия хорошо известны. Так, по данным ВЦИОМ (23.06.2023 г.), показатель одобрения деятельности Президента за неделю (с 12 по 18 июня) вырос «на 1,4 процентного пункта и теперь составляет 76,1%» Работу Правительства России положительно оценивают 50,7% респондентов, а деятельность лично главы кабмина Михаила Мишустина – 53,3%. На прямой вопрос о доверии Владимиру Путину положительно ответили 78,9% респондентов, премьер-министру Михаилу Мишустину – 61,8% [15].

Другой инструмент имеет конституционный статус «высшего непосредственного выражения власти народа» (ч. 2 ст. 3) – это свободные выборы, с известной периодичностью проводимые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях публичной власти.

Справедливости ради отметим, что референдум также назван в качестве высшего непосредственного выражения власти народа. Но данный инструмент в деле проверки доверия населения и власти при решении вопросов государственного значения на федеральном уровне остается не востребованным. В качестве *ad hoc* варианта можно привести общероссийское голосование [16]. Полагаем, что этот уникальный по факту и адекватный по признакам народовластный феномен, учрежденный и реализованный в России специально для одобрения российскими гражданами поправок к Конституции России, вполне может быть рассмотрен в «доверительном» ключе. По мнению автора, «оправданность и успешность разово проведенного плебисцитарного эксперимента обуславливает целесообразность его использования и в других народовластных целях» [16, с. 145], а также в качестве инструмента доверия к населению со стороны государства.

В рамках законодательства о выборах наличествуют компоненты института доверия. Так, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» содержит нормы о доверенных лицах и кандидата, и политической партии (ст. 43, 55). Из закона следует, что кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее кандидатов, список кандидатов, вправе назначить доверенных лиц, регистрация которых «осуществляется избирательной комиссией в течение пяти дней со дня поступления письменного заявления кандидата (представления избирательного объединения) о назначении доверенных лиц вместе с заявлениями самих граждан о согласии быть доверенными лицами» (ч. 1 ст. 43). Кандидаты, избирательные объединения, назначившие доверенных лиц, вправе в любое время отозвать их, уведомив об этом избирательную комиссию, которая аннулирует выданные этим доверенным лицам удостоверения.

Политическая партия, выдвинувшая федеральный список кандидатов, вправе назначить до 1000 доверенных лиц, а кандидат, выдвинутый по одномандатному избирательному округу, – до 20. Доверенные лица также регистрируются в установленном порядке и получают удостоверения. Прекращение статуса доверенного лица также законодательно прописан.

Отметим, что доверенное лицо дает свое письменное согласие выступить в таком качестве, а вот отзыв осуществляется в любое время и без объ-

яснения причин. Можно предположить, что такому развитию событий предшествовала утрата доверия, но это не прописанная позиция.

Отметим, что «утрата доверия» является законным основанием отрешения от должности. Как следует из Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации прекращаются досрочно в случае: «3) отрешения его от должности Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации, ...; 4) отрешения его от должности Президентом Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации» (ст. 28). Относительно оснований для принятия решений об утрате доверия законодательной определенности нет, что дает основания полагать, что это субъективно-прерогативное решение уполномоченного на то органа.

Небезоснователен вопрос о возможности назначения на иную публично-властную должность лица, которое ранее было отрешено от должности по основанию утраты доверия / отказа в доверии. Или достаточной мерой конституционной ответственности является отрешение от должности? Представляется, что в такого рода отношениях нужно поступать настолько взвешенно, чтобы не пошатнуть доверие к власти со стороны населения.

Подытоживая, полагаем уместным привести слова И.А. Ильина. Резюмируя рассуждения о праве на правду, он отмечал «Россию можно строить только на взаимном доверии; а если русские люди будут лгать друг другу, то они расплытятся в мире и погибнут от взаимного недоверия и предательства» [17, с. 215].

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка: В 3-х т. Т. 1. А – М / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги. 2001. 704 с.
2. Напольских И.М. Доверие как правовая ценность // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 4. С. 161-164.
3. Демяненко А.Н. Доверие как правовой принцип // Мировой судья. 2010. № 5. С. 2-4.
4. Бенц Д.С., Казадаев М.С. Доверие как междисциплинарная категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 167-176.
5. Тихонова Ж.К., Лунева У.С. Доверие в конституционном праве // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 89-93.

6. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М.: Инфа-М. 2020. 192 с.
7. Алексеев М.С. Доверие населения к органам власти в информационном обществе: теоретико-методологические основы изучения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 177-191.
8. Гуторова А.Н. Народное доверие или недоверие органам государственной власти // В сборнике: Права человека: история, теория, практика. десятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 28-31.
9. Зорькин В.Д. Доверие к праву – путь разрешения глобальных кризисов // Судья. 2016. № 6 (66). С. 12-20.
10. Туманова О.И. Доверие к законам и правовая защищенность граждан как факторы легитимности власти // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2022. № 3 (30). С. 29-33.
11. Аврамцев В.В. Конституционные реформы 2020 и доверие граждан к публичной власти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 194-195.
12. Безуглая А.А. Принципы доверительного партнерства и солидарности в российской практике социального государства (на примере взаимодействия палат Федерального Собрания России и главы государства) // В сборнике: Реализация принципов социального государства: конституционный аспект. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2022. С. 104-109.
13. Акчурина А.В. Новации мер конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации как элемента системы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2023. №1. С. 38-41.
14. Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. – М.: Норма, 2007. 800 с.
15. <https://161.ru/text/politics/2023/06/23/72427955/>
16. Мархгейм М.В. Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 1. С. 145-154.
17. Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи / Под редакцией Н.П. Полторацкого. Изд. Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс Джорданвилл, Н.-Й. США, 1991. 368 с.

Куксин Иван Николаевич

профессор департамента права Института экономики, управления и права
Московского городского педагогического университета,
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

ПРАВО НА СООБОРОНУ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕАЛИЗАЦИЮ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы связанные с обоснованием права любого государства на самооборону, анализируется специфика реализации данного права. Кроме того, анализируется понятие «вооруженное нападение», которое представляет одно из противоречивых условий осуществления обороны, а также трудности реализации этого права в теории и практике международного права.

Ключевые слова: самозащита, неотъемлемое право, начало вооруженного нападения, военная опасность, военная угроза, недружественные действия

«Реалистическое отношение к актуальным правовым фактам сводится, в сущности, к образу мысли, при котором для человека лишено ценности то, что не лежит в плоскости его интересов. Собственные либо воспринятые в личностном плане коллективные интересы формируют жизненную позицию, через которые люди оценивают данные факты. Такова истина, подтверждаемая нашей повседневностью...» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 334).

Утро четверга 24 февраля 2022 г. было необычным для многих россиян. Сообщение СМИ о начале ВС России специальной военной операции (СВО) на территории Украины многие восприняли по-разному.

Что касается отечественных юристов, то это сообщение вызвало чувство неопределенности в оценке решения, принятого руководством страны. Такая реакция была вызвана сакральностью нормы международного права (ст. 2(4) Устава ООН), где речь идет о том, чтобы государства «воздерживались в международных отношениях от угрозы силой или ее применения». В ином разе любое применение силы, не связанное с индивидуальной или коллективной самообороной (ст. 51 Устава ООН) или решением СБ ООН (Глава VII Устава), является международным нарушением.

Изложенный подход остается одним из основных и ключевых принципов международного права, юридически закрепленным в Уставе ООН, и пользующимся широкой поддержкой в научном сообществе.

Если я поставлю риторический вопрос: российское общество и его политическое руководство наблюдая более 8 лет, начиная с 2014, должно было защитить русскоязычное население, проживающее на территории Донбасса от геноцида, варварских обстрелов и диверсий ВСУ, не признавших и не признающих насильственную антиконституционную власть киевского режима?

Позвольте выразить уверенность, если не все, то подавляющее большинство участников нашей конференции дадут только положительный ответ на данный вопрос. Необходимо было немедленно прекратить этот кошмар – геноцид в отношении проживающих там миллионов людей, которые надеялись только на Россию. Именно эти устремления, чувства, боль людей и были для нас главным мотивом принятия решения не только о признании народных республик Донбасса, но и защиту их населения.

Но так как мы – представители юридического сообщества, ответ должен основываться не на эмоциях, а на выверенных доказательствах, дающих право на самооборону.

Итак, Россия заявила, что целями спецоперации на Украине – демилитаризация и денацификация Украины, а также защита Донбасса. Президент России В.В. Путин в обращении к нации о начале специальной военной операции 24 февраля 2022 года прямо и четко заявил: «Наши действия – это самозащита от создаваемых нам угроз» [1].

Слово «самозащита» в приведенной фразе Президента Российской Федерации, несет определенную смысловую нагрузку. По нашему мнению, она носит явно выраженный правовой подтекст. Только такое прочтение приведенной фразы дало основание заместителю постоянного представителя России при ООН Д. Полянскому в эфире британского телеканала «Sky News» заявить, что Россия начала военную спецоперацию по демилитаризации Украины в полном соответствии со статьей 51 Устава ООН [2]. По его словам, Россия нанесла своего рода упреждающий удар, руководствуясь указанной статьей Устава ООН, в которой закреплено, что государство имеет право прибегнуть к военной силе в случае вооруженного нападения.

О том, что руководство Украины планировало нападение на Россию, свидетельствуют обнародованные Минобороны России 9 марта 2022 г. документы, в которых изложены планы по подготовке наступления на Крым, на Луганскую и Донецкую народные республики.

Полностью разделяем позицию Д. Полянского, опираясь на соответствующие проведенные теоретические исследования как отечественных, так и зарубежных юристов, как результат толкования ст. 51 Устава ООН. Именно о них и пойдет дальше речь.

Итак, напомним, что ст. 51 Устава ООН устанавливает «неотъемлемое право на самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена организации». ключевые слова здесь возможность обращения к силе в порядке самообороны только в том случае, «если произойдет вооруженное нападение».

Если строго руководствоваться текстом приведенной статьи и правилами формальной логики, то следует, что пока нет реального вооруженного нападения со стороны другого государства, нет и основания на применение самообороны. И многие исследователи данной проблемы делают вывод, что превентивная самооборона не соответствует положениям Устава ООН о применении силы [3]. Представляется, что это не так.

Хочу обратить внимание, что в самой ст. 51 Устава ООН содержится положение о неотъемлемом праве государства прибегнуть к военной силе в порядке самообороны. Многие исследователи, трактуя это положение, приходят к выводу, что эта отсылка дает право государству на самооборону в рамках международного обычного права [4, с. 120].

Этот вывод основывается на теоретических работах как зарубежных (Мюллерсон Р.А., Шеффер Д.Дж., Швобель С., Шоу М.), так и российских (Гольцов С.Д. и Малеев Ю.Н., Скакунов Э.И., Прокофьева Н.В. и др.) исследователей. В их работах приводятся аргументы, согласно которым параллельно Уставу ООН продолжает существовать обычное право на самооборону, дающее основания государству на применение силы, если вокруг его границ сложилась обстановка неминуемой угрозы нападения.

Изложенный подход отчасти находит свое подтверждение практикой Международного Суда ООН по делу Никарагуа и США, где отмечено, что определение «неотъемлемое право» означает урегулирование вопроса самообороны также международным обычаем [5].

Автор разделяет позицию тех исследователей, которые утверждают, что «самооборона выступает не как исключение из данного принципа, а как самостоятельно существующее неотъемлемое право любого государства, предусмотренное на случай нарушения императивной нормы принципа запрещения применения вооруженной силы» [6, с. 46]. В этой связи можно взглянуть на самооборону с несколько иных позиций, а именно в складывающейся современной обстановке самооборона не приобретает абсолютный запрет, а выступает как институт, позволяющий государству отстаивать

национальные интересы в рамках норм международного права на основе обычного права.

Надо отметить, что специальная военная операция России на Украине началась неожиданно. Но, стоит сказать, что предпосылки к ее началу были заметны еще примерно со второй половины 2021 г. Происходила активная накачка ВСУ, Национальной гвардии и Службы безопасности Украины всем необходимым для ведения боевых действий и ряд других событий, предшествовавших началу СВО.

США и еще 16 стран в период с 2014 по 2021 гг. поставили Украине широкий спектр не только военного имущества, техники, снаряжения и боеприпасов, но и мобильный полевой госпиталь.

Текущий момент характеризуется новым витком обострения военно-политической обстановки. В мире витают предгрозовые раскаты, указывающие о приближении мира к возможным более масштабным военным столкновениям. Ядерное оружие уже не является сдерживающим фактором. Страны НАТО усиленно продолжают военное освоение территории Украины. Возрастает напряженность на западных и восточных рубежах России. Усугубляют ситуацию поставки США и их союзниками танков, самолетов, вертолетов, ударных беспилотных летательных аппаратов, противотанковых управляемых ракет (ПТУРов), что свидетельствует о наращивании военного присутствия у российских границ.

В странах Восточной Европы на ротационной основе размещены американские подразделения общей численностью около восьми тысяч военнослужащих. На территории ФРГ в группировке войск США воссоздано командование огневого поражения на театре военных действий (ТВД). Сформирована «многосферная» бригада, на вооружении которой имеются различные системы ударного ракетного оружия. В Польше создаётся инфраструктура для размещения бронетанковой бригады США.

Продолжается развёртывание тихоокеанского сегмента американской системы глобальной противоракетной обороны (ПРО). США и НАТО целенаправленно увеличивают масштабы и интенсивность мероприятий подготовки войск вблизи России. Всё чаще в них задействуется стратегическая авиация, осуществляющая условные пуски ядерных ракет по нашим объектам. Количество их полётов у российских границ выросло более чем в два раза.

На этом фоне главы внешнеполитических ведомств G7 в совместном заявлении (Япония 18 апреля 2023 г.) призвали Российскую Федерацию дать гарантию как на словах, так и на деле, что ядерная война не должна быть начата. И в тоже время они приняли решение усилить экономические санк-

ции против России и всеми возможными способами продолжать военную и финансовую поддержку Украины.

В этих принципиально новых складывающихся условиях, где США выступают главным вдохновителем, организатором и исполнителем агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источником основных рисков для безопасности Российской Федерации [7], необходимо дать интерпретацию понятий неминуемой угрозы и момента начала вооруженного нападения. Как правильно отмечают исследователи этой проблемы, «требование о наличии «вооруженного нападения» представляет собой самое противоречивое из условий осуществления обороны и высвечивает ряд областей, неурегулированных в международном праве» [8, с. 120].

Содержание явной и неминуемой угрозы вытекает из смысла понятий «военная опасность», «военная угроза», «недружественные действия» содержание которых раскрыто в Военной доктрине и Концепция внешней политики Российской Федерации. Непредвзятый анализ ход событий, которые осуществлялись против России со стороны США, странами НАТО и Украиной, начиная с 2014 г., показывает, что угрозы шли по нарастающей, и это создавало для нашей страны внешнюю опасность.

В частности, демонстративно осуществлялись: наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО); развертывание воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками; создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции «глобального удара»; территориальные претензии к Российской Федерации, вмешательство во внутренние дела; подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и их коалиций против Российской Федерации [9].

Что касается «недружественных действий», то, как сказано в Концепции внешней политики России, в случае совершения иностранными государствами таковых, предоставляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, в том числе связанных с применением санкций политического или экономического характера, то Российская Федерация считает правомерным принять меры, необходимые для пресечения таких недружественных действий, а также для предотвращения их повторения в будущем.

Таким образом, начало вооруженного нападения, дающего право на самооборону, возникает не только с момента непосредственного вооружен-

ного нападения, но и при наличии реальной угрозы такого нападения, т.е. с того момента, когда государство сконцентрировало свои вооруженные силы, очевидно и неизбежно готово вторгнуться в территориальные пределы другого государства.

Таким образом, самооборона выступает как самостоятельный принцип, допускающий государству использовать ее «... только тогда, когда нет другой законной возможности предотвращения или отражения вооруженного нападения» [10, с. 152]. При наличии реальной угрозы ее предназначение отразить акт применения вооруженных сил, она должна носить разовый характер и не преследовать развязывание войны.

Проведенное исследование дает основание утверждать, что «со стороны Украины шла активная подготовка к войне не только с непризнанными республиками, но и с Россией» [11, с. 13]. Эти и подобные действия дали правовую основу для нашей страны считать принятие решения правомерным и обоснованным на проведение СВО.

Список источников

1. Обращение Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 11.03.2023)
2. URL:<https://staryiy.livejournal.com/4687694.html> (дата обращения: 10 мая 2022 года)
3. Куксин И. Н. Современная проверка принципов Устава ООН: украинский узел // Правовое государство: теория и практика. 2016. Т 1 (43). С. 164-168.
4. Куксин И.Н., Курмаев Р.М. Государственное принуждение как способ разрешения межгосударственных конфликтов // Теория государств и права. 2022. № 3 (28).
5. Международный суд, решение от 27 июня 1986 года по делу о военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против нее (Никарагуа против Соединенные Штаты Америки) // URL: <http://www.icj-cij.org/files/casereLATED/70/070-19860627-JUD-01-00-RU.pdf1> (дата обращения: 08.04.2023).
6. Шармазанашвили Г.В. Самооборона в международном праве. Учебное пособие. – М.: Изд-во УДН, 1973.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 6.04.2023).

8. Фархутдинов И.З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление. Московский журнал международного права. 2016. № 4.
9. Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976 // URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/2940>. (дата обращения: 08.04.2023).
10. Антонов, В. Право на самооборону в современном международном праве // Закон и право. 2018. № 7.
11. Мокеева Е.Р., Курашинова А.Ф. Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» // Право и управление. 2022. № 9.

Нифанов Алексей Николаевич,
профессор кафедры конституционного и международного права,
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемные вопросы реализации принципов, лежащих в основе построения территориальной модели местного самоуправления в современной России. Автором отмечена тенденция перехода от двухступенчатого «территориально-поселенческого» подхода к ее построению к одноуровневому, – территориальному.

Ключевые слова: Муниципальное образование, муниципальная территория, городской округ, муниципальный округ, публичная территория.

«Если мы воспринимаем нормативную сферу как внутренне дифференцированную, разделенную по различным секторам и видам нормативных структур, то мы должны в таком случае отнести принципы именно к этой сфере, признать то, что они составляют важнейший ее сектор, представлены особым видом норм... Когда говорят о том, что юридический принцип есть, по сути дела, та же правовая норма, только более обобщенная и долговечная, менее императивная и формальная, имеют в виду комплекс нормативных характеристик, которому удовлетворяет любой принцип поведения человека» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 676).

В территориальной организации современного российского местного самоуправления традиционно сложилось два основных подхода: территориальный и поселенческий, сочетание которых использовано в отечественном муниципальном строительстве и отражено в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1].

При этом Конституция Российской Федерации с учетом поправок 2020 года в вопросе о территориальных формах осуществления местного самоуправления, впервые в своем тексте закрепив сам термин «муниципальное образование», отказалась даже от минимального перечисления их видов (городские поселения, сельские поселения и другие территории), определив, что они устанавливаются федеральным законом [2].

Полагаем, что это связано с многообразием форм осуществления муниципальной власти и возможностью использования исторически апробированных и появляющихся адекватных конкретным условиям развития местных территориальных конфигураций. Кроме того, прямое конституционное указание лишь на два типа поселений (городские и сельские) породило разного рода научные дискуссии по этому поводу.

Использованное в ст. 131 Конституции Российской Федерации в контексте местного самоуправления понятие «территория» не тождественно понятию «поселение». Первое является по содержанию более широким: «территории» в их видовом конституционно-предусмотренном многообразии могут означать и не поименованные Конституцией и Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» разновидности поселений, и их отдельные части, равно как и территории, объединяющие несколько поселений.

Анализ положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, показал, что в его нормах не используется термин «муниципальная территория». Вместе с тем в Главе 2 данного правового акта «Принципы территориальной организации местного самоуправления» закреплена ст. 10 «Территории муниципальных образований». Законодатель лишь ограничился простым перечислением разновидностей муниципальных образований, периодически расширяя их каталог (ч. 1 ст. 10). Таким образом, территории всех муниципальных образований и являются муниципальной территорией.

В этой связи нами предложена дефиниция, конкретизирующая формализованное определение муниципального образования. Исходя из нее, муниципальная территория – это традиционно сложившееся, народовластно детерминированное, юридически структурированное исходное пространство, в

рамках которого законодательно установленными субъектами решаются вопросы местного значения [3].

С точки зрения муниципально-территориальных характеристик публичной власти обращают на себя внимание изменения, внесенные в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ 1 мая 2019 г., которыми помимо прочего введен новый вид муниципальных образований – муниципальный округ [4]. Данная новелла не только направлена на создание альтернативных муниципальных территорий в противовес расширяющейся практике замены муниципальных районов городскими округами, но и позволяет говорить о наметившейся тенденции перехода от двухуровневой модели территориальной организации местного самоуправления в России к одноуровневой.

Муниципальные округа должны заменить собой городские округа, созданные в субъектах Российской Федерации в границах муниципальных районов. По данным Федеральной службы государственной статистики самыми показательными в этом отношении являются Московская область, полностью разделенная на 60 городских округов, Свердловская область, включившая 68 городских округов, Тюменская область, Пермский край и Сахалинская область, включившие соответственно 25, 22 и 18 городских округов. Общее же количество городских округов в Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 г. – 588 [5]. Несложно подсчитать, что на долю пяти вышеназванных субъектов России их приходится более трети.

Следует отметить, что к 1 января 2023 г. в Российской Федерации уже сформировано и функционирует 311 муниципальных округов: 31 в Центральном федеральном округе, 55 в Северо-Западном федеральном округе, 16 в Северо-Кавказском федеральном округе, 118 в Приволжском федеральном округе, 28 в Уральском федеральном округе, 24 в Сибирском федеральном округе и 39 в Дальневосточном федеральном округе.

Для сравнения, к концу 2019 года, т.е. спустя 8 месяцев после принятия Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ, в Российской Федерации появилось 33 муниципальных округа, а по состоянию на 1 января 2022 г. их было уже 180. Полагаем, что наметившаяся тенденция приобретет устойчивый характер, и в ближайшее время мы сможем наблюдать другое количественное соотношение муниципальных и городских округов.

В пользу этого свидетельствует и тот факт, что во внесенном сенатором Российской Федерации А.А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым и прошедшем уже два чтения проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предусмотрено всего три вида тер-

риторий муниципальных образований, – городской округ, муниципальный округ и внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения [6].

Исходя из этого, мы можем видеть прямой отказ от поселенческого принципа в публично-территориальной организации местного самоуправления в современном Российском государстве.

Подводя своеобразный итог характеристике конституционных норм, формализующих институт публичной территории в её первичном муниципальном аспекте, полагаем необходимым сделать некоторые выводы и обобщения.

Во-первых, в отличие от государственной территории, территория субъектов России и муниципальная территория могут изменяться с учетом мнения населения. Ранее нами в этой связи был сформулирован и охарактеризован «принцип народовластного императива формализации муниципальных территорий» [3]. Полагаем целесообразным его неукоснительное применение в публично-территориальных правоотношениях включая и их муниципальный сегмент.

Фактически у государственной территории Российской Федерации нет физического выражения, так как она включает в себя территории субъектов Российской Федерации, которые в свою очередь разграничиваются на территории муниципальных образований. Таким образом, только муниципальная территория имеет физическое выражение. Тем самым актуализируется юридическая формализация данного термина.

Полагаем, что корректировка федерального и регионального законодательства как в целом о публичной власти, так и ее территориальной поддержке в обозначенных и некоторых других направлениях обрела новый импульс в современных условиях реализации суверенных положений российской Конституции.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 6 февраля 2023 г.) // Российская газета. – 2003, 8 октября; 2023, 2023, 9 февраля.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 № 11-ФКЗ, от 6 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013

3. Нифанов А. Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02. – Белгород, 2020.
4. Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2019. – № 18. – Ст. 2211.
5. Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2023 года // <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm>
6. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

Новикова Алевтина Евгеньевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного и международного права,
юридический институт НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

ГЕНЕЗИС ФОРМАЛИЗАЦИИ РИСКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Повсеместное распространение риска актуализирует обращение к этой теме специалистов самых разных дисциплин. Не является исключением и юридическая наука, различные отрасли которой включены в соответствующие разработки.

В рамках самостоятельного правового института – юридической рискологии – мы находим целесообразным его содержательное наполнение, в том числе материалами о генезисе категории «риск» в отечественном законодательстве. В ходе исследования авторами установлены аспекты формализации видового многообразия рисков и сфер их распространения.

Ключевые слова: риск, законодательство, право, группа риска, высокий риск.

«Моральная обязанность одного человека прийти на помощь другому не является безусловной; решение об этом, принятое самим человеком на свой страх и риск, должно быть рациональным, взвешенным в той степени, в какой это возможно» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С.224).

Современное российское общество характеризуется достаточной степенью самостоятельности и инициативности граждан в различных сферах. Естественно, что всякая деятельность вынуждает идти на риск для достижения определенной цели.

Риски имманентны жизни человека, связаны практически со всеми сферами жизнедеятельности, исследуются различными областями знаний и довольно активно расширяют масштабы своего проявления. Риски разной природы могут способствовать нейтрализации или усилению последствий друг друга [2, с. 19].

«Таким образом, риск представляет собой явление, с которым человек сталкивается постоянно и в этой связи вынужден с ним считаться. Он настолько широко распространен в обществе, насколько велик круг направлений, осознанно осуществляемых человеком, и обстоятельств, воспринимаемых людьми в качестве способных отклонить фактические результаты их действий от намеченных.

С развитием цивилизации становится все более очевидным, что интерес к фактору риска не только не ослабевает, а наоборот, набирает силу» [5, с. 23].

Подчеркнем, что современное общество все чаще называют «обществом риска», поскольку неопределенность, риск и связанные с ними потенциальные угрозы не становятся меньше, а, напротив, возрастают. Поэтому сегодня риск не является прерогативой авантюрных личностей или венчурных капиталистов, он стал атрибутом повседневности и касается каждого из нас [3, с. 78-89].

Риск стал междисциплинарной областью знания, а сам термин приобрел статус общенаучного понятия, выходящего за пределы той или иной частной науки либо их специфической группы [4, с. 27-39].

«Для юридической науки сегодня характерны исследования в области теории рисков. В отраслевом аспекте даются многообразные определения риска с учетом своей методологии и правового инструментария» [5, с. 25].

Обращение публичных и частных отраслей права к категории риска свидетельствует об универсальности этого феномена и о его многогранном правовом содержании. В связи с повсеместностью риска в правовой науке было предложено выделить институт юридической рискологии. Мы полагаем, что содержательное его наполнение связано не только с теоретическими положениями, но и с анализом правовых норм, в том числе в аспекте их генезиса. Так, нами ранее было установлено, что категория «риск» в российско-советских правовых источниках была формализована как в нормативных правовых актах, так и в судебной практике [1, с. 104-115].

Результаты ранее проведенного анализа показали различную юридическую природу субъектов риска – властные, социальные, коммерческие и пр.

Актуальные вызовы времени объективно сказывались на легализации новых разновидностей рисков, а расширяющееся видовое многообразие рисков сопоставимо с отраслями публичного и частного законодательства с преобладанием в последнем.

В рамках данной работы уточним, что многие риски были формализованы в корреляции со сферой здравоохранения и всем, что с ней связано.

Так, нами были выявлены риски заражения применительно к эпидемически наиболее опасным участкам и группам населения¹, отдельным заболеваниям и группам лиц²; лица с повышенным риском различных заболеваний³; повышенный риск рождения больного ребенка⁴; риск травматизма и травмирования⁵; повышенный риск инфицирования⁶; риски рассеивания инфекции⁷; факторы риска по различным заболеваниям⁸.

¹ Инструкция по проведению мероприятий в случае заноса натуральной оспы (утв. Минздравом СССР 08.09.1976 г.) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

² Приказ Минздрава СССР, Минсельхоза СССР от 09.12.1977 г. № 307/1100 «О мерах по профилактике заболеваемости людей бруцеллезом» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

³ См.: приказы Минздрава РСФСР от 29.05.1980 г. № 342 «Об улучшении борьбы с внелегочным туберкулезом в РСФСР» // Документ опубликован не был; Минздрава СССР от 11.07.1980 г. № 733 «Об утверждении методических указаний по проведению массовых флюорографических обследований органов грудной клетки» // Документ опубликован не был; Минздрава СССР от 24.09.1982 г. № 950 «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» // Документ опубликован не был; Минздрава СССР от 29.12.1985 г. № 1672 «О задачах органов и учреждений здравоохранения по широкому использованию физкультуры и спорта для укрепления и сохранения здоровья населения, профилактики заболеваний» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁴ Приказ Минздрава СССР от 30.04.1981 г. № 465 «Об утверждении положения о консультации "Брак и семья" и инструктивно-методических рекомендаций о ее работе» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁵ Оценка тяжести и оздоровление условий труда в кузнечно-прессовом производстве. Методические рекомендации (утв. Минздравом РСФСР 20.06.1977 г.) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁶ Приказ Минздрава СССР от 08.04.1977 г. № 300 «Об усилении мероприятий по профилактике сывороточного гепатита в лечебно-профилактических учреждениях» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁷ Приказ Минздрава СССР от 31.07.1978 г. № 720 «Об улучшении медицинской помощи больным с гнойными хирургическими заболеваниями и усилении мероприятий по борьбе с внутрибольничной инфекцией» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁸ Приказ Минздрава СССР от 02.11.1979 г. № 1129 «О введении в действие Инструкции по дальнейшему совершенствованию диспансеризации больных в амбулаторно-поликлинических учреждениях для взрослых» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.); Методические рекомендации. Эпидемиологическое обследование очагов госпитальных гнойно-септических инфекций (ГСИ) (утв. Минздравом РСФСР 02.10.1983 г.) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

В порядке пояснения приведенных разновидностей представим некоторые примеры. В частности, из Приказа Минздрава СССР от 4 сентября 1987 г. № 1002, согласно п. 2 которого «освидетельствованию подлежат: лица из групп риска: получившие множественные переливания крови и ее препаратов, страдающие наркоманией, гомосексуалисты, лица, занимающиеся проституцией»¹.

Еще одним примером может стать п. 5.3 Приказа Минздрава СССР от 12 августа 1977 г. № 755: «при проведении экспериментов и других процедур в условиях повышенного риска нанесения животному болезненных раздражений строго обязательно присутствие лица, ответственного за исполнение животного и контроль с его стороны за сохранением адекватного обезболивания»².

Рядом приказов Минздрава СССР и РСФСР вводился высокий риск в медицинской сфере. Так, в качестве абсолютного противопоказания со стороны родителей к усыновлению детей указывалось наличие у родителей усыновляемого психических заболеваний с высоким риском наследственной передачи³.

В Приказе Минздрава СССР от 6 декабря 1979 г. № 1230 «высокий риск» был сопоставлен с состоянием новорожденных и расшифровывался, как «незрелость, отечный синдром и эмфизема легких»⁴.

В рассматриваемой сфере распространена формулировка «группа риска». К примеру, приказы Минздрава СССР и РСФСР предписывали повысить качество работы женских консультаций, обратив особое внимание на диспансеризацию беременных женщин, в первую очередь «групп риска»⁵.

С точки зрения юридической техники отметим редко встречающуюся дефинитивную формулировки, связанные с риском. Это определение суици-

¹ Приказ Минздрава СССР от 04.09.1987 г. № 1002 «О мерах профилактики заражения вирусом СПИД», утв. Минздравом СССР от 28.08.1987 г. // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

² Приказ Минздрава СССР от 12.08.1977 г. № 755 «О мерах по дальнейшему совершенствованию организационных форм работы с использованием экспериментальных животных» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

³ Приказ Минздрава СССР № 885, Минпроса СССР № 131 от 28.09.1977 «Об утверждении Инструкции о порядке передачи детей и подростков на усыновление, под опеку (попечительство) и их медицинском обеспечении» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁴ Приказ Минздрава СССР от 06.12.1979 г. № 1230 «О профилактике заболеваний в акушерских стационарах» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁵ См.: приказы Минздрава СССР от 31.10.1977 г. № 972 «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» // Документ опубликован не был; Минздрава РСФСР от 12.08.1982 г. № 535 «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания в колхозах и совхозах РСФСР» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

дального риска в качестве суицидальных мыслей с тенденцией к их осуществлению¹.

Следует обратить внимание на формализацию риска, как объекта полномочий органов публичной власти, что подтверждаем содержанием ст. 9 Закона СССР от 12 мая 1991 г. № 2146-1 «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы». В ней указывалось, что «режим проживания населения в указанной зоне, порядок добровольного отселения из нее жителей, осуществление на этой территории хозяйственной и иной деятельности, проведение мероприятий по охране здоровья и снижению риска заболеваемости населения устанавливаются Правительствами республик совместно с Правительством СССР»².

Далее заметим, что во многих случаях риск связывался с предостережениями в профессиональной или иной деятельности. Так, Приказ Госкомспорта СССР от 25 октября 1977 г. № 1053 устанавливал, что «во всех случаях плавания категорически запрещается проявление бессмысленного риска ... к пользованию спасательными принадлежностями, штормовыми парусами и другими средствами безопасности плавания (п. 2.12)»³.

Правилами по технике безопасности, пожарной безопасности и производственной санитарии на киностудиях СССР предусматривалось, что исполнение опасных кадров, связанных с каким-либо риском для здоровья исполнителя, должно поручаться лишь хорошо подготовленным лицам, прошедшим специальную тренировку (п. 402) / подготовленным актерам, прошедшим специальную тренировку в безопасных условиях (п. 422)⁴.

Методические рекомендации по основам эксплуатации подвижного состава, технике безопасности и охране труда на автомобильном транспорте вводили категорию степени риска совершения дорожно-транспортных происшествий⁵.

¹ Методические рекомендации. Формы и методы работы дневных стационаров (утв. Минздравом СССР от 11.08.1979 г. № 21-59/ПС-79-П/ДС) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

² Закон СССР от 12.05.1991 г. № 2146-1 «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 21. Ст. 594.

³ Приказ Госкомспорта СССР от 25.10.1977 г. № 1053 «О мерах по обеспечению безопасности плавания на яхтах» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁴ Правила по технике безопасности, пожарной безопасности и производственной санитарии на киностудиях СССР (утв. Минкультуры СССР 31.12.1959 г., Президиумом ЦК профсоюза работников культуры 18.07.1959 г.) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

⁵ Методические рекомендации по основам эксплуатации подвижного состава, технике безопасности и охране труда на автомобильном транспорте (утв. Минкультуры РСФСР 25.07.1989 г.) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

В сфере перевозок также был предусмотрен ряд правил рискового характера: «в связи с тем, что перевозка ряда материалов в качестве багажа (или вложенных в багаж) в силу их химических или физических свойств представляет собой определенный риск, они принимаются к перевозке ограниченно и на особых условиях (5.17.1)»¹.

Рекомендации по устранению и предупреждению неблагоприятного влияния монотонии на работоспособность человека в условиях современного производства устанавливали, чтобы «в системе профориентации необходимо более реально ориентировать молодежь на определенные характеристики (в том числе на монотонность) предстоящих профессий. Ошибочна тенденция создания массовой ориентации на интеллектуальные, творческие профессии или профессии, связанные с риском и приключениями»².

В 1978 г. методическими указаниями санитарного актива в профилактике алкоголизма отмечалось, что «в дни так называемого "наибольшего риска" (получение заработной платы, предвыходные и предпраздничные дни), когда максимально проявляются "алкогольные традиции", целесообразно организовывать дежурство членов наркопоста в проходной и патрулирование территории предприятия совместно с членами добровольной народной дружины»³. Таким образом, риски сопоставлялись со стандартными государственными и общественными явлениями, а также их оригинальными разновидностями.

Еще одной группой нормативных правовых актов риск для жизни был легализован в качестве основания награждения орденом Красной Звезды⁴ или медалью «За отвагу»⁵.

Мы полагаем, что выявленный богатый опыт формализации рисков необходимо расценивать в качестве надежной базы для разработки на со-

¹ Приказ МГА СССР от 31.12.1982 г. № 222 «Об утверждении и введении в действие "Наставления по организации международных перевозок в гражданской авиации СССР" (НОМП ГА-83)» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

² Рекомендации по устранению и предупреждению неблагоприятного влияния монотонии на работоспособность человека в условиях современного производства (методические рекомендации) (утв. Минздравом СССР 26.09.1980 г. № 2257-80) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.03.2023 г.).

³ Участие санитарного актива в профилактике алкоголизма (Методические указания) (утв. Исполкомом Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР 14.06.1978 г.) // Приказы, инструкции, методические письма по организации наркологической и психиатрической помощи населению. Куйбышев, 1979.

⁴ Постановление Президиума ЦИК СССР от 05.05.1930 г. «Статут ордена "Красная Звезда"» // СЗ СССР. 1930. № 26. Ст. 290.

⁵ См.: указы Президиума ВС СССР от 17.10.1938 г. «Об учреждении медали "За отвагу"» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 13; от 28.03.1980 г. № 1804-Х «Об утверждении положений о некоторых медалях СССР» // Ведомости ВС СССР. 1980. № 14. Ст. 259.

временном законодательном уровне мер по минимизации рисков в различных сферах.

Список источников

1. Аристов Е.В., Володина О.В., Новикова А.Е., Рассказов Л.П., Соболева М.М. Формализация риска в российско-советском законодательстве // Вопросы истории. 2023. № 2-2. С. 104-115.
2. Бутяев А.Г. Макроэкономические детерминанты государственной политики России по минимизации интеграционных экономических рисков. Монография. Ростов-на-Дону, 2007. 102 с.
3. Диев В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 78-89.
4. Диев В.С. Философская парадигма риска // Журнал ЭКО. 2008. № 11. С. 27-39.
5. Новикова А.Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика. Дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2021. 436 с.

Понкин Игорь Владиславович,

профессор кафедры государственного и
муниципального управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

СИСТЕМНОСТЬ В НАУЧНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье, опираясь на соответствующие источники, обоснована значимость системности в научных и прикладных аналитических исследованиях. Подчеркнуто, что системность исследования достигается и обеспечивается не только общими системными подходами, основанными на общей теории систем, но и применением специальных исследовательских методов и инструментариев.

Ключевые слова: система, системность, системный

«Крупным прорывом в понимании природы права явилось применение в юридических исследованиях системного подхода и системного анализа, и, прежде всего, вытекающий из общей теории систем вывод, согласно которому право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединённых элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 70).

Аналитическая системность мышления (франц. – *«pensée analytique systématique»*, *«réflexion analytique systématique»*; англ. – *«analytical systemic thinking»*, *«analytical systematic thinking»*) является важным параметром и требованием в прикладной аналитике (равно как и в науке) [1]. А к числу важнейших навыков и важнейших способностей практика-аналитика относятся надлежащие способности к системному мышлению и соответствующие профессиональные навыки.

Презюмируется, что оперируемые практиком-аналитиком (или учёным) данные должны быть (максимально возможно) хорошо систематизированы, особенно когда речь идёт о нахождении неизвестных, требующих использования хорошо структурированных вычислений и выраженного структурирования. В том числе это необходимо для создания своего рода отправных «точек опоры» и интеллектуальных платформ для последующих работ.

Системная картина исследуемой предметно-объектной области взаимосвязана с теми исследовательскими методами и инструментариями, при помощи которых она формируется. Системность исследования достигается и обеспечивается не только общими системными подходами, основанными на общей теории систем, но и применением специальных исследовательских методов и инструментариев (системный анализ, системный синтез и др.).

Системное мышление фокусируется на понятиях «система», «системность», «системный», аттрактивно отражающих онтологию и восприятие того, что мы называем системой, в целом.

Обобщённо, согласно Н.А. Михалевой, «под **системой** понимается упорядоченное определённым способом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некое целостное единство. Каждая система представляет собой сложное образование и состоит из ряда подсистем. Важной особенностью системы является наличие в ней новых интегративных качеств, не свойственных образующим её частям. Структура понимается как внутренняя организация, способ связи элементов в целостное системное образование, совокупность устойчивых отношений между элементами. Таким образом, система – это целостное единство, совокупность завершённых компонентов» [2, с. 54-55]. Согласно И.В. Блаубергу, «**система** – понятие, которое служит для воспроизведения в знании целостного объекта с помощью специфических принципов, определённых понятийных и формальных средств; как правило, это воспроизведение осуществляется с определённой практической направленностью» [3, с. 160].

Соответственно, системное мышление – это комплексный аналитический подход к вскрытию, исследованию, пониманию, интерпретации и объяснению того, как различные объекты (рассматривая их с точки зрения целостного и взаимосвязей) скоррелированы (соотнесены, взаимосвязаны), существуют и взаимодействуют в рамках системы или структуры, каковы значение, роли и функционалы этих объектов в рамках системы, то есть увидеть эти объекты через призму того, частью чего они сами являются, и понять, как это образуемое ими единое целое функционирует, и почему оно функционирует именно так, а не иначе.

Устремляя исследовательский вектор внутрь самих этих объектов, это будет исследование того, как они сами устроены внутри себя, но не просто фрагментируя и разбирая их на части, а воспринимая их как целое сложно-составное, как подсистемы.

Способности к системному мышлению в прикладной аналитике – это способности к целенаправленному системному «схватыванию» (сфокусированному восприятию, извлечению) и видению явлений, изменений и других процессов, интерреляций, взаимодействий, состояний, к исследовательско-интерпретационным сведению и сопряжению множеств и потоков разрозненных данных в системное целостное единство (обладающее выражено новыми свойствами), производя оригинальный синтез или иное сложное интегрирование исходных данных.

Отправная позиция здесь: многие данные становятся видны в совершенно ином свете, когда они сопрягаются с другими данными, рассматриваются в комплексе, системно.

Согласно И.В. Блаубергу, В.Н. Садовскому и Э.Г. Юдину, «если исходить из того, что системное исследование – это исследование, предметом которого является объект, представляющий собой систему, и системные характеристики такого объекта выражаются в результатах исследования, то можно утверждать, что любое системное исследование-должно фиксировать хотя бы некоторые характерные особенности системного объекта. Эти особенности и определяют принципы системного исследования... Системный подход исходит из того, что специфика сложного объекта (системы) не исчерпывается особенностями составляющих его элементов, а связана прежде всего с характером взаимоотношений между определёнными его элементами» [4, с. 21, 25]. По образному выражению Питера Сенжа, разделив слона пополам, вы не получите двух маленьких слонов. Системы – это «живые» организации, и их характер зависит от целостности. Чтобы понять сложные управленческие проблемы или разработать стратегию, вам нужно видеть всю систему [5]. «Разрушите структурирующую модель, соединяющую предметы исследования, и вы неизбежно обрушите всё качество» исследования, – писал Грегори Бэйтсон [6, р. 8].

То есть обоснованно говорить, что системная аналитика – это вскрытие и проведение логических, интерреляционных (отношенческих) и иных связей между субъектами, вещами, явлениями, событиями, порядками, процессами, онтологиями.

Фридрих Карл фон Савиньи писал, что сущность системного подхода заключается «в познании и репрезентации внутреннего контекста или родства, посредством чего отдельные юридические концепции и нормы права

объединяются в единое целое более высокого уровня понимания. Такие сходства теперь часто имплицитны [не обнаруживаемы при поверхностном наблюдении], и их вскрытие обогащает наше понимание. Более того, они очень разнообразны, и чем больше нам удастся обнаружить и проследить сходство юридического института с разных сторон, тем полнее становится наше понимание. Наконец, нередко существует обманчивое подобие родства, где его на самом деле нет, и тогда наша задача состоит в исключении таких ошибочных представлений. Конечно, даже внешняя онтология систематической работы будет определяться той внутренней связью, которая должна отражаться в ней... В богатой, живой реальности все правовые отношения составляют единое целое, но мы обязаны разделить их составляющие, чтобы последовательно принимать их в наше сознание и передавать их другим. Порядок, в котором мы его размещаем, может быть определён только теми отношениями, которые мы признаём как преобладающие, и любое другое родство, существующее в реальности, может быть сделано заметным только в отдельном представлении» [7, с. xxxvi– xxxvii].

Однако помимо целеназначения применения системного взгляда и системного мышления, определяемого необходимостью видеть исследуемую предметно-объектную область целостно во всей полноте аспектов, сторон, то есть увидеть и осмыслить не фрагментарно и не поверхностно, но, как говорят, однобоко, тем самым обеспечив объективность исследования и реализацию требования полноты охвата и полноты учёта ключевых определяющих факторов, есть ещё одно целеназначение – обеспечение глубины интеллектуального проникновения за счёт сфокусирования на свойстве эмерджентности системы («целое больше, чем сумма частей»), что даёт дополнительные и ценные возможности за пределами возможностей, даваемые методом анализа (как разобранья целого на части и их исследования).

Свойство эмерджентности исследуемой системы отражает наличие у неё определяемого её целостностью комплекса подлинно новых свойств (мета-свойств), несводимых к арифметической сумме (простой совокупности) свойств её компонентов и нередуцируемых до таковых свойств её компонентов, наличие у системы собственных (самостоятельных исключительных) производных специфических свойств и потенциалов, которых лишены её подсистемы и элементы в отдельности и которые образуются в результате мультипликативного и синергетического сочетания и сопряжения свойств и потенциалов подсистем и элементов.

И зачастую отказ сфокусироваться и увидеть сквозь призму эмерджентности мета-свойства системы существенно обедняет исследование и его результаты или даже делает его дефектным.

Так, известным примером дефектности исследования при игнорировании требования системности является пример трёх слепцов, каждый из которых ощупал, соответственно, только хобот, ногу и хвост слона и только на основании этого тактильного ощущения сложил умозаключение о том, что за предмет перед ним.

Свойство эмерджентности исследуемой системы создаёт и дополнительные сложности исследователю.

Согласно Донелле Мидоуз, указывает на существование в системе особо-чувствительных точек (англ. – «*leverage points*») – «это места в сложной системе (корпорация, экономика, живой организм, город, экосистема), где небольшой сдвиг в чем-то одном может привести к большим изменениям во всём» [8, р. 1]. То есть неверно рассчитанное воздействие на систему может повлечь активное её посредством этого изменение и, в силу этого, дефектность полученных исследовательских результатов (например, прогнозов).

Список литературы

1. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 3-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2022. – 754 с. <<https://state-religion.ru/index.php?p=post&id=74>>.
2. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). – М.: Юркомпани, 2010. – 366 с.
3. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 448 с.
4. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. – М.: Знание, 1969. – 48 с.
5. Senge P.M. The fifth discipline: The art and practice of the learning organization. – New York: Crown Publishing; Currency, 2006.
6. Bateson G. Mind and Nature: A Necessary Unity [Разум и природа: необходимое единство]. – New York: E.P. Dutton, 1979. – xiii; 238 p.
7. Savigny, von F.C. System des heutigen Römischen Rechts [Система римского права сегодня]. Bd. 1. – Berlin: Veit, 1840.
8. Meadows D.H. Leverage Points: Places to Intervene in a System [Особочувствительные точки: Места для вторжения в систему]. – Hartland (Vermont, USA): The Sustainability Institute, 1999. – ii; 19 p.

Стус Нина Владимировна,
профессор кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук
(Краснодар, Россия)

Намитоков Юрий Азметович,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Краснодар, Россия)

КАТЕГОРИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОЛ- ЛЕКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: национальные интересы являются важным аспектом существования и развития любой организованной общественной структуры, способной упорядочивать и осуществлять положительный контроль за поведением людей в соответствующей сфере и территории. Понимание категории «национальные интересы» сквозь призму обеспечения индивидуальных и коллективных прав человека неразрывно связано с наличием полноценного правового государства, основанного на принципе верховенства права. Упорядочение общественных отношений, не нарушая «национальных интересов» при этом полноценно обеспечивая права человека, возможно только путем нормативно-правового регулирования и действенности внутригосударственных и международных институций. На наш взгляд, наиболее результативное упорядочение, включая внутреннюю согласованность, будет иметь место сквозь призму понимания индивидуальных и коллективных прав. Такой подход будет свидетельствовать о наличии верховенства права в такой категории как национальные интересы. По нашему мнению, национальные интересы представляют собой конституционно-правовую категорию, поскольку закреплены в Основном Законе государства и сформированы обществом. Национальные интересы в индуктивном и дедуктивном понимании обеспечиваются путём соотношения ценностей и выбора средств и способов их обеспечения. В случае угрозы национальным интересам необходимо учесть, какие ценности будут в приоритете защиты, а от каких можно отступить в случае крайней необходимости. Вместе с тем следует учесть, какие ценности будут выноситься на первое место в случае отсутствия каких-либо угроз, а какие окажутся в числе второстепенных.

Ключевые слова: национальные интересы, индивидуальные права, коллективные права, ценности, интересы.

«... Борьба за свой интерес – значит отстаивать свое право на развитие. Но прогрессивные возможности бытия в различных обстоятельствах могут проявляться по-разному: когда человеку грозит гибель, его интерес состоит в том, чтобы просто выжить. Отдельный индивид, как и крупный коллектив, действуя в собственном интересе, непременно укрепляет себя, повышает свою жизнестойкость, достигает новые ступени развития. Круг интереса субъекта включает в себя то, что способствует его совершенствованию, прогрессу, и исключает то, что этому мешает, препятствует» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 271).

Такие универсальные правовые ценности, как права человека, справедливость, равенство, гуманность, верховенство права становятся все больше явственными в общественном сознании, задают вектор развития российского государства и связываются со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [1], а также вдохновляют исследователей-юристов на постижение и дополнительное обоснование их значимости [2, 3, 4]

Поскольку в Конституции России уже в ст. 2 четко определена высшая ценность – человека, его права и свободы – и связанная с этим конституционная обязанность Российского государства их признавать, соблюдать и защищать, постольку актуальность проблем, связанных с правами человека, непреходяща.

Обеспечение и защита индивидуальных и коллективных прав, сохранение культуры, традиций, обычаев, развитие образования и науки, всех отраслей экономики, информационных технологий, рационального использования недр, земельных и водных ресурсов, защиты окружающей природной среды, обеспечение безопасности и т.п. образуют своеобразную сферу интересов нации, общества и государства.

Очевидно, что обеспечение и защита индивидуальных и коллективных прав будет способствовать сохранению как материального, так и духовного богатства нации. Отсутствие надлежащих правовых гарантий и действительности институтов публичной власти ставит под угрозу не только обеспечение индивидуальных и коллективных прав, но и существование демократического, правового государства.

Цель настоящей статьи – исследовать категорию «национальные интересы» сквозь призму обеспечения индивидуальных и коллективных прав на примере норм и принципов внутригосударственного и международного права с учетом имеющихся в правовой науке позиций. Обозначенную проблематику следует на основе общенаучных философских методов индукции и дедукции.

Категория «национальные интересы» всеупотребительна как на повседневном уровне, так и в научном пространстве. Учитывая ее широкое использование, казалось бы, никаких концептуальных вопросов существовать априори не может. В то же время, учитывая значительный синтез научных работ как российских ученых в различных сферах общественной и государственной жизни, так и зарубежных, можно констатировать отсутствие единого и устойчивого подхода к его пониманию. Каждый ученый воспринимает «национальные интересы» сквозь призму своей изучаемой тематики и формирует собственный дефинитивный подход к данному понятию.

В геополитическом измерении, как отмечает З.А. Мамишева, под национальными интересами понимают стратегически важные цели, которые ставит перед собой каждое государство, и средства, с помощью которых оно рассчитывает их достичь. Российские национальные интересы – это жизненно важные материальные, интеллектуальные и духовные ценности русского народа как носителя суверенитета и единственного источника власти, определяющие потребности общества и государства, реализация которых гарантирует государственный суверенитет Российской Федерации и ее прогрессивное развитие. В этом смысле национальные интересы являются более важными задачами внутренней и внешней политики [5, с. 233].

Возможность реализации национальных интересов связано с наличием институтов с организационно грамотной конструкцией, целенаправленными структурами и аппаратом.

Несмотря на отсутствие однозначного понимания категории «национальные интересы», можно отметить, что позиция большинства исследователей сводится к тому, что национальные интересы включают в свой ряд жизненно важных ценностей.

В общем виде национальные интересы России – это выраженные в конституции и других нормативных правовых актах конституционного уровня в виде программных целевых установок и осознанные обществом жизненно важные потребности существования и развития человека, общества и государства.

В конечном счете национальные интересы выступают как ценности. Однако содержательные противоречия, которыми наполнена категория

«национальные интересы», не позволяет четко ответить на порожденный проблемный вопрос относительно соотношения ценностей и выбора средств и способов их обеспечения. В случае угрозы национальным интересам возникает необходимость в взвешивании таких интересов с тем, чтобы определить какие ценности в приоритете защиты, а какие можно пожертвовать в случае крайней необходимости.

Говоря о ценностях (человеческие, народа, государственные), необходимо учитывать такой их признак, как общественная обусловленность. Закономерности общественного развития фактически определяют ценностные ориентиры, руководящие идеи, основы, принципы, с помощью которых определяются цели и средства их достижения. На сегодняшний день признание, закрепление и гарантирование системы фундаментальных правовых ценностей, главное место среди которых занимают права человека, носят наднациональный характер. Правда признание прав человека в качестве *jus cogens* происходит постепенно. На сегодняшний день императивный характер признан не по принципу защиты прав человека в целом, а лишь по отдельным правам.

Не теряют своей актуальности слова В.Д. Зорькина о том, что особенностью наднациональных стандартов прав и свобод человека является то, что они не только побуждают пересмотреть устоявшиеся подходы к конкретным правовым институтам, но и изменяют национальную правовую культуру. Именно поэтому их восприятие требует длительного времени, поскольку требует конституционализации сознания не только рядовых граждан, но и юристов, должностных лиц государства и даже судей [6, с. 67].

Следует подчеркнуть, что основными средствами определения приоритетности национальных интересов выступают именно нормы и принципы права. В юридической науке фигурирует мнение, что даже законодательно не закрепленные принципы права являются основополагающими идеями правосознания, если они получили всеобщее признание в деятельности субъектов внутригосударственного и международного права [7, с. 215]. Чем высшее звено в иерархической системе принципов занимает определенный принцип, тем менее изменяющийся характер он имеет. Такие принципы, как принцип справедливости, равенства, свободы, гуманизма, которые являются общеправовыми, носят наиболее устойчивый характер, обеспечивая тем самым стабильность правового регулирования. В принципах права отражается не только сущность существующего бытия социальной жизни, но и стремление общества к дальнейшему развитию и совершенствованию. Принципы права изменяются не столько по собственной формуле, сколько по тому социальному содержанию, которое в эту формулу вливается.

Национальные ценности и национальные интересы являются главными структуроформирующими факторами системы обеспечения национальной безопасности и важными основополагающими принципами при формировании Стратегии национальной безопасности. Если классифицировать интересы по разным признакам, то именно приставка к слову интересов «национальные» обуславливает трактовку их в духе государственности и безопасности. По нашему мнению, этот феномен проявляется, когда интересы государства ставятся выше интересов человека. В этой связи заметим, что в демократических и тоталитарных странах наблюдается разное понимание национального интереса, если его рассматривать сквозь призму обеспечения прав и свобод человека (индивида).

С целью четкого определения границ национальных интересов и выделения их среди других менее важных ценностей полагаем, что на нормативном уровне необходимо осуществить их упорядочение и приведение к определенной внутренней согласованности, которая будет системно и исчерпывающе их регулировать. На наш взгляд, наиболее результативное упорядочение и внутренняя согласованность будет иметь место через индивидуальные и коллективные права. Такой подход будет свидетельствовать о наличии верховенства права в такой категории как национальные интересы.

Следует отметить, что коллективные права образуются по мере формирования интересов той или иной общности, коллектива. С общетеоретической точки зрения основной целью существования прав человека является защита и развитие человека как личности (индивидуальные права). Однако значительная часть этих прав может быть реализована группой людей, которая будет носить коллективный характер. Данные права являются другими по своей правовой природе, чем индивидуальные, и определяются потребностями коллективных образований. Их не следует рассматривать как сумму индивидуальных прав лиц, входящих в ту или иную общность или коллектив [8, с. 27]. Коллективный элемент в реализации индивидуальных прав становится еще более очевидным, когда, например, права человека связаны с правом членов этнического и культурного меньшинства на сохранение своего языка и культуры. Самый яркий пример коллективного права человека – это право на самоопределение, которое, как считается, имеют народы, а не отдельные люди.

Индивидуальные и коллективные права человека неразрывно связаны с национальными интересами, поскольку без их реального обеспечения как существенных составляющих гражданского общества и правового государства, реализация национальных интересов сводится к нулю. С этой точки зрения наиболее заметную роль в ограничении принципа государственного

суверенитета играют многочисленные нормы и принципы, регулирующие сферу прав человека и образующие гуманитарное право. Эффективность действия последнего обеспечивается системой международного и внутригосударственного контроля соблюдения национальными правительствами добровольно принятых на себя обязательств в указанной сфере.

Основной идеей обеспечения индивидуальных и коллективных прав человека в категории «национальные интересы» является всестороннее упорядочение отношений в соответствующем обществе путем их нормативно-правового урегулирования и утверждения действенности соответствующих институтов.

Следует признать, что обеспечение как индивидуальных, так и коллективных прав человека зависит от институциональных гарантий, в первую очередь это связано с доступностью правосудия. Ведь нарушенное право или право декларированное, но без надлежащего механизма реализации – требует защиты.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что национальные интересы представляют собой конституционно-правовую категорию, поскольку закреплены в Основном Законе государства и сформированы обществом. Национальные интересы в индуктивном и дедуктивном понимании обеспечиваются путём соотношения ценностей и выбора средств и способов их обеспечения. В случае угрозы национальным интересам необходимо учесть, какие ценности будут в приоритете защиты, а от каких можно отступить в случае крайней необходимости. Вместе с тем следует учесть, какие ценности будут выноситься на первое место в случае отсутствия каких-либо угроз, а какие окажутся в числе второстепенных.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
2. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
3. Мархгейм М.В. Конституционные ценности в евразийском интеграционном процессе // В сборнике: Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского экономического союза. Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции. Под редакцией А.Н. Позднышова, И.В. Рукавишниковой, Р.Г. Непранова. Ростов-на-Дону, 2023. С. 14-21.

4. Куксин И.Н., Мархгейм М.В. Права человека в XXI веке: ценность или имитация? // В сборнике: Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. 2015. С. 125-132.
5. Мамишева З.А. Правовые основы обеспечение национальной безопасности России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 1. С. 230-236.
6. Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59). С. 64-70.
7. Лановая Г.М. Проблемы юридического закрепления общих принципов права в отечественной правовой системе: теоретико-правовой аспект // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 213-218.
8. Гарчева Л.П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68), № 1. С. 24-30.

Таболин Владимир Викторович,
 профессор департамента публичного права НИУ ВШЭ,
 доктор юридических наук, профессор
 (Москва, Россия)

ГОРОДСКОЙ КОНФЛИКТ: ПОНЯТИЙНЫЕ ВЕРСИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые новые аспекты городского права как фактора разрешения социальных конфликтов, возникающих в городских сообществах.

Ключевые слова: город, городское право, городские конфликты, местное самоуправление

«Норма права, требующая от людей воздержаться от известных действий, так же как и другие нормы, опирается на реальные человеческие возможности. Это, прежде всего, психофизическая возможность воздержаться от действия, способность сдерживать, удерживать себя, вовремя остановиться, подавить в себе сильное желание кто-то сделать, преодолеть тягу к дурному поступку. Для этого необходимы телесные и душевные

усилия, подчас не меньшие, чем те, которые нужны для совершения действий» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 593).

Городское право не универсальный, но достаточно эффективный способ урегулирования часто весьма противоречивых общественных отношений в городе, поэтому именно его мы рассмотрим в качестве средства обеспечения преодоления социальных противоречий, порождающих конфликты, способы их урегулирования, стабилизации и развития городских социальных отношений.

Действенность права определяется не только как средство разрешения уже возникших конфликтов, но и как долгосрочное влияние на жизнедеятельность субъектов городских правоотношений, предупреждающее возможные конфликты в будущем.

Корнев А.В. обоснованно считает, что противоречия пронизывают все сферы жизни общества: экономическую, политическую, социальную, духовную. Противоречия имеют разную глубину. Это обстоятельство влияет на конфликтогенность общества. Наиболее острые и глубинные противоречия приводят к социальным конфликтам. По его мнению, в обобщённом виде под социальным конфликтом следует понимать «социальное явление, содержание которого составляет процесс развития и разрешения противоречивости отношений и действий людей, детерминируемых прежде всего объективными закономерностями социально-экономического и конкретно-исторического развития общества» [1, с. 297].

Определённой особенностью современного городского права является факт того, что в юридической науке не сложилось пока однозначного отношения к этому институту как самостоятельной части правовой системы России. Ряд ученых-правоведов соглашаются с возрастающей ролью городского права в рамках муниципального права, другие считают его сложившимся институтом, имеющим свои глубокие исторические корни [2, 3, 4, 5]. Есть и противники отхода от традиционных взглядов на российскую систему права, которые несмотря на перманентно расширяющееся поле «городского» федерального и регионального законодательства, меняющуюся структуру важнейших общественных отношений и «урбанизирующиеся» экономику, управление, социологию и другие гуманитарные науки [6, 7, 8, 9], продолжают не замечать городского права.

В современных условиях городское право приобретает особую форму, которую можно представить как механизм реализации правовых конструкций и регуляторов, разработанных и обоснованных в исследованиях по юридической урбанологии. Городское право выступает как инструмент дости-

жения урбанонологических целей и решения междисциплинарных задач юридическими методами и обеспечивая правовое регулирование и правоприменительную практику предупреждения и разрешения городских конфликтов, возникающих в городской среде. Более того, современное городское право становится действенным инструментом при проведении разного рода урбанистических исследований [10].

Одно из определений социального конфликта мы уже выше рассмотрели, но целесообразно исследовать и другие точки зрения ученых на это комплексное правовое явление.

Обращаясь к общетеоретическим понятиям, конфликт можно определить как особый вид общения, в основе которого лежат различного рода объективные или субъективные, реальные или ложные, но в различной степени осознаваемые противоречия в целях взаимодействующих сторон с попытками их разрешения на фоне эмоциональной напряженности [11].

По мнению П.С. Старыгиной, социальный конфликт – это тип социального взаимодействия людей, причиной которого являются противоречия между потребностями, интересами, целями, социальным статусом, ролями, функциями социальных объектов [12].

Собственно юридическая конфликтология, как отмечает И.А. Третьяк, в методологическом плане представляет собой лишь конкретизацию конфликтологической парадигмы в правовой теории. При этом данный ученый вводит понятие конфликтологии конституционного и муниципального права, которая представляет собой исследовательский уровень юридической конфликтологии, предметом которого являются юридические конфликты в конституционном и муниципальном праве, их прогнозирование, выявление и разрешение, основанное на общетеоретических постулатах науки о социальных конфликтах [13]. Такой подход непосредственно относится к городскому праву, в первую очередь как институту муниципального права, но и вызывает некоторые сомнения в необходимости «дробления» юридических конфликтов по отраслям права, поскольку они в большинстве случаев носят межотраслевой характер, и правовые акты любого отраслевого характера могут породить социальные противоречия и конфликты.

Чулюкин И.Л., подчеркивая способность права выступать как источника конфликта в случае противоречия с действующими в обществе иными социальными нормами, достаточно «жестко» определяет социальный конфликт как взаимодействие двух и более субъектов на основе противоречивых, взаимоисключающих потребностей, интересов, ценностей и целей деятельности, протекающее в форме открытого столкновения сторон, специфици-

ческими целями которых являются вытеснение, подавление или уничтожение противостоящей стороны [14].

Однако, в данном случае нас интересуют не социальные конфликты вообще, а их частный случай – «городской конфликт», который предотвращается или разрешается путем правового регулирования, т.е. фактически юридический конфликт [15]. При этом городской конфликт рассматривается как внешнее проявление столкновения интересов жителей города в связи с использованием ими городского пространства, сочетающее в себе и межгрупповую, и экологическую, и экономическую, и другие составляющие [16, 17].

Известный советский и российский ученый-правовед, академик РАН Кудрявцев В.Н. считал, что под юридическим конфликтом следует признавать любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия [18]. Представляется, что подобное широкое толкование позволяет признавать юридическими подавляющее большинство, возникающих в городе конфликтов, поскольку любой факт вовлечения в частный (семейный, соседский) конфликт третьих лиц делает его публичным и придает ему перечисленные выше правовые признаки.

Юридический конфликт, по мнению Д.Н. Слабкой и А.В. Новикова, может также иметь и другие правовые основания: продолжение неюридического конфликта, восстановление справедливости, межличностные конфликты. Они полагают, что в основу возникновения и развития любого социального столкновения положено объективное противоречие между субъектами и в данном контексте юридический конфликт представляет собой одну из фаз развития социального противоречия, возникая в процессе его нарастания, когда разногласие не получает своевременного разрешения [19].

Необходимо подчеркнуть важную характеристику правового урегулирования социального конфликта, на которую обращают внимание авторы – своевременность принятия необходимых правовых действий по прогнозированию и предотвращению возможных или уже формирующихся юридических конфликтов в городской среде. Город, особенно крупный, обладает информационными возможностями, которые способны стремительно «стимулировать» как позитивные, так и негативные факторы разрастания социального конфликта, втягивая в него не только отдельных граждан, являющихся «первичными» субъектами конфликта, но и локальные группы, сообщества и

стихийные массы жителей, используя «фейковую» информацию, заявления «псевдолидеров» и «псевдоэкспертов».

Тихомиров Ю.А. выделил четыре признака юридического конфликта:

- во-первых, юридический конфликт, конфликт в правовой сфере возникает там, где существует легально установленный порядок;
- во-вторых, юридические конфликты, как правило, имеют нормативную характеристику;
- в-третьих, обычно имеются механизмы диагностики и предотвращения юридических конфликтов;
- в-четвертых, для юридических конфликтов характерны процедуры разрешения споров и конфликтных ситуаций.

Обращаясь к приведенному выше определению В.Н. Кудрявцева, по нашему мнению, к перечисленным признакам можно добавить еще один – наличие юридических последствий данного конфликта.

Коренные причины юридических конфликтов, по мнению Ю.А. Тихомирова, заключаются в сознании и поведении человека: насколько он воспитан в духе уважения к закону, ценит ли он право как инструмент объективного и справедливого разрешения конфликта. Причины конфликтов – в изъянах правовой мотивации, правового сознания, его отсталости. Более очевидные основания юридических конфликтов заключаются в дефектах правовых норм. Создаются регуляторы, которые либо не очень тщательно продуманы, либо не просчитаны последствия их применения [20].

Современный город – это всегда сосредоточие противоречивых ситуаций, которые становятся конфликтами или затухают при правильном понимании и регулировании городской властью всех процессов жизнедеятельности населения. При этом, по мнению Н.О. Анисимова, именно «городским конфликтом» можно считать только конфликт, возникший в социальном пространстве города, т.к. конфликты могут быть привнесены в город искусственными способами извне с различными, в том числе и дестабилизирующими) целями. Если в первом случае, городские власти способны разрешить «свой» внутренний конфликт, то во втором – это возможно лишь только в самом начале и при наличии хорошо организованного городского гражданского общества, играющего активную роль в жизни города. Субъектами городских конфликтов, чаще всего, выступают городские: власть, бизнес и сообщество [21]. Несомненно, автор прав, подчеркивая роль гражданского общества в преодолении «внешних» конфликтов, но трудно согласиться с тем, что это чуть ли не единственный субъект, способный решить эту задачу. При этом следует прислушаться к выводу Г.В. Мальцева, что «Каким бы развитым ни было гражданское общество, оно никогда не утратит нужду в особой

политической организации, способной решать крупные экономические и социальные проблемы универсального характера, охватывать единой системой регулирования и управления все элементы общества, придавать им согласованный вид» [22, с. 496].

Соответственно, важными субъектами предотвращения или разрешения социальных конфликтов в городах являются представители публичной власти, например, выборные должностные лица городской власти, прежде всего, мэр и депутаты городского представительного органа. Нельзя принимать правовые акты, порождающие причины возникновения социальных конфликтов, даже если они являются актами исполнения федеральных или региональных законов. В рамках правоприменительной практики возможно внесение некоторых особенностей и поправочных характеристик в городские правовые акты, позволяющие учитывать специфику отдельных городов и местных сообществ. Также необходимо по инициативе выборных должностных лиц города, быстро принимать муниципальные правовые акты, которые позволяли бы нейтрализовать или урегулировать полностью, возникшие социальные конфликты.

Опираясь на высказанные соображения, сформулируем юридическое понятие городского конфликта как вида социального взаимодействия жителей, власти и бизнеса в городе, причиной которого являются противоречия, связанные с урегулированием тех или иных общественных отношений городского уровня, в которых данные субъекты имеют разные интересы и разрешение которых предполагает юридически значимые действия или последствия (принятие соответствующего правового акта, соглашение сторон, арбитраж, медиация и т.п.).

Естественно, городские конфликты имеют свои разновидности, исследование которых позволит минимизировать конфликтные риски и справляться с ними в случае возникновения при объединении усилий публичной власти и институтов гражданского общества.

Список литературы

1. Корнев А.В. Социология права. – М.: Проспект, 2015.
2. Таболин В.В., Корнев А.В. Муниципальное городское право. – М.: Формула права, 2000.
3. Porras I.M. The city and international law: in pursuit of sustainable development // *Fordham Urban Law Journal*. 2008. № 3. P. 536-601.
4. Денисов С.А. Административный характер городского права в России / Материалы XVII Международной научно-практической конференции: Со-

временный город: социальность, культуры, жизнь людей. – Екатеринбург: АНО ВО Гуманитарный университет. 2014. С. 60-64.

5. Соколова А.И. Муниципальные и градостроительные правовые конструкции: основа формирования самостоятельного городского права // Градостроительное право. № 3. 2022. С. 26-29.

6. Лола А.М. Города России нуждаются в отрасли – городское право // Градостроительство. 2010. № 4-5. С. 50-56, 83-88.

7. Мартынова С.Э. Антропосоциетальность публичного управления как инновационный контекст городского права // Город в теории и практике: коллективная монография. – М.: Юстицинформ, 2020. С. 193-213.

8. Соколова А.И. Геоурбанистика в предмете городского права: перспективы правового регулирования // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2022. № 3. С. 24-27.

9. Пределы регулирования: техники и инструменты городского права // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 3.

10. Таболин В.В. Междисциплинарная система общественных отношений как предмет современного городского права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 63-66.

11. Сухов А.Н. Социальная конфликтология: теоретико-исторический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 300-304.

12. Старыгина П.С. Организационно-управленческие механизмы регулирования социальных конфликтов: нормативно-правовой аспект // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 2. С. 85-94.

13. Третьяк И.А. Юридическая конфликтология в конституционном и муниципальном праве // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 55-61.

14. Чулюкин И.Л. Право как средство предупреждения и разрешения социальных конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 3. С. 74-81.

15. Хохлов А.С. Конфликтология. История. Теория. Практика: учебное пособие. – Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2014.

16. Иванов О.Б. Городские конфликты: типология и медиация // Власть. 2020. № 4. С. 99-104.

17. Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Том 18. № 4. С. 44-65.

18. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт: сферы и механизмы. Юридическая конфликтология. Часть 2. - М.: РАН, Центр конфликтологических исследований, 1994.
19. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Феномен юридического конфликта. Юридическая психология // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 1А. С. 161-167.
20. Бальхаева С.Б., Цомартова Ф.В. Юридические конфликты в современном мире (Обзор заседания секции «Право» Центрального дома ученых РАН) // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 161-163.
21. Анисимов Н.О. К вопросу о содержании понятия «городской конфликт» // Наука. Искусство. Культура. 2020. Выпуск 1 (25). С. 187-196.
22. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007.

Турагин Владислав Юрьевич,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРЕИМУЩЕСТВО» В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Современные реалии обуславливают непрерывную модернизацию правового регулирования общественных отношений. Одной из её тенденций является внедрение в юридический тезаурус и дальнейшее использование тех или иных понятий, отражающих ключевые особенности развития государства, права и общества. Понятие «преимущество» в настоящее время не только активно используется в отечественной юридической науке, но и получило своё закрепление в ряде отраслевых нормативных правовых актов, применяется в процессе правореализации. Интересно, что мнения представителей научного сообщества в отношении содержания данного понятия отличаются присущей им спецификой и неоднозначностью, обусловленной особенностями авторского подхода. Легальной же его дефиниции в нормативных правовых актах пока не нет.

Ключевые слова: преимущество, правовое преимущество, определение, понятие, толкование, юридический дискурс.

«При конструировании институтов, предназначенных регулировать конфликты между участниками будущих правоотношений, определено

чувствуется невысказанная в тексте закона, но вполне уловимая опытными людьми «симпатия законодателя» к одной из сторон. Она выражается в мелких процедурных деталях, создании неких препятствий для одних, небольших послаблений для других, но в некоторых случаях при внимательном чтении закона, толковании его текст уже видно, «на чьей стороне законодатель». Этот общий психологический настрой может передаваться правоприменителю, через него воздействовать на юридическую практику» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. – М.: Норма, 2007. С. 399).

Понятие «преимущество» стремительно вошло в юридический тезаурус и достаточно активно используется в настоящее время в различных доктринальных и нормативных источниках. Однако, несмотря на свою довольно частотную употребимость, данное понятие не получило легального толкования или иного официального разъяснения.

Дергунов А.А. справедливо отмечает, что понятие «преимущество» может как претендовать на роль юридического термина, так и занять место автономного элемента системы правовых преимуществ [1, с. 118].

Прежде, чем обратиться к различным трактовкам понятия «преимущество» в рамках юридического дискурса, полагаем, следует выявить значение данного слова с точки зрения русского языка для уяснения его семантической составляющей. Так, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова трактуют «преимущество» как «выгоду, превосходство в сравнении с кем-нибудь или чем-нибудь другим». При этом авторами приводится и еще одно значение упомянутого слова: «исключительное право на что-нибудь, привилегия» [2, с. 619]. Применительно к юридической науке данное слово используется, в основном, во втором значении, учитывая тот факт, что в Российской Федерации одним из главенствующих принципов правового статуса личности предстает конституционный принцип равенства. В этой связи, если какие-либо исключения и допустимы, то превосходство по тем или иным признакам – нет.

Отметим, что Н.С. Бондарь и Ю.В. Капранова, исследовавшие сущность данного понятия в контексте анализа понятий «льгота» и «привилегия», представили преимущество в виде положительного изъятия, сделав акцент на замечании о том, что «общественно значимый результат установления оправдывает допускаемое исключение из общего режима» [3, с. 50].

По мнению А.В. Малько и И.С. Морозовой, преимущества – это «дополнительные, особые права». При этом примечательно, что данное толкование дается в контексте исследования понятия «льготы» («преимущества,

исключения из единых требований нормативного характера»). Помимо этого, авторы используют термин «преимущество» и для уяснения сущности категории «привилегия», раскрывая ее как «исключительное преимущество» [4, с. 297]. На наш взгляд, данная трактовка является достаточно широкой. Кроме того, в одном ряду используются схожие понятия: «преимущество», «привилегия», «льгота». С нашей точки зрения, их необходимо содержательно разделять.

Приведём несколько позиций, имеющих значение в контексте дефинирования понятия «преимущество», связанных с его смысловым отделением от смежных понятий.

Понятие «преимущество» начинает осознанно рассматриваться не в качестве синонима понятий «привилегия» и «льгота», а как родовое понятие, объединяющее перечисленные как видовые, в научных трудах Г.С. Беляевой. Более того, в целях оптимизации понимания их сущности автором предлагается внедрение в теорию правового регулирования такой категории как «правовой режим, основанный на преимуществах» [5, с. 176].

В контексте рассмотрения преимуществ полагаем возможным обозначить подход, представленный Мархгейм М.В. в их сопряжении с приоритетностью. Аргументируя приоритетность в качестве конституционно-правовой реальности, ею отмечено, что «принцип приоритетности», в интерпретированном виде проявляющий себя преимущественно в конституционных формулировках применительно к сфере прав человека, ... не отвергает все иные принципы, но способствует их упорядочиванию и оценке аксиологических предпочтений в обществе и государстве» [6, с. 42-43].

Исследуя более поздние работы, необходимо обратить внимание на позицию А.Г. Репьева. Характеризуя такой феномен, как правовое преимущество, он предлагает наделить его статусом системы. Так, понятие «правовое преимущество» автор определяет в качестве родового и включает в него следующие видовые понятия: «иммунитет», «привилегия», «льгота», «особая правовая процедура». Однако перечисленным данная система не ограничивается. Помимо видовых, он считает важным упомянуть и о подвидовых понятиях: «преференция», «субсидия», «властная прерогатива», «грант», «компенсация» и пр. [7, с. 260].

Элекина С.В. анализирует понятие «преимущество» не с общетеоретической точки зрения, как большинство других учёных, а через призму уголовно-правовой науки. Так, она понимает его следующим образом: «идеальная мысленная модель будущего конечного результата в виде получения какого-либо превосходства в сравнении с иными физическими или юридическими лицами» [8, с. 101]. Отметим, что данная трактовка несколько специ-

фична, потому что, во-первых, под преимуществом понимается «идеальная мысленная модель», и, во-вторых, посредством ее использования предполагается получение, к примеру, не льготы или привилегии, а именно превосходства. Мы не совсем согласны с данным утверждением, поскольку, как уже отмечалось, возможность воспользоваться преимуществом предполагает не превосходство одного лица над другим, а, наоборот, в силу своего особого положения наилучшим образом удовлетворить свои интересы.

Категория «правовое преимущество» не осталась без внимания и в научных трудах А.А. Дергунова. Он отмечает, что «правовое преимущество олицетворяет наличие преимущества – блага, которое есть (или может быть) у одного субъекта (либо субъектов) по сравнению с другими» [1, с. 118]. Собственно, особенность авторского подхода состоит в определении сущности преимущества именно как блага. При этом считаем важным уточнить, что понимается под благом в целях более точного восприятия данного толкования. С точки зрения русского языка слово «благо», также, как и слово «преимущество», многозначно. В первом значении под ним подразумевается «добро, благополучие», а во втором – «то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности» [2, с. 37]. При этом, что касается рассмотрения блага через призму правового регулирования, то здесь согласимся с мнением П.П. Ланга, который утверждает, что «благо в правовом значении следует рассматривать как собирательный образ ценности, общепризнанной и установленной в нормативном порядке, обеспеченной со стороны государства» [9, с. 15].

По мнению А.Г. Репьева, «правовое преимущество представляет собой юридическую категорию, характеризующуюся правомерной возможностью субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне». При этом, по мнению автора, выражается она как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям [7, с. 16].

Суменков С.Ю., в свою очередь, делает акцент на том, что «направленность на удовлетворенность законных интересов субъектов» свойственна правовому регулированию в целом а, значит, служить отличительной чертой феномена правового преимущества не может. А такие использованные в дефиниции слова как «полнота» и «всесторонность», в свою очередь, по его мнению, обладают оценочным характером. Более того, автор считает, что не стоит обозначать понятие категориального уровня как юридическое средство [10, с. 29].

При этом С.Ю. Суменков также акцентирует внимание на том, что в контексте определения правового преимущества речь должна вестись о

должном сочетании дополнений или (и) изъятий в общие предписания, а не о дополнительных правах либо подверженности чему-либо. Таким образом, сущность преимущества он видит в комбинировании дополнений и изъятий, соответственно нивелирующих предназначенные для всех ограничения, либо увеличивающие диапазон дозволений [10, с. 30].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что проблема толкования понятия «преимущество» в российском дискурсе весьма актуальна и, соответственно, продолжает оставаться одной из наиболее острых и обсуждаемых. Предположим, что в перспективе не исключена возможность выработки научным сообществом хотя бы относительно универсальной дефиниции данного понятия, ее легального закрепления, а также апробации в ходе правореализации. Полагаем, что преодоление существующей неопределенности при трактовке понятия «преимущество» способно обеспечить единообразное применение иммунитетов, привилегий, льгот, особых правовых процедур, а также добиться консенсуса в вопросе их содержательного соотношения.

Список литературы:

1. Дергунов А.А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Высшая школа, 1993.
3. Бондарь Н.С., Капранова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2002.
4. Малько А.В., Морозова И.С. Логико-гносеологические, дефинитивные и практические проблемы институционализации льгот в современном российском законодательстве // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного круглого стола, Черновцы 21–23 сентября 2006 г. / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Нижний Новгород : Юридическая техника, 2007. – С. 297.
5. Беляева Г.С. Правовые режимы, основанные на преимуществах: к вопросу о понятии // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 10 (82).
6. Мархгейм М.В. Принцип приоритетности как конституционно-правовая реальность // В сборнике: КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ. Материалы Международного круглого стола, посвященного

памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. Ответственный редактор Мархгейм М.В., 2017. С. 42-45.

7. Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.Г. Репьев. – Саратов, 2020.

8. Элекина С.В. Категория «преимущество» в современном уголовном законодательстве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1 (39).

9. Ланг П.П. Идеи блага в праве // Вопросы экономики и права. 2020. № 4(142).

10. Суменков С.Ю. Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129).

Священник Баган Владислав Владимирович,
преподаватель кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской духовной семинарии
Смоленской Епархии Русской Православной Церкви,
кандидат богословия, кандидат юридических наук
(Смоленск, Россия)

СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. Настоящая статья является экскурсом в историю состояния «канонического права» в Российской империи на протяжении XVIII века. Важнейшим этапом формирования дисциплины «канонического права» является научная систематизация церковноправовых источников. Именно сбор и комментирование источников стали тем фундаментом, на котором зиждилась система церковного права. Дисциплина «канонического права» последовательно прошла несколько этапов своего развития: критико-экзегетический, богословский, юридический. Автор обратится к первому, критико-экзегетическому, этапу развития «канонического права» как учебной дисциплины. Статья является частью серии авторских публикаций, пытающихся отразить процесс формирования дисциплины «канонического права» в Российской империи на протяжении XVIII – XIX столетий. Сфера источниковедения является начальным этапом развития отечественной науки «канонического права». Именно через комментирование источников

«канонического права» зародилась традиция систематического и научного изучения системы церковного права. Автор надеется, что через анализ специфики экзегезы и преподавания «канонического права» можно приблизиться к пониманию онтологии канонического права.

Ключевые слова: каноническое право, источниковедение, церковное право, система церковного права, духовное образование, история права, богословская дисциплина; Российская Империя.

«... линия жизни церковного (канонического) права не прерывалась, оно существовало, постоянно адаптируясь к новым условиям развития. Сегодня они стали более благоприятными вследствие установления четких принципов взаимодействия церкви и светского государства. Современные представления об этом взаимодействии предполагают, отказ светского государства от «миссии освобождения» общества из-под власти религии, от связывания себя какой-либо антирелигиозной политикой, наконец от администрирования и любой формы вмешательства в церковные отношения. Церковь, со своей стороны, не должна брать на себя государственные функции, использовать прямо или косвенно государственные полномочия, предполагающие ограничения и принуждение. Эти и другие требования составляют границы, внутри которых развиваются взаимоотношения между церковным и светским правом» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С.514-515).

Постановка проблемы: состояние источников церковного права в Древней Руси. Русская Православная Церковь в начале своего существования на Руси, являясь интегрирующей социальной институцией, обладала правовым и политическим значением. Церковь следила за соблюдением норм и принципов канонического права в гражданских и уголовных делах. Княжеские уставы, адаптирующие притязания Церкви на область русского социума, образовали самый ранний в России свод церковного права. До 1448 года Русская Церковь юридически находилась в зависимости от Константинопольского патриархата. Несмотря на географические трудности, сказывающиеся на коммуникации, социальные связи Константинополя и Русской Церкви никогда не разрывались. Даже в политических делах Киевский митрополит был важнейшим связующим звеном между Византийской империей и русскими княжествами. Рецепция византийского гражданского права в средневековой России была ограниченной. Правовые нормы в судебных текстах Киевской Руси и ранней Московии по большей части отражают восточнославянское и североевропейское обычное право, чем церковное право.

Учитывая историю и этнографию русских земель, в этом нет ничего удивительного.

Почему же в Руси домонгольской периода не сказывалось влияние византийского права. Это объяснялось особенностями миссионерских стратегий византийцев, которые, христианизируя отдельные народы и экспортируя свою религиозную идентичность, передавали свою культурную систему избирательно. То есть народы, оказавшиеся в сфере влияния и интересов Византии, не имели прямого доступа ко всему спектру Византийской культуры. Вплоть до Петровских реформ русские правоведы фактически не изучали римское и византийское гражданское право, как таковое. Лишь Русская Православная Церковь была единственным проводником византийского права. Православное каноническое право передавалось в т. наз. «номоканах», которые включали в себя значительную часть византийского имперского законодательства.

Что из себя представляли «номоканы»? Начиная с конца 6 века, чтобы облегчить свободное владение законами канонического и гражданского права, в Византии начали составляться сборники имперских законов, касающихся Церкви. Эти сборники передавались совместно с церковными канонами, и в конечном итоге были объединены с ними в составные сборники – «номоканы». Так стали называть эти справочники в более позднем византийском употреблении. Популярность номоканонов была основана на удобстве, а не на теории. Тот факт, что каноническое право и имперское церковное право передавались вместе, не отменял различия между ними. Два закона стояли бок о бок в номоканонических рукописях, но все же были легко различимы. Идея систематизации двух сводов законов путем включения их в общую схему была совершенно чужда византийской и православной юриспруденции.

Так, через использование «номоканов», косвенным и избирательным путем византийское гражданское право стало известно на Руси. Но оно так и не стало движущей силой российского права. В уголовном праве, например, русские веками следовали своей собственной практике, несмотря на то что знали о более суровых предписаниях византийского закона.

Наиболее сознательное усилие по включению Византийское право возникло довольно поздно, в середине XVII в., когда элементы византийского уголовного права были вплетены в Уложение царя Алексея. Царь Алексей Михайлович уже по издании Уложения в 1654 г. разослал по органам судебной власти страны выписки из греческих законов Номоканона и велел судить по ним дела уголовные [1, с. 76].

Славянские Кормчие как базовый источник церковного права на Руси

Итак, из источников церковного права важнейшее место занимала как раз Кормчая книга, перевод которой существовал в России с первых лет Крещения. В этой книге содержались правила Священного Писания, соборов, святых отцов и управления Церкви, а также норм гражданского и уголовного права [2, с. 277]. Кормчая книга – это Номоканон, переводы которого также имелись в Русской Церкви [3, с. 205 – 206]. Но кроме того, что было взято из греческих Номоканонов, в славянских Кормчих книгах помещались ещё чисто гражданские постановления, взятые из византийских сборников (например, Закон судный и Прохирон Императора Василия Македонянина); Кроме Кормчей книги, многие канонические правила помещались в богослужебных книгах (уставах, служебниках, требниках) и в различных сборниках, довольно многочисленных и по содержанию разнообразных» [4, с. 300].

Именно Кормчая книга выступала мощным источником знаний о каноническом праве для достоверного определения значения церковной юрисдикции или тех оснований, которыми руководствовалось духовенство в своих установлениях и в судопроизводстве по предметам духовного ведомства [1, с. 82].

Славянские номоканоны были важнейшим проводником византийской этической и правовой культуры в России. Самая старая из сохранившихся рукописей датируется одиннадцатым или двенадцатым веком, хотя наиболее задокументированный импорт был получен на соборе русских епископов во Владимире в 1273 или 1274 году. Незадолго до этого митрополит Кирилл II послал в Болгарию копию недавно отчеканенного славянского номоканона, приписываемого Савве, сербскому князю-монаху и святому (ум. 1236). Номоканон Саввы был принят Владимирским собором, и некоторые экземпляры были распространены. Через несколько лет была подготовлена новая редакция, что привело к дополнительным линиям передачи. Все славянские номоканоны имеют общее ядро. Тем не менее, между ними есть существенные различия. Некоторые номоканоны представляют сборники канонов в сокращенной форме. Одни приводят выборку комментаторов двенадцатого века, другие – нет. Некоторые добавляют исконно русские юридические тексты. А поскольку номоканоны были рукописями, а не печатными текстами, каждый из них имел свои особенности. Было почти столько же различных номоканонов, сколько было рукописей. Известны различные Кормчие: Ефремовская Кормчая [5, с. 1-3], Рязанская [6, с. 350], Волынская [3, с. 166], Рукописное издание Кормчей книги 1493 года, Рукописный Номоканон 1510 года [7, с. 311], хорошо известна была Кормчая книга 1650 года, изданная Московской типографией.

Рукописи были ценным имуществом епископов, но не стали предметом формального изучения. Ни в Киевской Руси, ни в старой Московии не было высших учебных заведений. Образование было ученичеством. Молодой человек учился на священнослужителя, проходя практику в доме священника, часто своего отца или родственника мужского пола. Юноша стал знатоком русского права, работая писцом в казенном учреждении. Здесь тоже были распространены семейные династии. В России не развивалось ничего сравнимого с изучением двух законов (гражданского и церковного права) в университетах средневекового Запада. Каноническое право и гражданское право изучались исключительно в практических целях. Не существовало спекулятивного изучения с точки зрения политической философии (систематическое размышление об отношениях между церковной и мирской властью), или философии права (определение нормативных принципов, концепция естественного права и т. д.). В дальнейшем история показала, что научное изучение Номоканонов, «составляющих содержание церковного права», была необходимостью, без которой ни один юрист или теолог не могли с успехом трудиться в сфере каноники [8, с. 246].

В качестве источников канонического права могли отбираться своего рода гибридные источники. Известны рукописное издание сборника церковно-канонического и полемического, датируемого первой четвертью XV века, рукописное издание Устава церковного иерусалимского, датируемого XV столетием, рукописное издание Сборника церковно-канонического, датируемого первой половиной XVI века, многие другие источники, на которых обучались целые поколения отечественных богословов тех периодов. Изначально средневековые сборники канонических постановлений устанавливали доступные для понимания значительного большинства населения нормы обязанностей, лежащих на церковной пастве, со специфическим назначением: в соблюдении этих норм в средневековье усматривалось лучшее средство к устранению коренной причины всех общественных бедствий, к отклонению карающей десницы небесного судьи, разгневанного людскими прегрешениями. По убеждению некоторых средневековых мыслителей, «декреты св. отцов», св. каноны и постановления соборов, «попранные и забытые, благодаря небрежности пастырей», должны были занять надлежащее руководящее положение [9, с. 98]. В Соборном определении на старца Васиана (1531 г.), по его мнению, относящемся к «категории памятников церковных улучшений, предпринятых в Москве», содержится «образец тогдашних знаний канонического права» [10, с. 117].

В XVII веке Патриарх Московский Иосиф руководил подготовкой печатного Номоканона. Главным фактором к вызреванию проекта стало изда-

ние первого в России печатного свода законов «Уложение царя Алексея». Отредактированный и дополненный вариант номоканона Иосифа поступил в типографию в 1653 году под руководством его преемника, патриарха Никона. Было распространено тысяча двести экземпляров. Однако после этого многообещающего начала печатание номоканона было приостановлено более чем на столетие. Во второй половине XVII века перевод Кормчей был подготовлен Елифанием Славинецким, в первой половине XVIII века Василием Козловским и Григорием Полетика были переведены Правила Апостольские и Соборные [11, с. 426]. Кроме обычных правил святых Апостолов, святых Соборов и святых отцов, равно как и узаконений греческих императоров, в это издание были помещены статья об учреждении в России Патриаршества. С той же целью при Патриархе Московском и всея Руси Адриане в 1700 году были составлены «статьи о святительском суде», где, помимо Номоканона, были собраны уставы и узаконения русских князей и ярлыки монгольских ханов относительно привилегий церковной власти [12, с. 27, 210].

Поскольку некоторые законы византийских императоров вошли в русское право через Номоканон и сохранили свою силу не в силу зависимости Руси от обнарудовавшего их политического режима, а в силу собственных церковных нужд и в силу церковного предания, мы должны признать важность законов византийского [гражданского] происхождения, включенных в Номоканон, в частности в таком разделе, как церковное брачное право, которое сравнительно мало регулируется канонами. Итак, в некоторых случаях приходилось обращаться к византийским новеллам, освященным многовековой церковной традицией.

Петровские реформы и состояние источников церковного права.

Первоначальное официальное открытие полноценных духовных школ в России относилось ко времени реформы Петра I – в целях удовлетворения нужд в образованных кандидатах на церковные должности [13, с. 1]. Созданию полноценных духовных школ в России всё же активно способствовали и акты Государя Петра I, расширявшие автономию духовных академий и при этом упорядочившие их деятельность.

По указам Петра I в Москву и Санкт-Петербург с Юга России (Киева и других мест) переезжает множество церковных учёных, в числе прочего, со своими взглядами и наработками относительно того, как давать знания о церковном праве. Таковые зачастую отличались от взглядов московского, петербургского, казанского духовенства, в других случаях были им в унисон. Объективно складывалась ситуация, когда рано или поздно, но вопрос о

полноценном преподавании церковного права должен был быть поднят. Предпосылки были же в необходимом объёме накоплены.

Изданный в начале XVIII века Духовный регламент (от 25 января 1721 года) по своему содержанию включал три части: в первой раскрывалось, что есть духовная коллегия и почему таковая была учреждена взамен патриаршества, во второй части были изложены предметы ведения и компетенция Святейшего Синода, в третьей указаны были состав, права и обязанности Святейшего Синода. При этом, по А. Доброклонскому, Духовный регламент был «не только законодательный кодекс, но и литературный памятник, обличающий современные недостатки общества» [14, с. 102]. То есть указанный акт имел научное и образовательное значение. В 1722 году с одобрения Государя и с утверждения Святейшего Синода было издано прибавление к Духовному регламенту, определившее правила для белого и монашествующего духовенства [14, с. 102]. Все эти новации были немислимы без определённой систематизации и определённого задействования знаний о каноническом праве и одновременно давали ему мощный импульс в развитии и укоренении (в артикулированном самостоятельном виде – связано, но обособленно в отношении собственно богословия) в Церкви.

Петровский режим наделил Русскую Церковь ресурсом, который в конечном итоге дал ей возможность четко решать свои проблемы. Этим ресурсом было систематическое духовное образование. Одним из положений Духовного регламента было то, что каждый епархиальный архиерей обязан был содержать школу при епархии для детей духовного сословия, как будущих претендентов на получение духовного сана.

Потребовалось некоторое время, чтобы это распоряжение было реализовано, но к концу XVIII века большинство русских епархий поддержали такую школу. Эти семинарии не были традиционными учреждениями с точки зрения старомосковских порядков. Название пришло к нам из католического словоупотребления, латынь была языком обучения, а учебная программа сильно зависела от школьного образования, импортируемого с Запада. Тем не менее, организация формального богословского образования была поставлена повсеместно и систематически. Реформы начала девятнадцатого века, в том числе преобразование избранных семинарий в духовные академии, а также введение русского языка в качестве языка обучения, еще больше укрепили церковную образовательную систему. Образованное духовенство и растущий штат ученых-богословов принесли значительные общественные дивиденды Русской Церкви на протяжении XIX века. Решение образовательных проблем церкви потребовало пересмотра канонического пра-

ва в целом. Курсы канонического права стали предлагаться в русских семинариях в конце XVIII века.

В принципе, то, что мы сегодня понимаем под системой и процессом университетского преподавания (именно в нашем представлении, в понятном для нас модусе), складывалось в России как раз в XVIII веке, тогда же кристаллизовалось понимание стандартизации (в терминах тех времён) содержания образования и применимых методов обучения студентов. Именно в этом смысле мы можем говорить о том, что с начала XIX века начала складываться система преподавания канонического права. Само же такое преподавание в смысле передачи знаний, научения имело место и много ранее. Однако говорить о систематическом преподавании (в современном понимании системности и систематичности изучения) канонического права пока не приходилось.

Вместе с тем, как писал С. Смирнов, каноническое право в том период включалось в объём богословского учения [15, с. 296]. Считается, что преподавание канонического права было введено в духовно-учебных заведениях во второй половине XVIII века, но речь идёт именно о систематическом изучении (преподавании) – в том модусе, который уже близок и сколь-нибудь понятен нам по привычной для нас образовательной системе, привычным для нас педагогическим подходам.

Согласно П. Прокошеву, церковное право в первый раз сделалось предметом систематического преподавания в церковных школах в третий период существования Московской Славяно-греко-латинской академии [2, с. 269]. Действительно, считается, что впервые изучение канонического права было введено (как самостоятельная дисциплина) в Московской Славяно-греко-латинской академии (в третий период существования означенной академии – 1775–1814 гг.) тогдашним её директором и протектором митрополитом Платоном с 1776 года (с самого начала своего правления) [2, с. 269].

Именно в «Инструкции», созданной в 1776 году митрополитом Платоном Московской Славяно-греко-латинской духовной академии, была выражена идея о необходимости преподавания канонического права и была изложена концепция организации преподавания канонического права как особой науки [16, с. 85].

Преподавание состояло в изучении и объяснении Кормчей книги, по инструкции начертанной самим митрополитом Платоном [15, с. 298].

Святейший Синод не только утвердил эту программу митрополита Платона, но и повелел в 1798 году, чтобы и в прочих академиях читали и объясняли Кормчую книгу по означенной программе [2, с. 269].

Однако многие авторы, в том числе Митрополит Московский Филарет (Дроздов) [цит. по: 2, с. 278], указывали на недостатки преподавания канонического права на основе только лишь Кормчей книги в силу её довольно несовершенного для таких целей вида, имея в виду необходимость расширения источниковой основы такого преподавания (и соответственно – изучения).

Однако усложнение источниковой основы изучения канонического права не исключало и не принижало значения изучения Кормчей книги.

В 1785 году было предпринято третье (тщательно исправленное) издание Кормчей книги [15, с. 332], что дало существенный толчок к более активному и обширному её изучению при образовательной подготовке духовных лиц.

Заключение. В 18-м веке центрами изучения канонического права выступали церковные органы управления в Русской Церкви, а также органы церковного суда. Занятие каноническим правом в средние века способствовало высокому образованию многих учёных, которые с такой любовью изучали этот предмет, что даже многие из инославных, увлекавшихся своим классицизмом, тщательно стали заниматься изучением канонического права и обнародовали в печати множество рукописей, обогативших число канонических сочинений [4, Барсов, 1872, с. 287]. Это суждение в равной мере адресуемо как западным канонистам, так и восточным. По словам священника Михаила Горчакова, развитие церковного права в России не остановилось в застое от начала XVIII века [8, Горчаков, 1875, с. 242]. Каноническое право за XVIII век прошло длинный и многотрудный путь, претерпело в немалой степени генезис (становление) как научная дисциплина и как дисциплина образовательная (пусть ещё и не в привычных нам онтологических формах, но всё же).

Далее наука церковного права в России начала разрабатываться в духовных академиях. Курсы канонического права стали предлагаться в русских семинариях в конце XVIII века. С 1835 г. каноническое право преподавалось также на юридических факультетах университетов. Здесь она последовательно прошла в своём развитии три периода, выразившихся в трёх различных направлениях. В первый период, с 1776 года до 1814 года, преобладало направление критико-эзегетическое, во втором, с 1814 года до 1869 года – богословское.

Российское право (церковное и гражданское) было сложным предметом для изучения, не только из-за отсутствия необходимых педагогических инструментов, но и из-за «хаотического состояния российского законодательства». Петр Великий и его преемники наводнили Россию новыми зако-

нами, но не сумели их системно кодифицировать, не смогли упорядочить свое законодательство, не говоря уже об интеграции его с допетровским русским правом. К первой половине XIX века стали происходить успехи в организации русского права как в гражданской, так и в церковной сферах.

Список литературы

1. Соколов Н.К. О влиянии Церкви на историческое развитие права // Московские университетские известия. 1870. № 1. С. 1–103.
2. Прокошев П. Исторический очерк науки церковного права в России до преосв. Иоанна. Православный собеседник. Издание Казанской духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета, 1894. С. 268–297.
3. Срезневский И.И. Славяно-русская палеография. Журнал Министерства народного просвещения. С.-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1884. С. 164–176, 193–208; 209–224.
4. Барсов Т. В. О церковном законодательств // Христианское чтение. 1872. № 2. С. 253–302.
5. Обнорский С.П. 1912. О языке Ефремовской Кормчей XII века. – С.-Петербург: Типография Императорской академии наук, 85 с.
6. Соболевский А.И. Источники для знакомства с древне-киевских говором // Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССXXXVII. С.-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1885. С. 349–357.
7. Лыткин Г. Пятисотлетие Зырянского края. Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССXXX. С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1883. С. 275–326.
8. Горчаков М., свящ. Научная постановка церковно-судного права // Сборник государственных знаний. С.-Петербург, 1875. С. 223–270.
9. Вязигин А. С. Очерки из истории папства в XI веке. Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССXVIII. С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1898. С. 96–134.
10. Бердников Я. О некоторых важных рукописях, хранящихся в библиотеке Императорской академии наук. Журнал Министерства народного просвещения. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1835. 656 с.
11. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 6: Исследования о различных предметах законовещения. – С.-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1859. 643 с.
12. Доброклонский А. Руководство по истории русской церкви. Выпуск третий: Патриарший период 1589–1700 г. М.: Типография университетская, 1889. 306 с.

13. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – Казань: Типография Императорского университета, 1881. 806 с.
14. Доброклонский А. Руководство по истории Русской церкви. Выпуск четвертый: Синодальный период 1700–1890 г. М.: Типография университетская, 1893. 441 с.
15. Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: Типография В. Готье, 1855. 428 с.
16. Красножён М. Е. Церковное право. Юрьев: Типография Маттисена, 1906. 304 с.

Безуглая Анна Артуровна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент,
(Белгород, Россия)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ РЕГЛАМЕНТА ПАЛАТЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИИ

Аннотация. На основе анализа конституционных норм, а также имеющих в юридической доктрине источников по исследуемой теме автором осуществлен анализ правовой природы и сущности регламента палаты Федерального Собрании. В ходе исследования был сформулирован вывод, что регламент палат федерального парламента выступает в качестве правового регулятора деятельности законодательного органа государства и восполняет имеющуюся пробельность в его регулировании. Отмечено, что отсутствие отдельного нормативного правового акта, систематизирующего правовые нормы деятельности федерального парламента в целом и его палат в частности, компенсировано наличием у палат соответствующих регламентов. Подчеркнуто, что регламент является гибким средством реагирования парламентариев на происходящие в политической жизни государства изменения.

Ключевые слова: конституция, регламент, Федеральное Собрание, парламент России, взаимодействие палат российского парламента, акты Совета Федерации, акты Государственной Думы.

«...В процесса массового производства юридических нор на «фабриках законов», каковыми являются многие современные парламенты, резко ослабляется внимание законодателей к проработке элементов, входящих в механизм применения данного закона. В итоге – бурная правотворческая де-

тельность, возрастающее количество законов вызывает парадоксальное состояние, при котором обилие норм уживается с отсутствием элементарного порядка в какой-либо сфере» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 744).

Термин «регламент» достаточно широко используется в юридической науке и практике, при этом до сих пор среди авторов не сложилось единого подхода к его пониманию, сущности и правовой природе. Анализ доктринальных источников по исследуемой тематике позволил заключить, что рассматриваемая категория зачастую отражает «приверженность» к предмету исследования административного права [1; 2; 3; 4; 5], что, на наш взгляд, не вполне соответствует *истинной* природе данного правового акта в России. Полагаем, что для разрешения вопросов относительно сущности регламента палаты Федерального Собрания необходимо, прежде всего, определиться с его правовой природой. В этих целях представляется целесообразным исследовать российские конституционные тексты на предмет формализации в них категории «регламент».

«Анализ российских конституций 1918-1978 гг. показал, что только Конституция (Основной закон) 1978 года [6] содержала в своем тексте (ст. 121) упоминание о регламенте и только применительно к порядку «деятельности Верховного Совета РСФСР и его органов». Из указанной конституционной нормы следует, что регламент, наряду с «другими законами РСФСР» и Конституцией относится к числу основных правовых актов, принимаемых для упорядочивания работы законодательного органа страны» [7, с. 97]. В данной связи полагаем необходимым акцентировать внимание на конституционную формулировку анализируемой статьи, в которой речь идет сначала о регламентах, а затем о «других законах РСФСР». Полагаем, что такая юридическая конструкция позволяет сделать вывод о приоритетности регламентов над законодательными актами в сфере регулирования деятельности названного органа государства. Такая позиция со стороны законодателя нашла отражение (с некоторой долей трансформации) и в тексте действующей Конституции России.

«С принятием Конституции России 1993 года регламенты палат парламента не только были возведены на конституционный уровень, но и получили импульс для своего современного оформления в качестве правового акта, регулирующего деятельность представительного и законодательного органа Российской Федерации. Именно с 1993 года представляется оправданным говорить о становлении в России регламентной модели регулирования деятельности палат Федерального Собрания, состоящая в возможности палат

самостоятельно, во-первых, принимать регламенты, во-вторых, решать вопросы внутреннего распорядка своей деятельности, в-третьих, решать возникающие в процессе их деятельности вопросы, включая взаимодействие палат друг с другом напрямую или через их структурные органы» [7, с. 97-98].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что регламент палаты парламента – это правовой акт, принимаемый в соответствии с положениями российской Конституции (и во исполнение их) для урегулирования полномочий представительного и законодательного органа государства.

Дальнейшее исследование обозначенной ранее проблемы связано с рассмотрением сущности регламента палаты парламента. Полагаем, что анализ названной категории неразрывно связан с выявлением признаков, характеризующих регламент.

«Анализ доктринальных и связанных с заявленной темой правовых источников позволил выявить характерные признаки регламента палаты парламента, к числу которых, на наш взгляд, относятся:

- исключительный характер, заключающийся в том, что регламент используется в тексте российской Конституции только применительно к парламентам;

- обязательность принятия палатами Федерального Собрания, предусмотренная ч. 4 ст. 101 Конституции России;

- функциональная обусловленность полномочий палат парламента, изложенных в регламентных нормах;

- конкретизация в регламентных нормах сфер и форм взаимодействия палат российского парламента с иными органами государственной власти;

- компенсаторное предназначение регламента ввиду отсутствия должного законодательного регулирования деятельности палат Федерального Собрания» [7, с. 95-96].

Резюмируя сказанное, отметим, что регламент палат Федерального Собрания предстает в качестве правового акта, систематизирующего и синтезирующего нормы и правила, связанные с законодательным регулированием их деятельности. Полагаем, что отсутствие в законодательстве отдельного специального акта, регулирующего деятельность палат Федерального Собрания, с одной стороны, говорит об имеющейся законодательной пробельности, но, с другой стороны, предоставляет парламентариям дополнительную гарантию самостоятельности в решении вопросов внутреннего распорядка. Регламент палаты, по справедливому замечанию С.В. Бударинной, «наиболее оптимальная форма закрепления парламентских процедур» [8, с. 120].

Поддерживая, в целом, идею принятия Федерального закона «О Федеральном Собрании – парламенте Российской Федерации», сосредоточивающего и в перспективе кодифицирующего имеющиеся правовые нормы о федеральном парламенте и его палатах, не стоит забывать и о значении регламента палаты как инструменте «оперативного реагирования» парламентариев. Как отмечает И.Н. Королева, «сохранить гибкость правового регулирования парламентского механизма функционирования» возможно «лишь при регламентной модели регулирования, которая обеспечивает определенное свободное правовое пространство для движения» [9, с. 16-17]. Полагаем, что непринятие такого специального федерального закона, прежде всего, связано с «осторожностью» самого законодателя в регулировании вопросов законодательной деятельности парламента России.

Список литературы:

1. Маковой В.А. О принятии нового административного регламента МЧС РФ и изменениях в нем по отношению к предыдущему регламенту // Чрезвычайные ситуации: промышленная и экологическая безопасность. 2017. № 1 (29). С. 29-36.
2. Бургардт В.В. Бюджетные регламенты и система ответственности за соблюдение бюджетных регламентов // Студент. Аспирант. Исследователь. 2018. № 10 (40). С. 179-184.
3. Антонова Е.А. Генеральный регламент 1720 года и современный регламент организации как комплексные организационные документы // В сборнике: Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. сборник статей по материалам ХСVI студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2020. С. 7-11.
4. Панова Е.А. Должностной регламент государственного гражданского служащего как разновидность административных регламентов // В сборнике: Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы IV Международной научно-практической конференции. В двух томах. Тамбов, 2020. С. 191-195.
5. Колягина Е.С. Взаимосвязь административного регламента государственного органа и должностного регламента служащего // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2018. № 12. С. 180-184.
6. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года. Сайт. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978.

7. Мархгейм М.В., Минасян А.А. Взаимодействие палат Федерального Собрания России: конституционно-правовые параметры и ресурсы оптимизации. М.: Юрлитинформ, 2019. 144 с.
8. Бударина С.В. Роль регламента в правовом регулировании парламентских процедур // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2007. Том 149, кн. 6. С. 117-121.
9. Королева И.Н. Парламентский регламент как правовая форма регулирования порядка деятельности представительного органа государственной власти: российская и зарубежные модели: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

Безуглая Анна Артуровна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,

кандидат юридических наук, доцент

Михайлова Александра Дмитриевна,

студентка юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ 2020 КАК «ОЛИМП» ДЛЯ ВОСХОЖДЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Аннотация. В данной статье проведен разбор конституционных положений, связанных с институтом местного самоуправления в России. В ходе исследования было отмечено, что внесенные изменения в текст Базового закона, с одной стороны, содержат «намек» на посягательство автономности органов муниципальной власти, с другой, – довольно органично вписываются в концепцию «единой системы публичной власти», организация которой входит в предмет ведения Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция, единая система публичной власти, органы местного самоуправления, муниципальная власть, самостоятельность органов местного самоуправления.

«...человеческие проекты, целевые программы создаются, как известно, ради определенных социальных потребностей и интересов. Образ правопорядка, спроектированный для будущего, формируется на базе знаний, отражающих динамику разнообразных потребностей и интересов, находящихся в области объективно-субъективного бытия, а также на основе чисто субъективных замыслов, желаний, намерений и иных волевых устремле-

ний, которые во многом определяют нормотворческий процесс...» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 28).

Будучи видом публичной власти органы местного самоуправления предстают в качестве не только властной структуры, но и наиболее близкого «представителя от государства» в диалоге с населением. Не секрет, что органы муниципальной власти – это не только комфортная площадка для дискуссий с населением муниципального образования, но и «простор» для реализации различных форм непосредственной демократии.

Согласно конституционным установлениям [1], муниципальная власть (в лице своих органов) наделяется широким кругом полномочий, которые ограничиваются пределами муниципального образования. При этом следует подчеркнуть, что в ч. 2 ст. 132 Базового закона закрепляется положение о возможном делегировании местным органам власти государственных полномочий (при условии их финансового сопровождения).

Как известно, конституционные изменения 2020 года привнесли в текст Базового закона новую категорию «публичная власть», что, безусловно, сказалось и на положении органов местного самоуправления, которые долгое время находились не имели определенного места в системе органов власти в России [2]. При этом нельзя не отметить, что приращение, с одной стороны, статусных характеристик, возможно отразилось на аккумуляции/снижении уровня самостоятельности органов местного самоуправления. Такой вывод основывается, прежде всего, на конституционных положениях п. «г» ст. 71, закрепляющих за федеральными органами власти прерогативу по «организации публичной власти», и ч. 1¹ ст. 131, предоставляющих органам государственной власти кадровые полномочия по формированию «органов местного самоуправления».

По поводу первого конституционного положения авторы отмечают, что такой подход законодателя связан с тем, что «Принципы функционирования публичной власти должны быть едиными на всей территории государства, именно поэтому перечисленные вопросы находятся в ведении федерального центра» [3, с. 173]. По поводу второго – ученые утверждают, что «Государство задействовано в определении организационных основ местной власти во многих государствах», ссылаясь при этом на положения Европейской хартии местного самоуправления и решения ЕСПЧ (полагаем, что решения данного органа не стоит сейчас приводить в качестве аргументов (используемый нами комментарий был написан до момента денонсации ряда европейских соглашений), поскольку неизвестно как было бы принято решение, если бы стороной выступала Российская Федерация) [3, с. 339]. Все

же полагаем возможным заключить, что «новые» конституционные положения относительно органов местного самоуправления довольно органично вписываются в концепцию «единой системы публичной власти», но не без «флера посягательства» на конституированную самостоятельность муниципальной власти.

Конституционные поправки имманентно повлекли за собой ряд законодательных изменений, в том числе принятие новых федеральных законов. В частности, речь идет о Федеральном законе «Об общих принципах публичной власти в субъектах Российской Федерации» [4], принятом в конце 2021 года.

Согласно п. 69 ст. 44 указанного акта к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относится «решение ... правового регулирования вопросов организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, ... установления и изменения границ муниципальных образований, наделения муниципальных образований» различным статусом, «преобразования муниципальных образований». Положения данного Федерального закона коррелируют с нормами специального закона в сфере местного самоуправления – Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5].

Отметим, что Федеральный закон № 131 структурировал полномочия в отдельную 3 Главу. Анализ законодательных полномочий, проведенный Комитетом Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению, явил, что вопросы местного значения можно классифицировать на 3 группы:

- в пределах вопросов местного значения;
- «не относящиеся к вопросам местного значения»;
- вне пределов вопросов местного значения [6].

В ходе работы Комитетом было установлено, «что 178 отраслевых федеральных законов содержат положения, определяющие 1766 полномочий и прав органов местного самоуправления. Из них 160 отраслевых федеральных законов содержат как полномочия по решению вопросов местного значения, так и полномочия и права за пределами вопросов местного значения, 18 отраслевых федеральных законов содержат только полномочия и права за пределами вопросов местного значения» [6]. Проведенный анализ позволяет заключить, что органы местного самоуправления обладают особым положением в системе органов публичной власти (этот вывод складывается на основе приведенного количества федеральных законов, регулирующих вопросы в сфере местного самоуправления).

Обобщая сказанное, отметим, что несмотря на имеющуюся «тенденцию» в научном сообществе относительно критики «самостоятельности органов местного самоуправления» (особо активно развивающуюся после конституционных изменений) [7; 8], позволим себе заявить о непосягаемости (по крайней мере открытой) на институт автономии исследуемых органов власти. Данный вывод основывается, прежде всего, на конституционных положениях о *единой* системе публичной власти, которая по замыслу законодателя (хочется в это верить) выступает новой парадигмой в деятельности всех органов государства; прочной основой для налаживания коммуникативных связей между уровнями власти с целью повышения эффективности их работы и «уровня доверия населения» [9]; ориентиром для четкого распределения полномочий между всеми органами публичной власти в целях недопущения вмешательства в дискреционную сферу деятельности. Надеемся, что избранный подход федерального законодателя в будущем повысит качество работы как органов публичной власти в целом, так и органов местного самоуправления в частности, которые действуют, прежде всего, во благо Человека.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.
2. Тонков Е.Е., Нифанов А.Н. Публичная власть в Российской Федерации: конституционный импульс осмысления // Управление городом: теория и практика. 2020. № 3 (37). С. 80–85.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (коллектив авторов; с обращением к читателям Президента Российской Федерации В.В. Путина; под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой). «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. 386 с.
4. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Феде-

рации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

6. Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению. Сайт. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Polnomochiya-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 11.04.2023).

7. Джамалудинова М.Ю., Садрудинова Р.Н., Минатуллаева М.Р. Федеральное законодательство о местном самоуправлении: история развития, современное состояние и проблемы // Журнал прикладных исследований. 2021. № 5. С. 147–151.

8. Иванов О.Б. Местное самоуправление после принятия поправок к Конституции Российской Федерации: перспективы развития, правовое регулирование // Власть. 2021. № 2. С. 118–122.

9. Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. Сайт. URL: <http://region.council.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2023).

Дегтярев Михаил Владимирович,

кандидат юридических наук,

докторант кафедры административного права и

процесса Московского государственного

юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

(Хабаровск, Россия)

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ОТРАСЛИ ТЕХНОЛОГИЙ LEGALTECH

Аннотация. В статье на основе анализа научных источников и широкого спектра судебной практики осуществлена оценка потенциала отрасли технологий LegalTech. Сделаны выводы относительно детерминантов объективно и подтверждаемо высокого положительного и весьма перспективного потенциала отрасли технологий LegalTech.

Ключевые слова: право, правовое моделирование, отрасль технологий LegalTech, правосудие, конституционный суд

«Объект и объективная реальность лежат в начале конструирования образа порядка, на них он ориентирован, к ним возвращается на финальной стадии регулирования, в сфере реализации нормативных требований к поведению людей. Поскольку этот образ проецируется в будущее, предназначен к тому, чтобы наложиться на развивающиеся общественные отношения в регулируемой сфере, он должен быть развёрнут как программа или проект

порядка, в осуществлении которого люди заинтересованы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. – 800 с. – С. 28).

Вопрос о будущем права и в праве и о путях его (будущего) осмысления и воплощения весьма сложен.

Речь идёт о форме, содержании, месте, значении и онтологии того проектируемого (посредством так называемых самореализующихся прогнозов [1] и активного правового моделирования будущего [2]) публично-правового и в целом правового порядка, внутренне дифференцированного и иерархизированного (хотя бы, и на принципах децентрализованности или распределённости), получившего устойчивые вполне определённые формы и предиктивно-спроецированного на будущее [3, с. 28], чтобы воплотить законные публичные интересы, а равно связанные с ними социальные ожидания [4], запросы и требования.

Власенко Н.А. задаётся вопросом: «какой критерий или принцип должен лежать в основе развития отечественной государственности, правовой системы и юридической науки?», утверждая, что «ответ на этот вопрос достаточно прост – разум. Такой критерий, как разум, есть оценка жизнеспособности и действенности государственно-правового механизма. Разумное право и разумное государство – вот флаг и русло направленности динамики современного российского права и государственности. Разум является «поставщиком» содержания права, и в этом случае право может быть востребованным и эффективным, а мы можем говорить о силе права, его разумности. И наоборот, слабый разум, или попросту неразумность, ведут к слабости права и бессилию государства, которое (неразумно устроенное) порождает слабое право и разрушает его; слабое право по содержанию и техническим параметрам (неразумно созданное) разрушает государство, отдаёт себя в руки стихии и хаоса» [5, с. 37].

Одним из референтных тематических горизонтов является тематика LegalTech.

Лексической конструкцией «лигэлтек» (англ. – «LegalTech», аббревиатура от «Legal Technology») описывают применение новых нормопроектировочных и нормопроизводственных (норморайтерских), регуляторных, нормореализационных, нормоценочных и вспомогательных юридико-аналитических технологий [6, 7] в регуляторном универсуме.

Согласно Кристофу Дюбуа, за последние несколько лет учёные, юристы и консультанты опубликовали множество книг, докладов и статей о LegalTech, LawTech и e-Law. Неологизм LegalTech предпочтительнее других синонимов, поскольку он обозначает сочетание уже существующих юриди-

ческих услуг (например, связь с юристами, помощь в составлении юридических документов, поддержка бизнес-процессов, управление информацией и т.д.) и цифровых технологий, таких как машинное обучение, автоматизированная обработка языка, блокчейн, анализ юридических исследований, количественная оценка и визуализация судебных опасностей, а также чат-боты. Если это понятие часто используется как существительное во множественном числе – "LegalTechs" – относящееся к разнородным вещам, таким как платформы, стартапы, программное обеспечение или приложения, то здесь оно используется как прилагательное, определяющее некоторые конкретные проекты, целью которых является предоставление юридических услуг [8, р. 68].

В технологии LegalTech заложено применение как для выполнения задач, которые до недавнего времени выполнялись юристами или вспомогательным персоналом юридических фирм (а в рамках этих технологий они отданы машинным, компьютерно-программным ресурсам), так и для выполнения задач на онтологически более высоком уровне публично-правового регулирования, ранее не решавшихся или решавшихся с непозволительными для сегодняшнего и завтрашнего дня медлительностью и низкой прецизионностью (точностью) регуляторного воздействия.

Как пишет Эстер Сальмерон-Манзано, хотя концепты LegalTech могут показаться сравнительно недавними, это не так, и уже в 1873 году Шепард разработал индекс юридического цитирования в привязке к кодификации, которая применялась к федеральным судебным решениям в США, что явилось существенно важной предпосылкой признания важности цитирования вообще в библиометрии и признания влияния научных правовых доктрин. Ещё одним характерным примером того, как юридические службы выступают первопроходцами в сфере систем библиометрии, явилась база данных WestLaw, основанная в начале 1970-х годов и приобретённая в 1996 году Thomson Corporation (ныне – Thomson Reuters), владеющая индексом и системой «Web of Science» (WoS). В начале 1970-х годов компания Lexis Nexis (США) выступила первопроходцем в предоставлении компьютерных услуг в сфере юридических исследований, представив впервые специализированный терминал (с телефонным номеронабирателем), обеспечивавший соединение некоторого числа юридических фирм (способных позволить себе эту роскошь) с базами данных по праву и судебной практике ряда библиотек США и предлагавший полнотекстовый поиск по прецедентному праву поначалу штата Огайо и штата Нью-Йорк. За последние 40 лет в юридических технологиях был достигнут значительный прогресс, и концепция технологии, применяемая к поставке или бизнесу юридических услуг, безусловно,

стала более популярной с 2008 года. Фактически, ландшафт LegalTech стал настолько большим и обширным, что в этой сфере появились конкурирующие концепции (например, LawTech). Сегодня в рамках реализации LegalTech выделяют 6 направлений – связанных с правовой информатикой, правосудием, юридической профессией, юридическим дизайном, функционированием юридических фирм и юридическим образованием, отрывающих инновационные возможности в регуляторном универсуме, стимулирующих технологические инновации в праве и правовой работе, обеспечивающих более широкий доступ к юридическим услугам, даже пытаюсь достичь цели всеобщего доступа к правосудию [9, р. 1-2].

Согласно нашему (ранее уже опубликованному) авторскому концепту, инновационные регуляторные технологии и инструментари (Legal Tech) представляют собой совокупность масштабируемых (от точечных корректировок до массивных преобразований), операционабельных индивидуализированно сформированных и итеративно-адаптируемых технологий и инструментов проектирования, производства, оценки, валидации, оперирования и доработки нормативных онтологических единиц и комплексов (норм и их групп, нормативных режимов и актов, групп актов) как правового, так и экстра-правового, и гибридного регулирования, создаваемых и реализуемых в целях:

- конструирования систематически корректируемой и реадаптируемой казуально-проектируемой регуляторной среды;

- обеспечения высоких гибкости, адаптированности (адаптируемости), операционабельности регулирования, обеспечение оперативности его релевантных реадаптации, перенастройки и корректирования, с минимизацией финансово-экономических и временных затрат на норморайтерско-проектировочный и нормотворчески-производственный процесс;

- обеспечения высокоскоростных (и при этом релевантных и адекватных) экспериментальных, активно-моделирующих (в том числе цифровых) и иных тестирований (апробаций) готовых прототипов (комплексных решений) регуляторных режимов или экспериментальных разработок проектируемых регуляторных режимов и их запуска в расчётные форматы и размерности;

- упрощения и упраздняющего (или трансформирующего) «прореживания» (в том числе пакетированного) массивов нормативно-правовых актов, продолжение регуляторного существования которых не имеет необходимых и достаточных оснований и обоснований с точки зрения законности, разумной рациональности, публичных интересов, ожиданий и запросов в сфере экономики, социальной жизни и др.

Но возникает вопрос о том, как, каким образом оценивать (и развивать технологии и инструменты оценки в будущем) потенциала отрасли технологий Legal Tech?

Проблема в том, что, по словам Кристофа Дюбуа, почти нет исследований, содержащих эмпирически обоснованный анализа таких проектов, многие вопросы оставлены без ответа. Кто эти предприимчивые юристы, которые больше не ждут ничего от традиционных институтов, а полагаются на технологии и индивидуальное творчество, чтобы оптимизировать свои организационные процессы, повысить эффективность, блеснуть на рынке и стать героями своей собственной истории? Как и зачем они проектируют и развивают проекты LegalTech? Как они бросают вызов юридической профессии? [8, p. 68, 69]

Проекты LegalTech способствуют развитию профессиональных знаний и (все более автоматизированной) практики юристов, требуя от них новых технологических навыков и делая (онлайн) юридическую информацию более доступной (быстрее, дешевле и понятнее) для их клиентов [8, p. 79], но более всего они представляют интерес в рамках развития пласта инновационных публично-правовых режимов, предопределяющих будущее нашей страны и мира в современных и прогнозируемых более чем непростых условиях.

Особенно это важно откликаясь на современные достижения научного направления девиантологии государственного управления и регулирования [10, 11, 12, 13, 14].

Мы полагаем, что высокий положительный и весьма перспективный потенциал отрасли технологий LegalTech предопределён следующими присущими LegalTech свойствами (детерминантами), изначально заложенными:

– лёгкая стыкуемость с технологиями машинной (компьютерно-программной) аналитики [15], как следствие подверженность проверкам точными вычислительными инструментариями (посредством цифрового твин-моделирования, юридических кибер-мета-вселенных [16, 17] и др.);

– регуляторная гибкость и итеративная адаптируемость, масштабируемая модулируемая презюмируемость возможностей оперативной перенастройки и переструктурирования по модальностям регуляторного воздействия под конкретные цели, задачи, условия, обеспечение, вызовы, ограничения;

– презюмируемость возможностей «тонкой» настройки и аранжировки по мерам регуляторного воздействия (жесткость, глубина регуляторного воздействия, интенсивность/плотность урегулирования, диспозитивность/императивность урегулирования и т.д.);

– достаточная редуцированность субъективного фактора в законотворчестве.

Эти выводы были нами сделаны на основе производившихся нами в течение нескольких лет теоретических и прикладных научных исследований.

Однако для верификации и валидации полученных данных нами была поведена дополнительная проверка на основе целевого исследования судебных практик целого ряда национальных высших судебных инстанций (с выборочным выявлением и обследованием, понятно, что в некоторых разумных пределах, в районе 10–30 судебных решений по каждой позиции, по возможности), в их числе следующих: Верховный суд Австралии [18]; Верховный суд Аргентины [19]; Федеральный верховный суд Бразилии [20]; Федеральный Конституционный суд Федеративной Республики Германии [21]; Верховный суд Королевства Дании [22]; Верховный суд Государства Израиль [23]; Верховный суд Ирландии [24]; Верховный Суд Исландии [25]; Конституционный суд Королевства Испании [26]; Конституционный суд Итальянской Республики [27]; Верховный суд Канады [28]; Конституционный Суд Республики Кореи [29]; Верховный суд Нации Мексиканских Соединённых Штатов [30]; Верховный Суд Королевства Нидерландов [31]; Верховный суд Новой Зеландии [32]; Верховный суд Норвегии [33]; Конституционный суд Португалии [34]; Верховный суд Сингапура [35]; Верховный суд Соединённого Королевства и Северной Ирландии [36]; Верховный суд США [37]; Конституционный совет Франции [38]; Федеральный суд Швейцарии [39]; Верховный Суд Японии [40].

Это в дополнение к ранее исследованным нами массивам практики Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

Исследованная (референтная нашим научным изысканиям) судебная практика, по большей части касавшаяся компетенции (и пределов компетенции) тех или иных органов, ветвей или уровней публичной власти задействовать нетипичные (инновационные для повторяющегося применения или разово-казуально проектируемые) регуляторные подходы и технологии, задействования в обеспечение этого машинных (компьютерно-программных) ресурсов, а также вопросов регуляторного экспериментирования, – в целом подтвердила ряд наших научных гипотез, в том числе и приведённые выше выводы относительно детерминантов объективно и подтверждаемо высокого положительного и весьма перспективного потенциала отрасли технологий LegalTech.

Список литературы

1. Понкин И.В. Понятие предиктивной прикладной аналитики и значение профессиональной подготовки в ней // Ветеранские вести. 2023, 23 января.
2. Дегтярев М.В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы / Под ред. И.В. Понкина / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Буки Веди, 2022. – 424 с.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. – 800 с.
4. Аристов Е.В. Социальность государства. Опыт конституционно-правового обеспечения. – М.: Юнити-Дана, 2019. – 383 с.
5. Власенко Н.А. Разумность и определённость в правовом регулировании. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Инфра-М, 2014. – 157 с. – С. 37.
6. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 3-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2022. – 754 с. <<https://state-religion.ru/index.php?p=post&id=74>>.
7. Понкин И.В. Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2022. – 106 с. 6,7 п.л. <https://moscou-ecole.ru/ponkin_milit_ai/>.
8. Dubois C. How do lawyers engineer and develop Legaltech projects? A story of opportunities, platforms, creative rationalities, and strategies [Как юристы разрабатывают и разрабатывают проекты LegalTech? История возможностей, платформ, творческих рациональностей и стратегий] // Law, Technology and Humans. 2021. Vol. 3. № 1. P. 68-81.
9. Salmerón-Manzano E. Legaltech and Lawtech: Global Perspectives, Challenges, and Opportunities [Legaltech и Lawtech: Глобальные перспективы, вызовы и возможности] // Laws. 2021. Vol. 10. № 2. P. 1-9.
10. Понкин И.В. Девиантология государственного управления. – М.: Инфра-М, 2023. 301 с.
11. Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределённости, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении / ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ / Предисловие А.Б. Зеленцова. – М.: Буки Веди, 2016. 250 с.
12. Кожокарь И.П. Дефекты нормативно-правового регулирования. – М.: Проспект, 2019. 296 с.
13. Кожокарь И.П. Основы теории цивилистической дефектологии. – М.: Проспект, 2017. 392 с.

14. Аристов Е.В. Новые регламентарные технологии и прочие предвестники права будущего // *Ex Jure*. 2022. № 2. С. 8-18.
15. Понкин И.В. Машинная правовая аналитика: понятие, онтология и значение для правовой деятельности // *Государственная служба*. 2022. Т. 24. № 6. С. 40–46.
16. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВІМ) в праве // *Государственная служба*. 2020. Т. 22. № 2. С. 64–69.
17. Понкин И.В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // *International Journal of Open Information Technologies*. 2023. Vol. 11. № 1. С. 118–127.
18. High Court of Australia // <<https://www.hcourt.gov.au>>.
19. Corte Suprema de Justicia de la Nación // <<https://www.csjn.gov.ar>>.
20. Supremo Tribunal Federal // <<https://portal.stf.jus.br>>.
21. Bundesverfassungsgericht // <<https://www.bundesverfassungsgericht.de>>.
22. Danmarks Domstole, Højesteret // <<http://www.domstol.dk>>.
23. בית העליון המשפט בישראל // <<http://www.court.gov.il>>.
24. Supreme Court // <<http://www.supremecourt.ie>>.
25. Hæstiréttur Íslands // <<http://www.haestirettur.is>>.
26. Tribunal Constitucional de España // <<http://www.tribunalconstitucional.es>>.
27. Corte costituzionale della Repubblica Italiana // <<https://www.cortecostituzionale.it>>.
28. Supreme Court of Canada // <<https://www.scc-csc.ca>>.
29. Constitutional Court of Korea // <<https://english.ccourt.go.kr/site/eng/main.do>>.
30. Supreme Court of Justice of the Nation // <<https://www.scjn.gob.mx>>.
31. Rechtspraak // <<https://www.rechtspraak.nl>>.
32. Supreme Court of New Zealand // <<https://www.courtsofnz.govt.nz/the-courts/supreme-court/>>.
33. Norges domstole // <<https://www.domstol.no>>.
34. Constitutional Court (Tribunal Constitucional) // <<http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/home.html>>.
35. Supreme Court of Singapore // <<https://www.judiciary.gov.sg>>.
36. The Supreme Court // <<https://www.supremecourt.uk>>.
37. Supreme Court of the United States // <<http://www.supremecourtus.gov>>.
38. Conseil constitutionnel // <<http://www.conseil-constitutionnel.fr>>.
39. Tribunal fédéral // <<https://www.bger.ch/fr/index.htm>>.
40. Supreme Court // <<https://www.courts.go.jp/english/index.html>>.

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: О СТАТУСЕ И ФОРМЕ

Аннотация. В статье обсуждаются проблемные вопросы применения и реализации программно-стратегических документов (концепций, стратегий, доктрин, принципов, планов и др.), издаваемых органами публичной власти и получивших широкое распространение в последние годы. Делается вывод, что точное определение места документов стратегического планирования в системе нормативных правовых актов России и устранение законодателем недостатков и пробелов, содержащихся в правовом регулировании данного вопроса с учетом научных разработок и мнения специалистов, будет способствовать эффективной реализации государственной правовой политики.

Ключевые слова: документы стратегического планирования, нетипичные правовые акты, доктринальные правовые акты программные правовые акты

«Провозглашая цели, намечая программу развития государства политический режим (государственная власть) дает важную информацию о себе, заявляет о своих ценностях и приоритетах, показывает народу куда он ведет гражданское общество» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. М. Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 696).

Конституция Российской Федерации в своем тексте содержит наименования правовых актов как вполне определенного статуса, например, законы (федеральный конституционный закон, федеральный закон, закон субъекта Российской Федерации и др.), подзаконные акты (указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и др.), так и иные, скажем так, нетипичные акты – федеральная программа (ч. 2 ст. 41, п. «е» ст. 71), послание Президента Российской Федерации (п. «е» ст. 84, ч. 3 ст. 100), поручение Президента Российской Федерации (ст. 113).

В структуре правового массива современной России «нетипичных» актов – значительное количество. Они в подавляющем большинстве не включают в себя традиционных правовых предписаний (норм – правил поведения [1, с. 646]). Содержательно данные документы «не предоставляют субъективных прав, не налагают юридических обязанностей и не определяют мер юридической ответственности; они не изменяют правового статуса субъектов и не являются основанием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений...» [2, с. 8]. Органы публичной власти, разрабатывая и принимая подобные акты, очерчивают круг проблем в определенной сфере жизни общества, формулируют задачи правового регулирования в рассматриваемой области, концентрируют фокус внимания на перспективных направлениях развития и намечают мероприятия необходимые для реализации поставленных задач и решения существующих вопросов и проблем.

Сегодня в практической деятельности российских публичных органов власти кроме нормативных правовых актов, общая характеристика и иерархия (за основу критерия взята юридическая сила) которых представлена на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания России [3] (ввиду отсутствия федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации»), можно встретить следующие виды документов: концепции [4, 5], стратегии [6, 7, 8], доктрины [9, 10], основы государственной политики [11, 12], программы [13, 14], принципы [15], планы [16, 17] и др.

Очень точно подмечено А.В. Малько и Я.В. Гайворонской, что «данная группа актов не имеет ни в науке, ни в законодательстве устоявшегося общепринятого наименования» [2, с. 11]. Хотя принятый в 2014 г. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [18] несколько прояснил ситуацию с законодательной дефиницией и перечнем документов стратегического планирования для федерального, регионального и муниципального уровней, но остались определённые пробелы и дефекты правового регулирования данного вопроса. Например, ст. 3 этого законодательного акта не предлагает легального определения понятия «доктрины», однако этот термин включен в п. «в» ч. 3 ст. 11, перечисляющий документы стратегического планирования, разрабатываемые на федеральном уровне. Отсутствует среди перечня документов стратегического планирования такой правовой акт как «концепция», тем не менее органы государственной власти разрабатывают и продолжают принимать их, например, «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229) [4], «Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» (утв. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 24 апреля 2018 г. № 186) [5] и др.

На официальном сайте Правительства России среди курируемых федеральной исполнительной властью стратегий и государственных программ присутствуют также национальные проекты по 12 направлениям стратегического развития (интернет-портал Национальные проекты. РФ) [19], которые разработаны и реализуются во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [20]. В научной литературе отмечается «неопределённость места национальных проектов в системе стратегического планирования. Не ясно, следует ли рассматривать эти проекты как полную или частичную альтернативу обозначенным в законе документам стратегического планирования...», нет четкой «корреляции между национальными проектами и государственными программами», а отсутствие национальных проектов в законодательной системе стратегического планирования не позволяет их логически увязать с другими документами, указанными в законе [21, с. 51].

Параллельно в фокусе научных дискуссий находится и вопрос о правовой природе таких документов. Власенко В.А., анализируя негативные тенденции в правовой системе России, пишет, что «в настоящее время в нормативно-правовом массиве действует немало документов с не вполне определённым статусом. Однозначно затруднительно определить юридическую природу программно-целевых актов (Концепции, Программы и др.) несмотря на то, что они исходят от органов государственной власти» [22, с. 42-43].

А.В. Малько и Я.В. Гайворонская относят концепции, доктрины, программы, прогнозы развития к «нетипичным» правовым актам, которые выступают инструментами правовой политики [2]. Аргументацией правовой природы таких документов являются следующие доводы: базой их принятия является законодательство; «издаются они в пределах компетенции государственных органов, в них выражаются функции этих органов»; «повышенную значимость» таким актам придает статус издавших их государственных органов; хотя и «невнятно без обеспечения юридическими механизмами, но закреплена ответственность должностных лиц за неисполнение мер, предусмотренных документами стратегического планирования» [2, с. 9, 21]. Авторы предлагают формулировку «доктринальные правовые акты», которые помимо актов стратегического планирования, указанных в законе и ограниченных сферой социально-экономического развития, будут включать иные документы (концепции, доктрины, основы государственной политики, принципы и т.д.), действующие в сферах образования, культуры, науки, экологии, дипломатии и др. [2, с. 22].

Существует несколько научных точек зрения относительно правовой природы документов стратегического планирования. Так, одни авторы считают, что такие акты «образуют самостоятельный источник права, который может быть назван политико-программным документом, имеющим доктринальный характер» [23, с. 491]; являясь «источником права в материальном смысле, они воплощаются в других элементах правовой системы», а в «необходимых случаях ... могут сыграть роль источника права в формально-юридическом смысле» [24].

Согласно другой точке зрения, поскольку документы стратегического планирования не содержат «конкретных нормативных предписаний (запретов, дозволений, обязываний), то «они не могут быть отнесены в чистом виде ни к нормативным, ни к ненормативным правовым актам», но они способствуют совершенствованию правовой системы, являясь «основой для мероприятий по модернизации российского законодательства» [25].

Поддерживаем точку зрения А.В. Малько и Я.В. Гайворонской, признающих правовой характер таких документов, потому что правовая политика может выражаться в «актах мягкого права», находящих воплощение в концепциях, доктринах, стратегиях, принципах и др. Причину их наличия в структуре правового массива сформулировал еще Г.В. Мальцев: «существование различных нормативных структур (норм-правил поведения, норм-принципов, норм-деклараций, норм-целей и др.)» синхронно действующих в единой правовой системе говорит «о назревшей осознаваемой модернизации способов действия норм права, переходе от излишне жестких к гибким методам регулирования общественных отношений» [1, с. 661].

Обостряет вопросы статуса «нетипичных» правовых актов органов публичной власти отсутствие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в котором должны быть формализованы подобные документы. Законопроект «закона о законах» 1996 г., отклоненный и снятый с рассмотрения Государственной Думой в 2004 г., не содержал в своей структуре указания на данные акты и на их место в нормативно-правовой системе государства [26].

Инициативный проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», предложенный Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2013 г., в ст. 10 определял юридическую природу программных правовых актов, к которым отнесены: программы, концепции и стратегии [27, с. 15]. Кроме того, разработчики упоминали о планах и программах социально-экономического развития, при подготовке которых должны использоваться юридические прогнозы (ч. 5 ст. 27).

В проекте закона 2021 г., который разработан учеными этого же института, предложена дефиниция «программных правовых актов», под которыми понимаются «документы программно-целевого характера, отражающие основные направления развития определенных сфер общественных отношений» [28]. Пункт 2 ст. 9 законопроекта перечисляет виды таких актов: «доктрины, стратегии, концепции, программы и планы органов публичной власти, ответственных за состояние и развитие соответствующих отраслей или сфер государственного управления в пределах компетенции». Полагаем, важным дополнением, предложенным разработчиками, является указание на юридическую силу таких документов, приравнивая ее к юридической силе нормативного правового акта, которыми они утверждены (указ, постановление и др.). Считаем, что фиксация нормативной составляющей таких актов, аннулирует научные дискуссии о правовой природе документов стратегического планирования.

Таким образом, в нормативно-правовой системе России юридическая природа и положение доктринальных, программных, стратегических и иных правовых актов органов публичной власти определены нечетко и неоднозначно. Несмотря на наличие законодательного определения (документы стратегического планирования) в научной литературе продолжают дискуссии относительно формулировки термина, который бы точно характеризовал и включал в себя всю совокупность таких документов (посланий, концепций, стратегий, доктрин, принципов, планов и др.). Специального изучения и оценки ученых-юристов и практиков требует еще целый пласт нерешенных вопросов, связанных с отсутствием единообразия в практике создания и использования таких документов, их систематизацией и корреляций относительно друг друга, технико-юридической характеристикой таких документов и др.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. 800 с.
2. Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4-25.
3. Что такое нормативный правовой акт / Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ; <http://duma.gov.ru/news/51913/> (дата обращения: 12.04.2023)
4. Указ Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» / Официальный сайт Министер-

ства иностранных дел РФ; https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents; (дата обращения: 12.04.2023)

5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.04.2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины»/ Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ; <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71847662/>; (дата обращения: 12.04.2023)

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/ Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ; https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948; (дата обращения: 12.04.2023)

7. Указ Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254 «Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» / <https://docs.cntd.ru/document/554815875>; (дата обращения: 12.04.2023)

8. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г.» / Официальный сайт Министерства экономического развития РФ; https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/; (дата обращения: 12.04.2023)

9. Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»/ Официальный сайт Президента РФ; <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>; (дата обращения: 12.04.2023)

10. Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 51. Ст. 6305

11. Указ Президента РФ от 20.12.2016 г. № 696 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года» / Официальный сайт Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; <https://mchs.gov.ru/dokumenty/ukazy-prezidenta-rf/458>; (дата обращения: 12.04.2023)

12. Указ Президента РФ 16.01.2017 г. № 13 «Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.» / Официальный сайт Министерства экономического развития РФ; <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201701160039.pdf>; (дата обращения: 12.04.2023)

13. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 303 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие авиаци-

- онной промышленности на 2013-2025 годы»/ Портал государственных программ РФ; <https://programs.gov.ru/Portal/home> (дата обращения: 15.04.2023)
14. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. №1640 «Развитие здравоохранения» / Портал государственных программ РФ; <https://programs.gov.ru/Portal/home> (дата обращения: 15.04.2023)
15. Приказ Федерального фонда ОМС от 07.04.2011 г. № 79 (с изм. от 16.11.2021 г.) «Об утверждении Общих принципов построения и функционирования информационных систем и порядка информационного взаимодействия в сфере обязательного медицинского страхования» / Текст приказа официально опубликован не был; <https://base.garant.ru/12185053/>(дата обращения: 15.04.2023)
16. Распоряжение Правительства РФ 02.09.2021 г. № 2424-р (с изм. от 20.01.2023 г.) «Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы»/ Официальный сайт ФАС; https://plan.fas.gov.ru/pages/national_plan/(дата обращения: 15.04.2023)
17. Распоряжение Правительства РФ 24.12.2021 г. № 3807-р «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года»/ Текст план опубликован не был; <https://base.garant.ru/402929258/> (дата обращения: 15.04.2023)
18. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). ст. 3378; 2023. № 8. Ст. 1206.
19. Официальный сайт Правительства России; <http://government.ru/>; (дата обращения: 17.04.2023)
20. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
21. Бухвальд Е.М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2(132). С. 50-54.
22. Власенко В.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 40-45.
23. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 491-492.
24. Мадаев Е.О. Место и роль правовой доктрины в правовой системе Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2. С. 194-195.

25. Ладейнова О.С. Правовая природа программно-стратегических документов // Образование и право. 2019. № 3. С. 19-24.
26. Проект Федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» (ред., принятая Государственной Думой РФ в первом чтении 11.11.1996 г.) / Система обеспечения законодательной деятельности;
<file:///C:/Users/User/Desktop/8D36F6678840F101432571BB00563E9.html> (дата обращения: 17.04.2023).
27. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. 70 с.
28. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.

Гелуненко Валерия Вадимовна,
ассистент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ГАРАНТИИ: ПОНЯТИЙНЫЙ ОБЛИК

Аннотация: В статье автором анализируются представленные в правовой доктрине подходы истолкования «гарантий». Отсутствие в юриспруденции единого определения понятия «гарантии» поддерживают научный интерес к в принципе хорошо разработанному феномену «гарантии».

Ключевые слова: гарантии, конституционные гарантии, обеспечение, ручательство, поручительство, охрана, защита, механизм, процедура.

«Юридические гарантии создаются не под норму либо закон, а под институт, за которым стоит некое множество норм и нормативных актов. Органы учреждаются, организации создаются не ради отдельных норм и законов, а для реализации института или нескольких институтов, преследующих единые либо близкие цели». (Г.В. Мальцев. Социальные основания права. М., 2011. С. 436).

Конституция Российской Федерации закрепляет права и свободы человека и гражданина, при этом, на практике они не всегда реализуются по умолчанию и одного лишь закрепления недостаточно, необходимо обеспечить реальную возможность их исполнения посредством гарантий. В Конституции России «гарантии» артикулированы около 27 раз, в том числе в сопряжении с правами и свободами, что в свою очередь усиливает возможность их реализации.

В науке конституционного права гарантиям уделяется достаточное внимание, однако, часто авторы указывают на отсутствие единого подхода. Вместе с тем даже легализация на законодательном уровне данного понятия, что встречается, не избавит от научных дискуссий. Потому как интерпретации и подходы развивают науку. В этой связи интересно проанализировать доктринальные подходы. Но прежде, хотелось бы обратиться к этимологическим и семантическим источникам.

Понятие «гарантия» пришло к нам из французского и немецкого (*garantie*) языков [1]. В словарных источниках гарантия чаще всего определяется как ручательство, поручительство либо обеспечение [2]. Предваряя, отметим, что чаще всего авторы в анализируемом определении используют формулировку «обеспечение», что фактически предполагает создание условий реализации для чего-либо. При этом интересно отметить, что в науке конституционного права часто разводят понятия «гарантии» и «обеспечение».

Продолжая, обозначим, что в учебной литературе чаще всего встречается дефиниция, определяющая гарантии как «совокупность условий, средств и факторов, позитивно влияющих на обеспечение и защиту прав человека» [3].

Похожие трактовки встречаются и в нормативных правовых актах. Например, в Трудовом кодексе Российской Федерации (ст. 164) гарантии определяются как «средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений». В Федеральном законе от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 2) гарантии закреплены в качестве «условий, правил и процедур, обеспечивающих реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Т.е. гарантии определяются как совокупность установленных условий, средств и способов, позитивно влияющих на реализацию прав.

Похожего подхода придерживался и Н.В. Витрук определяющий гарантии как «систему общих условий и специальных (юридических) средств,

которые обеспечивают их правомерную реализацию, а в необходимых случаях и охрану» [4] в отличие от предыдущих определений в данном, помимо реализации и защиты прав, подразумевается и их охрана. Это подчеркивает, что необходимо создать все условия для недопустимости нарушения прав.

Также в научной литературе встречается понятие, «определяющее гарантии, как целую систему социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов» [5, с. 78; 6, с. 221; 7, с. 13].

Мальцев Г.В. под гарантиями понимал «правовые установления материального и процессуального порядка способствующие реализации юридических норм, облегчающие достижение фактов, необходимых для возникновения, изменения и прекращения правоотношений, осуществления прав и исполнения обязанностей участвующих в них лиц» [8, с. 191]. Интересно подчеркнуть, что автор в данном определении рассматривает не только реализацию прав, но и исполнение обязанностей, которые способствуют реализации этих прав и возложены на участников правоотношений. В продолжение можно добавить, что в определении В.И. Фадеева упоминаются управленческие решения, которые направлены на обеспечение прав и свобод личности [9]. Тем самым подчеркивается ответственность публичных структур.

Также интересно рассмотреть понятие С.А. Авакьяна, «который к гарантиям относит процедуры осуществления соответствующих прав и свобод, установление определенной ответственности граждан, их объединений, должностных лиц и государственных органов, органов местного самоуправления за злоупотребление правами и свободами, за их нарушение» [10]. Отличительным является, то, что автор рассматривает гарантии не только посредством осуществления прав, но и посредством ответственности, как граждан, так и органов публичной власти.

Подводя итог, обозначим, что понятие гарантий учеными-правоведами трактуется по-разному. Так, выделим несколько подходов. Например, под гарантиями могут подразумеваться «условия, средства и способы», «целая система условий, средств и способов социально-экономического, политического, нравственного, юридического, организационного характера» или же «правовые установления», с помощью которых могут реализовываться или обеспечиваться права и свободы. Вместе с тем авторы в данное понятие включают защиту, охрану, обязанности и ответственность всех участников правоотношений. Разделяя обозначенные точки зрения, хотелось бы закончить, тем, что должны существовать не только правовые условия, но и

должны быть созданы все необходимые, реально действующие механизмы реализации прав и свобод.

Список литературы:

1. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». Издательство «ЮНБЕС». Москва, 2003 г. 704 с. Сайт. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%8F>
2. Ожегов Сергей Иванович [Электронный ресурс] : Материал из Википедии - свободной энциклопедии : Версия 10326782, сохран. в 16:02 UTC 4 августа 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. Электрон. дан. Сан-Франциско: Фонд Викимедиа. 2008. Сайт. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782>
3. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.Б. Смоленский, М.В. Мархгейм. Ростов н/Д: Феникс. 2007. 445. с.
4. Витрук Н.В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Конституционный статус личности в СССР / редкол.: Н.В. Витрук, В.А. Масленников, Б.Н. Топорнин. М.: Юрид. лит. 1980. С. 195-196.
5. Ковешников Е.М. Российское конституционное право: Учеб. пособие. М.: ИНФРА М. 2002.
6. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997.
7. Халфина Р.О. Право и управление экономикой // Советское государство и право. 1986. № 2.
8. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М. Норма: ИНФРА-М, 2011. 800 с.
9. Конституционное право: учебник для бакалавров /отв. ред. В.И. Фадеев. Москва: Проспект. 2013. 584 с.
10. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян М.: Юстицинформ. 2015. 640 с.

Артыков Джафар Зафаржонович
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Таджикистан)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПОМИЛОВАНИЕ: РАКУРСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ФЕНОМЕНА

Аннотация. В статье на основе анализа конституционных и некоторых иных норм, связанных с помилованием, а также научных версий его определения сделан вывод, что помилование прежде всего представляет собой конституционное право осужденного и конституционную прерогативу Президента России, что применение помилования конкретизируется по кругу ходатайствующих лиц, по процедуре рассмотрения ходатайств и включенных в этот процесс субъектов публичного и непубличного характера. Отмечено, что смысловые нагрузки помилования наряду с милосердием и гуманизмом со стороны государства связываются также с его правозащитным, правокорректирующим и компенсаторным потенциалом.

Ключевые слова: помилование, право осужденного на помилование, прерогатива помилования, президент, права и свобода человека и гражданина.

«Пока жива человеческая совесть и существует моральный долг человека перед человеком, люди всегда будут ощущать моральную обязанность поддерживать друг друга как в обыденной жизни, так и в острых конфликтных обстоятельствах, переносить эту обязанность из области индивидуальных переживаний в общественное сознание, сферу организованной деятельности, возлагать ее на государство, церковь, на различные общественные, коллективные образования» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С.216-217)

Одним из признаков современного государства выступает широкое закрепление и совершенствование механизмов обеспечения прав и свобод че-

ловека и гражданина. Одним из направлений такой формы реализации конституционной обязанности Российского государства является учет особенностей статусов граждан – пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, вынужденные переселенцы и др. На конституционном уровне предусмотрены и специальные приемы – амнистия и помилование, – касающиеся, например, лиц, отступивших от требований уголовного закона. Выделим такой конституционный инструмент, как помилование.

Конституционное право просить о помиловании принадлежит «каждому осужденному за преступление» (ч. 3 ст. 50). Этим подтверждается конституционный императив о высшей ценности человека, его прав и свобод (ст. 2): человека-осужденный не только не утрачивает своего ценностного статуса даже в случае нарушения им уголовного закона, но и наделяется специальным средством его реализации – инициировать отношения по поводу помилования своим обращением с соответствующей просьбой.

Другим конституционным субъектом в отношении помилования выступает Президент Российской Федерации. Именно он в соответствии с п. «в» ст. 89 «осуществляет» помилование. При этом через прерогативу помилования глава Российского государства реализует свой статус гаранта и Конституции России, и прав и свобод человека (ч. 2 ст. 80).

Регулирование отношений по поводу помилования осуществляется не только конституционными положениями, но и иными актами. При отсутствии специального федерального закона о помиловании – и не предусмотрен, и не принят – ключевая роль в регулировании принадлежит подзаконному акту, а именно Указу Президента Российской Федерации от 14 декабря 2020 г. № 787 (ред. от 15 ноября 2021 г.) «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации».

Анализ текста данного акта на предмет использования лексических форм, отражающих функционирование норм, показал следующие варианты сопряжений. Среди них: помилование «осуществляется» и «применяется», надзор «осуществляется», наказание «исполняется».

Здесь полагаем уместным привести слова Г.В. Мальцева, реализация, осуществление, исполнение, соблюдение, применение, неся «специфическую смысловую нагрузку, имеют общее: они показывают право и его нормы «в работе», характеризуют их активность в качестве регулятора общественных отношений» [1, с. 613].

Положение о порядке рассмотрения в нашей стране ходатайств о помиловании, интегрированное в текст вышеназванного Указа Президента Российской Федерации, определило порядок рассмотрения ходатайств о по-

миловании лиц, как осужденных за уголовные преступления, так и отбывших назначенное судом наказание и имеющих неснятую или непогашенную судимость. Установлено, что осуществляется помилование «путем издания указа Президента Российской Федерации о помиловании на основании соответствующего ходатайства осужденного или лица, отбывшего назначенное судом наказание и имеющего неснятую или непогашенную судимость». Из этой формулировки можно предположить, что в отношении по поводу помилования есть только две стороны – ходатайствующий о помиловании и глава Российского государства. И это так, если иметь в виду исключительно конституционно названных субъектов. Однако указанный порядок регулирования рассматриваемых отношений не только расширяет круг «содействующих», но и конкретизирует перечень «ходатайствующих».

Итак, в число ходатайствующих лиц, к которым в России применяется помилование, – по исходному определению это осужденный или лицо, отбывшее назначенное судом наказание и имеющее неснятую или непогашенную судимость – конкретизировано следующим образом: лица, осужденные судами в Российской Федерации к наказаниям, предусмотренным уголовным законом, и отбывающие наказание на территории Российской Федерации; осужденные судами иностранного государства, отбывающие наказание на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на условиях взаимности; освобожденные условно-досрочно, в течение оставшейся неотбытой части наказания; условно осужденные; которым суды Российской Федерации отсрочили отбывание наказания; отбывшие назначенное судами наказание и имеющие неснятую или непогашенную судимость.

Конкретизация круга ходатайствующих о помиловании лиц предполагает и исключения по грифом «как правило». Так, помилование, как правило, не применяется в отношении тех осужденных, которые совершили «умышленное преступление в период назначенного судами испытательного срока условного осуждения»; которые злостно нарушают «установленный порядок отбывания наказания»; которые ранее освобождались от отбывания наказания условно-досрочно; которым ранее производилась замена назначенного судами наказания более мягким наказанием и которые снова совершили преступление; к которым ранее применялись акты об амнистии и (или) акты помилования.

Обращает на себя внимание тот факт, что в России происходит «настройка» механизма помилования, в том числе путем определения круга «содействующих» процессу помилования лиц и органов. Так, первоначально в России таким органом, действовавшим до 2000 г. была Комиссия по поми-

лованию при Президенте Российской Федерации, с 2001 г. – это комиссии по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации. Если при работе первой, когда прошения о помиловании направлялись осужденными прямо в ее адрес, в течение только 2000 г. Указом Президента России было помиловано 12 483 чел. (<https://www.kommersant.ru/doc/288181>), то в период с 2001 г. по 2020 г. – 924 человека [2, с. 515]. То есть за 20 лет число помилованных сократилось в 13,5 раз. Что это означает? Прежде всего то, что во столько же раз снизился для осужденных их ad hoc правозащитный потенциал помилования. Здесь мы употребили предложенный М.В. Мархгейм и поддерживаемый нами подход к определению помилования в качестве права ad hoc [3]. По ее словам, «право на помилование и право амнистии, в отличие от иных конституционных прав могут быть реализованы лицами, преступившим закон: «каждый осужденный», «каждый приговоренный к смертной казни» и т.п., т.е. явно именно «для такого случая» [4, с. 46].

Уточним, что И.Я. Фойницкий, понимая под помилованием «... погашение всего или части наказания волей государственной власти, объявляемой по отношению к данному конкретному случаю...» [5], имел в виду «конкретный» персонифицированный случай, а не категорию прав для «конкретного случая», на чем акцентирует внимание М.В. Мархгейм.

Помилование, судя по тезису А.Ф. Кистяковского, можно расценивать и как компенсаторный правозащитный механизм. Он, в частности, подчеркивал, что «право помилования имеет свой глубокий смысл и свое разумное основание в природе уголовного закона и правосудия. Как бы закон ни был совершенен, он не может объять всех случаев действительной жизни» [6, с. 279].

С точкой зрения Г.Е. Колоколова, помилование решает корректирующую задачу. По его мнению, «Помилование есть акт верховной власти, устанавливающий отмену или смягчение наказания... когда применение наказания представляется не целесообразным, излишним, например, состояние крайней необходимости. Таким образом, в действительной жизни могут быть нередко случаи, где уголовная кара не должна иметь места, а между тем, суд не может устранить ее, не выходя из пределов предоставленной власти, как корректив, восполняющий пробелы уголовного законодательства» [7, с. 352].

Следовательно, смысловые нагрузки помилования не столь очевидны. Их еще предстоит тщательно и глубоко разрабатывать.

В частности, современные вызовы, стоящие перед Россией, дают дополнительные основания для применения помилования. Так, в Указе Прези-

дент Российской Федерации от 14 декабря 2020 года № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» установлено, что при рассмотрении ходатайств о помиловании принимаются во внимание не только данные о личности осужденного, состояние здоровья, количество судимостей, возможность ресоциализации, но и «другие существенные для рассмотрения ходатайства о помиловании обстоятельства». Возможно, такими существенными обстоятельствами выступает готовность «потенциального милуемого» принять участие в СВО в качестве добровольца. Во всяком случае по этому поводу было не мало публикаций, в том числе критического плана. Реагируя на это, пресс-секретарь Президента России Д. Песков отметил, что «помилование заключенных осуществляется в строгом соответствии с законом – когда процедура «начинается в самих местах содержания заключенных, именно документальная, потом на региональном уровне, потом на федеральном уровне, потом финализируется Указом Президента». Он также отметил, что «Существуют указы открытые, существуют указы с различными грифами секретности, поэтому об указах я ничего не могу говорить» [<https://lenta.ru/news/2023/01/27/zakonn/>].

Таким образом, помилование прежде всего представляет собой конституционное право осужденного и конституционную прерогативу Президента Российской Федерации. Применение помилования конкретизируется по кругу ходатайствующих, по процедуре рассмотрения ходатайств и включенных в этот процесс субъектов публичного и непубличного поля.

Смысловые нагрузки помилования связываются с милосердием и гуманизмом со стороны государства, а также с его правозащитным, правокорректирующим и компенсаторным потенциалом.

Исследование помилования с указанных и других позиций позволит углубить и постичь его конституционно-правовое содержание.

Список литературы

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. 800 с.
2. Эпов Ю.А. Некоторые вопросы применения помилования в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 514-520.
3. Мархгейм М.В. Права ad hoc: нюансы конституционной идентификации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4 (143). С. 90-94.
4. Мархгейм М.В. Право на помилование и право на амнистию в конституционном ad hoc ракурсе // В сборнике: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА. десятая Всероссийская научно-практическая конфе-

ренция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 45-49.

5. Амнистия. Помилование. Судимость. / Гришко А.Я. Потапов А.М. – М.: университетская книга: Лотос, 2009. – 272 с.

6. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права / изд. В унив. Тип. Киев. 1875.

7. Колоколов Г.Е. Уголовное право: курс лекций 1894-1895. М. – 1895. 640 с.

Белоусов Николай Васильевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна,

заведующий кафедрой конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВАРИАТИВНЫЙ РАКУРС

Аннотация. В статье представлены результаты анализа современного российского законодательства на предмет легализации в нем многообразия интересов Российского государства.

Ключевые слова: интерес, интересы государства, национальные интересы, экономические интересы государства.

«... существуют социально совместимые индивидуальные, коллективные и групповые интересы, которые дают возможность осуществлять в одном и том же регулятивном акте, решении или действии обширный комплекс интересов. Ясно, что это не простая сумма соответствующих интересов, а их сочетание в определенной мере, которая является правильной в данной конкретной ситуации» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 287)

Интерес обоснованно является основополагающей юридической категорией со времен Рудольфа фон Иеринга, обозначившего «интерес» как социальную основу системы права [1, с. 16].

Ученые-правоведы обращаются к категории интереса, указывая, что «это движущая сила правовой сферы» [2, с. 63]; используется «для обозначения реальных причин общественных индивидуальных действий» [3]; «помогает раскрыть связь между объективными закономерностями и действиями определенных лиц» [4, с. 107-114]; выступает «предпосылкой приобретения, осуществления и защиты права» [5, с. 241] и др.

В юриспруденции не сложилось универсального подхода к пониманию права, но имеющееся многообразие сведено к трем уже традиционным подходам: «1) интерес как субъективная категория (зарождение и формирование интереса в праве у конкретного носителя, независимо или это отдельный индивид, или их объединения, ведь он представляет собой направленность субъекта, стремление к овладению тем или иным благом. Зарождение интереса прослеживается на уровне сознания самим субъектом-носителем); 2) интерес как объективная категория (интересы существуют независимо от сознания их субъектом)» [6, с. 56]; 3) интерес как единство объективного и субъективного подходов.

В рамках данной статьи мы, придерживаясь второго подхода, обратимся к современным легализованным интересам государства, устанавливая их разновидности.

Так, например, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 21 января 2023 г. № 82-р речь идет об интересах Российской Федерации без уточнения их разновидности, но с конкретизацией сферы: государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», публичному акционерному обществу «Промсвязьбанк» поручено представлять в 2023 г. интересы Российской Федерации в судах в качестве агентов Правительства Российской Федерации¹. Далее в распоряжении указан круг вопросов представительства, что сопоставимо с интересами государства.

В постановлении Правительства Российской Федерации от 29 сентября 1998 г. № 1132 использована формулировка интересов государства применительно к конкретной сфере. Документ в числе основных целей деятельности Федерального агентства по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения называет техническое и информационно-аналитическое обеспечение выполнения этой

¹ Распоряжение Правительства РФ от 21.01.2023 г. № 82-р «Об агентах Правительства Российской Федерации, представляющих интересы Российской Федерации в судах» // СЗ РФ. 2023. № 5. Ст. 850.

Федеральной службой полномочий по подтверждению урегулирования вопросов правовой защиты интересов государства в процессе передачи иностранным заказчикам и использования ими результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного назначения, которые содержатся в предусмотренной для передачи продукции военного назначения и права на которые принадлежат Российской Федерации¹.

В аналогичном ключе и формулировки Указа Президента Российской Федерации «О мерах по защите интересов Российской Федерации при осуществлении российскими юридическими лицами внешнеэкономической деятельности»².

Неоднократно в нормативных правовых актах, включая законодательный уровень, легализованы интересы государства в космическом пространстве. Так, в соответствии законом «О космической деятельности» в Российской Федерации исследование и использование космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, являются важнейшими приоритетами государственных интересов³.

В Основных положениях Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу государственные интересы Российской Федерации в данной области представлены шестью пунктами, резюмирующими, что реализация этой разновидности государственных интересов призвана обеспечить поддержание статуса России как одной из ведущих космических держав⁴.

Уточним, что легализация государственных интересов, несмотря на преобладание в нормативных правовых актах, все-таки характерна и для федеральных законов. Здесь уместны примеры гарантий соблюдения прав человека и обеспечения интересов государства при осуществлении миграцион-

¹ Постановление Правительства РФ от 29.09.1998 г. № 132 «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» (ред. от 28.08.2017 г.) // Российская газета. 1998, 6 октября.

² Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ от 19.04.2013 г. № Пр-906) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).

³ Закон РФ от 20.08.1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» (ред. от 13.06.2023 г.) // Российская газета. 1993, 6 октября.

⁴ Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ от 19.04.2013 г. № Пр-906) // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).

ного учета (ст. 5 федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹); запретные для плавания и временно опасные для плавания районы в целях охраны государственных интересов Российской Федерации (ст. 15 федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации»²) и др.

Конечно, ключевой разновидность государственных интересов выступают национальные интересы. В нормативных правовых актах они легализуются в непосредственной формулировке или применительно к конкретной области.

В первом случае согласно п. 25 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются:

1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

¹ Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 27.01.2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.

² Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (ред. от 05.12.2022 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.

8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений¹.

Во втором случае назовем Указ Президента Российской Федерации от 25 августа 2020 г. № 526, учредивший Межведомственную комиссию Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике в целях выполнения возложенных на Совет Безопасности Российской Федерации задач по выработке мер, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в Арктике и социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации, а также по координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при реализации указанных мер².

Осуществленный анализ нормативных правовых актов показал на формализованные экономические интересы государства. К примеру, до 31 декабря 2023 г. включительно утверждены ставки ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации³.

Таким образом, можно резюмировать, что на данный момент в системе нормативных правовых актов Российской Федерации интересы государства легализованы на законодательном и подзаконном уровне; в вариации национальных и экономических, а также с уточнением конкретных сфер.

Список литературы

1. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 205 с.
2. Алиев Т.Т. Роль Конституционного суда Российской Федерации в сочетании баланса частных и публичных интересов в России // Современное право. 2010. № 4. С. 63-67.
3. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 74 с.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² Указ Президента РФ от 25.08.2020 г. № 526 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике» (ред. от 07.10.2022 г.) // СЗ РФ. .2020. № 35. Ст. 5549.

³ Постановление Правительства РФ от 07.12.2022 г. № 2240 «Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 50 (Часть IV). Ст. 8941.

4. Решетникова С.Б. Категория «публичный интерес» в российском праве // Теория государства и права. 2020. № 3-1 (19-1). С. 107-114.
5. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с.
6. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Сканрус, 2001. 211 с.

Берент Ксения Александровна

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ГЕНЕЗИС НАРОДОВЛАСТНОГО ПРИНЦИПА В РОССИЙСКОМ ПРАВОСУДИИ

Аннотация. Автором рассмотрено развитие народовластного принципа в российском правосудии в исторической ретроспективе. Исследована специфика народного участия в отправлении правосудия в зависимости от исторического этапа российского государства, а также в зависимости от условий эволюции законодательства. Проанализированы основные подходы ученых к становлению принципа народовластия в правосудии России.

Ключевые слова: принцип народовластия, правосудие, институт присяжных заседателей, присяжные заседатели, народные заседатели, судебная реформа.

«Объективны по происхождению общественные и гуманитарные принципы, за которыми, в конечном счете, обнаруживаются познанные законы развития общества и человека. Здесь, собственно, заложен первичный источник нормативности общественных, в особенности этических и правовых принципов ... Если сущность и происхождение принципов объективны, то их применение целиком в области субъективного. Принципы нельзя

выдумывать, произвольно менять, но их можно игнорировать, подменять, дискредитировать, однако, пожалуй, самое распространенное злоупотребление принципами, связанное с их иерархической, ценностной структурой, – это недооценка одних принципов и переоценка других» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. – М.: Норма, 2007. С. 662)

Рассуждая о развитии принципа народовластия в российском правосудии, необходимо отметить, что «народный элемент» закрепился в судоустройстве нашего государства давно и достаточно прочно.

Первые сведения о народном участии в отправлении правосудия нашли свое отражение еще в древнейшем своде законов – Русской Правде. В то время принцип народовластия в правосудии проявлялся в деятельности так называемого «суда двенадцати», которому, как правило, были подсудны наиболее противоречивые и сложные дела [1]. Стоит отметить, что Русская Правда не делила судебный процесс на гражданский и уголовный, и форма участия представителей общественности в рассмотрении того или иного судебного дела напрямую зависела от обстоятельств совершения деяния (открыто или же в условиях «неочевидности») и его вида.

Позднее, в Новгородской Республике был учрежден суд Одрин – коллегиальный выборный орган, основной функцией которого было отправление правосудия. Состоял такой суд из двенадцати членов – заседателей, а также председателя – княжеского Тиуна. Заседатели также именовались докладчиками, поскольку присутствовали при докладе или слушании дел, тем не менее, они были наделены правом решающего голоса, а председатель, в свою очередь, являлся выразителем их мнения [2].

В дальнейшем народная составляющая в отправлении правосудия прослеживается во времена правления Ивана III, а именно в изданном им Судебнике 1497 года. Согласно положениям Судебника, суд действовал в составе так называемых «судных мужей», то есть заседателей, которые являлись представителями местных миров.

В 1550 году «судные мужи» были переименованы в «целовальников», основной обязанностью которых было присутствие в суде с целью наблюдения за правильностью хода судебного процесса. Как таковыми судьями целовальники не являлись, да и права на решение вопроса о виновности или невинности подсудимого они не имели. Но считаем справедливым высказать позицию о том, что это являлось неотъемлемым компонентом на пути становления принципа народовластия в правосудии.

Следующим этапом, имеющим немаловажное значение в развитии народовластного принципа в правосудии, и, являющимся одновременно

предпосылкой к функционированию института присяжных заседателей в России, является проведение Александром II масштабной судебной реформы в 1864 году.

Судебная реформа в части, касающейся участия народных представителей в отправлении правосудия, определяла, что присяжным заседателям на уровне окружных судов принадлежала роль установления виновности или невиновности подсудимого, в то время как мера наказания определялась только лишь судом в лице профессиональных судей.

На наш взгляд, важно отметить то, что решения, принятые судом с участием присяжных заседателей, как правило, являлись окончательными и обжалованию не подлежали, нежели решения, принятые без их участия. Полагаем, это является одним из ключевых аспектов, совершенно справедливо подчеркивающим роль граждан в правосудии.

Как известно, право на отправление правосудия в качестве присяжного заседателя в то время принадлежало далеко не каждому российскому подданному – таковым должен был быть мужчина в возрасте от 25 до 70 лет, соответствующий двум основным цензам: имущественному и цензу оседлости (не менее двух лет).

В первые годы существования российского института присяжных заседателей в сообществе ученых-правоведов, а также среди представителей консервативной общественности, высказывались весьма противоречивые точки зрения.

Одна сторона выступала категорически против «народной» составляющей в отправлении традиционного правосудия Российской Империи, называя такой институт «судом толпы», вторая сторона, напротив, была убеждена в эффективности судопроизводства с участием присяжных заседателей, поскольку таким образом исключалась односторонность в профессиональной деятельности судей [3, с. 341.].

Спасович В.Д., будучи сторонником идеи суда присяжных, также полагал, что он необходим в первую очередь для того, «чтобы судебные решения пользовались общим доверием. Доверие обеспечит спокойствие в государстве, стабильность решений судов» [4].

Третья же сторона занимала довольно нейтральную позицию, говоря лишь о несвоевременности введения рассматриваемого института.

В целом, институт присяжных заседателей, введенный реформой Александра 2 в 1864 году, а также Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, успешно реализовывал свои функции вплоть до 1917 года, когда Декретом о суде № 1 были упразднены все донные существующие общие судебные установления.

На наш взгляд данный период в развитии судебного народовластия было бы целесообразно охарактеризовать следующими особенностями.

Во-первых, деятельность института присяжных заседателей становится результатом одной из самых масштабных судебных реформ российского государства, ведущими целями которой являлись повышение авторитета судебной власти, вовлечение представителей разных сословий к отправлению правосудия, а также укрепление принципа состязательности.

Во-вторых, именно Судебная реформа 1864 года по праву является отправной точкой существующей и на сегодняшний день формы участия граждан в отправлении правосудия – посредством присяжных заседателей, чья деятельность провозглашена статьями 32, 47 и 123 Конституции Российской Федерации [5].

В-третьих, институт присяжных заседателей стал восприниматься общественностью не только как правовой институт, но и как социальный, поскольку одновременно с осуществлением своей ключевой функции – отправления правосудия, он в той или иной степени предусматривал социальный контроль за применением законодательства, а также способствовал повышению личной ответственности граждан.

В 1918 году на смену институту присяжных заседателей приходит иная форма участия населения в отправлении правосудия – институт народных заседателей, учрежденный Декретом о суде № 2.

Стоит отметить, что нормативный акт наделял граждан не только правом решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого, но и правом решения вопроса о мере соответствующего наказания. Кроме того, согласно статье 29 Декрета, народные заседатели могли «уменьшить положенное в законе наказание по своему убеждению вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания» [6].

Может возникнуть справедливое замечание: а в чем, собственно, существенное различие между упраздненным институтом присяжных заседателей и пришедшим ему на смену институтом народных заседателей? Ведь обе формы народовластия характеризуются привлечением к отправлению правосудия представителей общественности, не владеющих специальными правовыми знаниями. И целесообразно ли реформировать законодательство в области уже существующего института народного участия в правосудии?

В своем исследовании А.Т. Шукюров полагает, что такой переход обусловлен в первую очередь «незаинтересованностью новой власти в независимости суда и непредсказуемости при вынесении решения» [7]. Суд, считал он, находившийся под контролем государства, можно было использовать в качестве инструмента для борьбы, например, с политическим инакомыслием.

Необходимо подчеркнуть, что вмешательство в судебную власть наблюдалось в то время и со стороны исполнительной власти. Так, например, Верховный главнокомандующий российской армией после Октябрьской революции 1917 года Н.В. Крыленко признавал суд реальным орудием в руках государственной власти: «...независимость судей не есть независимость их от политики государственной власти. Такой независимости, которая бы позволила им не считаться ни с чем, кроме своего усмотрения, нам не нужно» [8].

Декрет о суде № 2 предусматривал совершенно новую модель российского судопроизводства, суть которой выражалась в коллегиальном рассмотрении дел профессиональным судьей и народными заседателями, которые в соответствии с законодательством избирались населением при участии местных органов власти (такowymi являлись губернские исполнительные комитеты, областные Советы народных депутатов и др.). Количественная составляющая состава народных заседателей напрямую зависела от сложности рассматриваемого дела и, как правило, варьировалась от 2 до 6 представителей.

Первой Конституцией, провозгласившей право граждан на отправление правосудия, является Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 года. Статья 103 Основного закона гласила, что «рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом» [9].

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года содержала несколько иную формулировку о праве граждан на участие в отправлении правосудия, но суть оставалась идентичной: «все суды в СССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей» [10].

Анализируя народовластные начала в советском правосудии, полагаем крайне важным отметить и то, что народные заседатели считались полноправными судьями. Так, например, положения статьи 30 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик устанавливают равные права судей и народных заседателей во время исполнения своих обязанностей [11]. Аналогичные формулировки содержались также в Основах уголовного и гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Нельзя не отметить тот период в развитии принципа народовластия в российском правосудии, когда Конституцией Российской Федерации 1993 года было провозглашено право граждан на отправление правосудия в

качестве присяжных заседателей, но одновременно с этим продолжал функционировать и институт народных заседателей. Отождествлять, а, следовательно, и объединять эти два института в единое целое не представляется возможным, поскольку, как было определено нами ранее, «если присяжными заседателями вердикт выносится самостоятельно в совещательной комнате, то народные заседатели такой самостоятельностью не характеризовались, так как решение выносилось вместе с профессиональной судьей» [12].

Позднее, в 2000 году, институту народных заседателей, как одной из форм реализации права граждан на отправление правосудия, был посвящен отдельный нормативный правовой акт – Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Просуществовал данный акт в части, касающейся гражданского судопроизводства – до 2003 года, а в 2004 году утратил свою силу и в части, касающейся уголовного судопроизводства, завершив в полной мере свою жизнедеятельность.

Вновь возрожденный институт присяжных заседателей распространил свое действие на всю территорию России далеко не сразу. В порядке экспериментальной практики суд присяжных был введен в пяти субъектах Российской Федерации: в Ставропольском крае, Ивановской, Московской, Рязанской и Саратовской областях. Завершил свое окончательное распространение исследуемый институт только в 2010 году [13], начав функционирование в Чеченской Республике.

На современном этапе народовластие в правосудии успешно реализуется посредством двух основных форм: в качестве присяжных заседателей [14] и арбитражных заседателей [15].

Временная линия развития института арбитражных заседателей не является такой продолжительной в сравнении с исследуемыми ранее институтами. Для российского правосудия практика привлечения граждан в качестве арбитражных заседателей начинается с 2001 года – с момента принятия Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации».

Необходимо подчеркнуть, что закон наделяет арбитражных заседателей совершенно новым правовым статусом, предъявляя к ним несколько иные требования, нежели к народным или присяжным заседателям. Так, арбитражными заседателями должны быть граждане, обладающие безупречной репутацией, имеющие высшее образование, а также стаж работы в сфере экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской деятельности не менее пяти лет. Их участие в рассмотрении дела и принятии решения осуществляется наравне с профессиональными судья-

ми. Более того, арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующему выводу.

Несмотря на противоречивый образ мыслей по поводу существования народовластия в российском правосудии – этот принцип уверенно демонстрирует свое долголетие.

Каждая из форм народного участия в отправлении правосудия развивалась автономно друг от друга в конкретных условиях эволюции российского законодательства, имея свои преимущества и недостатки. Одновременно с этим считаем, что их сосуществование в рамках одного временного отрезка вполне возможно и, наверное, даже разумно, поскольку каждая из форм обладает характерными признаками, позволяющими сделать вывод об уникальности каждой из них. В этой связи целесообразным было бы использование конкретной формы участия населения в отправлении правосудия в зависимости от рассматриваемого дела – его категории, сложности, а также волеизъявления подсудимого.

Список литературы:

1. Стус, Н. В. От суда старейшин к суду присяжных / Н. В. Стус // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2(21). С. 57-67.
2. Стус, Н. В. Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт / Н. В. Стус // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 2021. Т. 46, № 2. С. 376-384.
3. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : Пособие к лекциям / [Соч.] Орд. проф. Ун-та св. Владимира д-ра уголовного права Д.Г. Тальберга. Т. 1-. – Киев : т-во печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К в Москве, Киев. отд-ние. – 1889-1891.
4. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством [Электронный ресурс] // URL: <http://law.vl.ru/analit/show> (дата обращения: 10.04.2023)
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) [Электронный ресурс] // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2023)
6. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 07.03.1918 № 347 О суде. (Декрет № 2) [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=196024915&rdk=>

&link_id=14&intelsearch=%EF%EE%EB%EE%E2%EE%E9++ (дата обращения: 10.04.2023)

7. Шукюров А. Т. Политические причины упразднения института присяжных заседателей большевиками // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 2 (30). С. 37-42.

8. Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР : (лекции по теории и истории судостроительства). - М., 1923. – 422 с.

9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2023)

10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 07.10.1977 года [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2023)

11. Постановление Верховного Совета СССР от 13.11.1989 № 757-I «О порядке введения в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 1989 г. № 23. Ст. 442.

12. Берент, К.А. Участие граждан в отправлении правосудия как гарантия принципа народовластия // Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. – Издательство «ГиК», Белгород, 2022. С. 107-112.

13. Терешина, А. Н. Территориальное распространение суда присяжных в России: история и современность / А. Н. Терешина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 281-285.

14. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2004 г. № 34. Ст. 3528.

15. Федеральный закон от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. № 23. Ст. 2288.

Бойченко Елена Михайловна
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ПОРУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. На основе анализа конституционных и указных положений, подходов, представленных в научной литературе, рассмотрены поручения Президента Российской Федерации в качестве элемента функционирования публичной власти. Отмечено, что правовая природа и статус уже конституированных поручений Президента России составляют предмет дискуссии. При этом остается фактом, что формальной определенности здесь нет. Сделан вывод, что поручения Президента Российской Федерации, являясь средством реализации его полномочий, являются актом для конкретного случая. Высказано предположение, что расширение круга субъектов-адресатов поручений главы Российского государства связано с решением задач оперативности и результативности.

Ключевые слова: Конституция России, поручение Президента Российской Федерации, ненормативные правовые акты, адресаты поручений Президента России.

«Предусматриваемые полномочием юридические возможности действовать или не действовать определенным образом не могут использоваться должностным лицом, обязанным исполнять данное полномочие, в личных целях или в частных интересах. Полномочие – разновидность права, которая существует ради публичного интереса, главным образом интереса государственного. Дабы обеспечить представленную здесь связь права и интереса, полномочие юридически конструируется таким образом, что оно одновременно выступает и как обязанность должностного лица, его долг действовать, исходя в первую очередь из государственных соображений»

(Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. М.: Норма, 2007. С. 356).

Масштабные конституционные изменения, которые проведены в 2020 г. по инициативе Президента Российской Федерации и при широком участии публичных органов федерального и регионального уровней и при одобрении российских граждан, откликнулись волной дискуссий [1, 2]. Одни поправки обсуждались всеми слоями населения, иные остались мало ими замеченными, но не менее от этого значимые. В число последних включим конституирование поручений Президента Российской Федерации.

Исходя из Конституции России, Президент издает указы и распоряжения (ст. 90). Внесенные Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» изменения ввели новую форму «президентского реагирования» и придали поручениям Президента Российской Федерации официальный конституционный статус. Согласно ст. 113, 115, 117 Конституции России субъектами исполнения поручений Президента России являются Правительство Российской Федерации и Председатель Правительства Российской Федерации. Следовательно, поручения Президента России получили дополнительное сопряжение с публичной властью, подчеркнули отношения ответственности публичных органов. На этот аспект обратила внимание А.В. Акчурина, связав поручения Президента России с конституционной ответственностью [3].

Судя по информации на официальном сайте Президента Российской Федерации, «поручения Президента содержатся в указах и распоряжениях, а также директивах главы государства» [4]. Отсюда можно заключить, что поручение и указ/распоряжение можно соотнести как содержание и форму.

Правовая природа поручений Президента России нуждается в прояснении. С формальных позиций отметим, что при отсутствии понятия «поручение Президента» порядок их исполнения составлял предмет указного регулирования. Этому, например, были посвящены указы Президента РФ от 6 ноября 1996 г. № 1536 «О мерах по совершенствованию организации контроля и проверки исполнения поручений Президента Российской Федерации» и от 28 марта 2011 г. №352 «О мерах по совершенствованию организации и исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации».

Версии ученых на предмет правовой природы посланий Президента России значительно разнятся. Артамонов А.Н., исследуя поручение Прези-

дента и определив его как «правовой акт», отметил, что «что по своим признакам поручения Президента Российской Федерации полностью соответствуют характеристикам, свойственным ненормативным правовым актам. Они выступают в качестве эффективного инструмента президентской политики, а внесение соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации еще более повышает их роль и значение в процессе государственного управления» [5, с. 149]. В своей работе данным автором приведены выводы иных ученых, имеющих отличающуюся точку зрения. Например, по мнению Я.Ю. Старцева, сами поручения Президента РФ не являются нормативными актами, их нельзя отнести к правовым актам, но и к неправовым актам их тоже нельзя отнести – это такой феномен, который неопределяем, а «просто существует»; по мнению В.П. Уманской, поручения Президента России есть акт с неопределенным статусом, «неизвестный юридической и правовой литературе и «несуществующий» для российских юристов»: по мнению В.Е. Зорькина, «анализ нормативно-правовых актов в области государственного управления позволяет охарактеризовать поручения как инструмент реализации полномочий Президента РФ, обладающего такими же юридическими свойствами, как указы и распоряжения Президента, то есть носят подзаконный характер, занимают подчиненное по отношению к Конституции и законам место в иерархии нормативных правовых актов»; по мнению А.В. Ванькова, признающего поручения ненормативными правовыми актами, «отнесение каких-либо управленческих актов главы государства к неправовым недопустимо» [Цит. по: 5, с. 151].

Значимость поручений Президента подчеркивается наличием отдельной посвященной им рубрики на официальном сайте Президента Российской Федерации. Например, по итогам заседания Совета по науке и образованию, прошедшего 20 апреля 2023 г., главой государства было оформлено 22 поручения [6].

Основываясь на изложенном, отметим, что правовая природа и статус уже конституированных поручений Президента России составляют предмет для дискуссии. Формальной определенности здесь также нет: поручения Президента России не попадают под действие Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 (ред. от 03 марта 2022 г.) «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти», не упоминаются в нем, не требуют размещения на «Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru)».

Поручения Президента Российской Федерации, являясь средством реализации его полномочий, являются актом для конкретного случая. Наряду с конституционными адресатами поручений Президента России (Правительство России и его председатель) могут быть и иные публичные субъекты: отдельные министерства и министры, руководители иных органов государственной власти, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации. Полагаем, расширение круга субъектов-адресатов поручений главы Российского государства связано с решением задач оперативности и результативности.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29-32.
2. Мархгейм М.В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3 (103). С. 24-31.
3. Акчурина А.В. Поручения Президента РФ как новый конституционно-правовой инструмент в аспекте конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 63-65.
4. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/help>
5. Артамонов А.Н. Поручение Президента как правовой акт // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 3 (45). С. 149-154.
6. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70973>

Бутов Андрей Юрьевич

аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Нифанов Алексей Николаевич

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В рамках проведенного научного исследования рассматривается вопрос конституционного контроля в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Проводится разграничение между такими юридическими феноменами как «конституционный контроль» и «конституционный надзор». Предлагаются пути совершенствования механизма правового регулирования конституционного контроля в виде закрепления за Конституционным Судом права проводить юридическую экспертизу закона на стадии его рассмотрения. Автор обращается к зарубежному опыту для реализации сравнительно-правового анализа правовых систем.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционный надзор, Конституционный Суд, конституционное судопроизводство, судебная власть, юридическая экспертиза.

«В итоге долгого брожения юридической мысли, из длительного опыта канонического и светского права возникли замечательные принципы верховенства Конституции, закона и подзаконности судопроизводства, который предполагают, что судьба каждого человека, представшего перед судом, зависит от «воли закона», а не «воли судьи». Это одно из величайших достижений цивилизации, до которого модель образа права общего права исторически не поднялась, застыв надолго на том этапе развития, когда "правят люди, а не законы"» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 645).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации наше государство признается правовым [1], следовательно, состояние национального законодательства должно быть отражено на достаточно высоком уровне. Одним из главнейших залогов построения качественной правовой системы представляет собой конституционный контроль.

В теории права термины «надзор» и «контроль» зачастую отождествляются, однако между ними есть ряд существенных различий. Основное отличие контроля от надзора состоит в том, что контроль относится к одной из управленческих функций и осуществляется периодически, а надзор осуществляется с целью исполнения законов и реализуется на постоянной основе. В литературе высказывается убеждение, что не следует смешивать понятия «конституционный надзор» и «конституционный контроль», хотя значительная часть ученых-юристов считают указанные понятия тождественными [2].

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации – высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации. Обратим внимание на следующие аспекты.

Во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации может осуществлять исключительно текущий контроль, а не предварительный, то есть он не имеет право на стадии рассмотрения законопроекта провести его юридическую экспертизу по собственному желанию. Согласно ст. 107 Конституции Российской Федерации «...Если Президент Российской Федерации в течение указанного срока обратится в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности федерального закона, срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения запроса Конституционным Судом Российской Федерации». То есть, исходя из данной нормы, мы можем сделать вывод, что обращение в Конституционный Суд для рассмотрения законопроекта является правом, а не обязанностью Президента России.

Такой подход законодателя представляется несколько странным, поскольку Конституционный Суд является главнейшим экспертом в вопросах конституционных норм, поскольку именно он дает легальное толкование нашему Основному Закону. Думается, что предварительная проверка законопроектов сократила бы количество коллизий в правовой системе России.

Далее перейдем к рассмотрению проблем текущего конституционного контроля. Напомним, что Конституционный Суд является органом конституционного контроля, а не надзора, что свидетельствует о том, что упомяну-

тая судебная инстанция не вправе самостоятельно инициировать проверку норм права. Суть конституционного надзора можно определить как деятельность по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий конституции всех иных правовых актов.

На наш взгляд, такой подход законодателя снижает уровень эффективности нормотворческого процесса, поскольку роль Конституционного Суда сводится исключительно к выполнению функций арбитра в рассмотрении норм права.

Обращаясь к зарубежной практике, справедливо будет отметить, что предварительный конституционный контроль осуществляется в Швеции, Финляндии, Канаде, Италии, а также частично во Франции, где Конституционный совет обладает правом проверки закона до его вступления в силу. Перечисленные государства по праву обладают репутацией стран с высоким уровнем правовой культуры и грамотно выстроенным законодательством. Объектами предварительного конституционного контроля также являются:

- законы о внесении изменений в Конституцию (Молдова);
- органические (обычные) законы (Андорра, Алжир, Венгрия, Испания, Казахстан, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Турция, Швеция);
- регламенты палат парламента (Казахстан, Румыния);
- избирательные процедуры (Алжир, Албания, Израиль, Португалия, Румыния, Сербия);
- контроль за проведением референдума (Алжир, Албания, Венгрия, Молдова, Португалия, Румыния) [2, с. 60].

На региональном уровне в нашей стране предварительный конституционный контроль ранее также нашел свое отражение. Например, в Республике Адыгея конституционный суд субъекта обязал бы рассмотреть проекты нормативного правового акта или иного решения, предлагаемые для внесения на референдум, а в Челябинской области законы субъектов перед их принятием подлежали обязательному рассмотрению в уставном суде на вопрос соответствию устава.

Однако с января 2023 года конституционные (уставные) суды субъектов были упразднены, поэтому такая форма контроля полностью исчезла из нашего законодательства [3].

На наш взгляд, наделение Конституционного Суда правом предварительного конституционного контроля позитивно бы повлияло на повышение качества отечественной нормативной правовой базы. В настоящее время государство мало уделяет внимание тому, насколько грамотно изложен законопроект. Если посмотреть статистику Конституционного Суда Российской Федерации, то можно увидеть, что множество нормативных правовых

актов было отклонено, в связи с их несоответствием конституционным положением. Стоит задумать, что юридическая сила продлилась некоторое время и от нее пострадали интересы граждан. Если проверка нормативного правового акта состоялась до вступления, то упомянутая ситуация была бы исключена.

Резюмируя, хочется сделать вывод о том, что для совершенствования правовой системы Российской Федерации, необходимо откорректировать юридический механизм принятия законов, а именно – отразить право Конституционного Суда по собственной инициативе реализовывать их предварительное изучение.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 06.10.2022
2. Бондарева Е. А. Институт предварительного конституционного контроля в России и Франции: теория и практика применения // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 2. С. 57-67.
3. Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Российская газета. № 280. 11.12.2020.

Гафуров Денис Витальевич
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

МИНИМИЗАЦИЯ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИИ КАК ГАРАНТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

Аннотация. Решение проблемы недостаточного развития кадрового потенциала в сфере здравоохранения является важной задачей для руководителей в сфере охраны здоровья. Для решения данной задачи, государство разрабатывает различные правовые меры поддержки, тем самым развивает кадровый ресурс. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть проблему дефицита медицинских кадров и пути решения на примере Белгородской и Орловской областях.

Ключевые слова: права человека, конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь, организация здравоохранения, охрана здоровья.

«Под нормативной стратегией мы понимаем основанную на средне- и долгосрочных прогнозах программу, которой руководствуются субъекты правотворчества, желающие достичь средствами права определенных крупных результатов в общественном развитии. Такими результатами могут быть радикальные изменения (революционные и реформационные стратегии) либо, наоборот, удержание, сохранение этого курса в условиях социальной нестабильности и угроз переворота (консервативно-охранительные стратегии). Нормативная стратегия выступает как руководящая программа, осуществление которой гарантируется серьезной политической силой, скорее всего государством» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 751).

Минимизация кадрового дефицита и развитие кадрового потенциала в здравоохранении, особенно в субъектах Российской Федерации, является одной из форм гарантирования конституционного права на охрану здоровья граждан и оказания им медицинской помощи, закрепленного в ст. 41 Конституции Российской Федерации. Квалифицированные и профессиональные кадры становятся основополагающим фактором для предоставления качественной и доступной медицинской помощи пациентам, что в свою очередь является основой конституционной гарантии на охрану здоровья граждан в Российской Федерации.

К кадровому потенциалу можно отнести работников здравоохранения (врачи, средний медицинский персонал, младший медицинский персонал) цель которых – сохранение здоровья граждан и противодействие распространению инфекционных заболеваний. Сейчас важно начать поиск правовых механизмов, влияющих на устранение кадрового дефицита медицинских кадров в субъектах Российской Федерации.

Всемирная организация здравоохранения обеспечивает защиту и поддержку странам, где присутствует острая нехватка кадрового ресурса в здравоохранении. Важно понимать, что для международного сообщества необходимо выработать устойчивое решение по укреплению кадровых ресурсов здравоохранения, таких как подготовка, миграция и сохранение кадров здравоохранения, а также обеспечение лиц, ответственных за формирование политики, направленной на противодействие распространения опасных инфекционных заболеваний, угрожающих жизни и здоровью граждан [9].

В «Стратегии развития кадровых ресурсов здравоохранения до 2030 года», опубликованной ВОЗ, отмечено, что «эффективность системы здравоохранения зависит от качества трудовых ресурсов, которые способны реагировать на вызовы и приоритеты XXI века» [8].

Развитие и поддержка кадрового ресурса в здравоохранении является центральной задачей для международного профессионального сообщества. Развитие кадрового потенциала способствует решению значимых проблем, возникающих перед миром, а также определяет вектор политики в сфере охраны здоровья граждан.

В Российской Федерации действуют определенные правовые механизмы для достижения необходимого уровня насыщенности профессиональных медицинских кадров в отечественном здравоохранении.

Так, в соответствии с частью 2 статьи 72 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления вправе устанавливать дополни-

тельные гарантии и меры социальной поддержки медицинским работникам за счет, соответственно, бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов [1]. Такая мера закрепляет в правовом поле права медицинских работников на получение дополнительных гарантий.

Кроме того, важно обратиться к распоряжению Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2013 г. № 614-р, которое утверждает «Комплекс мер по обеспечению системы здравоохранения Российской Федерации медицинскими кадрами до 2018 года» и который предусматривает: «оптимизацию номенклатуры специальностей специалистов с высшим и послевузовским средним медицинским и фармацевтическим образованием; мониторинг кадрового состава системы здравоохранения, ведение Федерального регистра медицинских и фармацевтических работников; разработку и утверждение в субъектах Российской Федерации программ, направленных на повышение квалификации медицинских кадров, и поэтапное устранение дефицита медицинских кадров, а также разработку дифференцированных мер социальной поддержки медицинских работников, в первую очередь наиболее дефицитных специальностей; разработку профессиональных стандартов и дополнительных профессиональных программ медицинского и фармацевтического образования; разработку и утверждение типовых отраслевых норм труда в сфере здравоохранения; поэтапный перевод работников медицинских организаций на «эффективный контракт»; формирование и внедрение системы аккредитации специалистов с медицинским и фармацевтическим образованием; повышение престижа и привлекательности медицинской профессии, ежегодное проведение всероссийского конкурса врачей и всероссийского конкурса «Лучший специалист со средним медицинским и фармацевтическим образованием»» [3].

Также важно отметить, что проблема кадрового потенциала остро актуализируется в отдалённых местах Российской Федерации, а также в сельской местности.

Важно разобраться, какие правовые механизмы существуют в субъектах Российской Федерации для обеспечения социальной поддержки медицинских кадров. За анализ мы взяли две области из одного федерального округа (ЦФО) – Белгородскую и Орловскую области.

Обратимся к опыту Белгородской области. Отметим, что согласно постановлению Правительства Белгородской области от 8 июля 2019 года № 293-пп «Об утверждении Порядка предоставления единовременных компенсационных выплат медицинским работникам (врачам, фельдшерам), являющимся гражданами Российской Федерации, не имеющим неисполненных

финансовых обязательств по договору о целевом обучении. (за исключением медицинских организаций с укомплектованностью штата менее 60 процентов), прибывших (переехавших) на работу в сельские населенные пункты, либо рабочие поселки, либо поселки городского типа, либо города с населением до 50 тысяч человек и заключивших трудовой договор с медицинской организацией, подведомственной департаменту здравоохранения и социальной защиты населения Белгородской области». специалист может претендовать на фиксированную единовременную денежную выплату для врачей – 1 млн рублей; для среднего медицинского персонала – 500 тыс. рублей [5].

Данная правовая мера, позволяет привлечь необходимое количество специалистов в сельскую местность и справедливо распределяет финансовую помощь среди других специалистов в области здравоохранения.

Также, в целях стимулирования развития офисов семейной медицины и привлечения профессионального кадрового состава на территорию Белгородской области предложены меры социальной поддержки для врачей общей практики. Согласно статье 13 Закону Белгородской области от 1 марта 2019 г. № 361 «О развитии семейной медицины в Белгородской области», существуют следующие меры поддержки:

- направления организациями (за счет собственных средств медицинской организации или иных средств регионального бюджета) заинтересованных абитуриентов на целевое обучение по специальности «общеврачебная практика» в высшие учебные заведения и высшие медицинские учебные заведения с целью ограничить дефицит медицинских работников в сельской местности;

- Правительством Белгородской области предоставляется на безвозмездной основе служебное жилье в населенном пункте, где расположен офис семейного врача;

- Правительством Белгородской области разрабатывается и утверждается, а также реализуются программы, направленные на развитие семейной медицины в регионе [4].

Также в Белгородской области, согласно Распоряжению Правительства Белгородской области от 3 апреля 2017 года № 143-рп «Об обеспечении служебными жилыми помещениями работников учреждений, организаций здравоохранения Белгородской области», медицинские работники имеют право на получение служебного жилья, которые внесли значительный вклад в развитие здравоохранения на территории Белгородской области [7].

Для более подробного рассмотрения данного вопроса отметим меры социальной поддержки для медицинских работников, предусмотренных в Орловской области.

Отметим, что, согласно Постановлению Правительства Орловской области от 30 апреля 2013 года №153, включающей подпрограмму «Кадровое обеспечение системы здравоохранения», заложен целый комплекс мероприятий по привлечению и аккумуляции кадрового потенциала в регионе:

во-первых, устанавливаются стимулирующие надбавки в размере 12% от должностного оклада врачам-специалистам по востребованным специальностям;

во-вторых, устанавливаются социальные доплаты к стипендиям ординаторов, заключивших договоры на целевую подготовку с учреждениями здравоохранения Орловской области;

в-третьих, единовременные компенсационные выплаты по программе «Земский доктор» в размере 1 млн рублей;

в-четвертых, для врачей, устраивающихся работать в сельскую местность Орловской области, возможно предоставление служебного жилья по договору социального найма [6].

Отметим, что в Белгородской и в Орловской областях законодательно закреплены меры социальной поддержки как для уже практикующих медицинских работников, так и для абитуриентов, студентов и ординаторов, которые только получают необходимую профессию. Стоит заметить, что НПА анализируемых субъектов направлены, в первую очередь, на ликвидацию кадрового дефицита в сельской местности, этому свидетельствуют положения о предоставлении служебного жилья в сельской территории и предоставлении социальных выплат медицинским работникам, а не на справедливые распределения средств социальной поддержки среди всех работников здравоохранения. На наш взгляд, такие правовые механизмы, направленные на социальную поддержку, не разрешают кадровую проблему, а лишь активизирует миграционные процессы среди медицинских работников, в большей части работающих в первичном медико-санитарном звене.

На сегодняшний день, чувствуется нехватка НПА, направленных на поддержку врачей и среднего медицинского персонала. В конце 2022 года Правительством Российской Федерации были разработаны новые дополнительные меры социальной поддержки для медицинских работников и организаций.

Так, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2022 г. № 2568 «О дополнительной государственной социальной поддержке медицинских работников медицинских организаций, входящих в государственную и муниципальную системы здравоохранения и участвующих в базовой программе обязательного медицинского страхования либо территориальных программах обязательного медицинского страхова-

ния» актуализируется размер оклада заработной платы врачам некоторых необходимых, по мнению законодателей, специальностей. Акцент был сделан на медицинских работников, работающих в медицинских учреждениях, находящихся в сельской местности и центральных районах больницах, расположенных в районах центрах [2].

По большой мере, такая мера Правительства Российской Федерации была вынужденной и связанной с централизацией кадрового капитала в районных центрах и сельских поселениях. Также, одной из причин можно считать, необходимость усиления первичного звена здравоохранения для периферии с целью снижения нагрузки на стационары расположенных в областном центре.

Отметим, что для соблюдения конституционных норм в части охраны здоровья граждан, важно уделять активную работу по предотвращению и минимизации кадрового дефицита медицинских кадров в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, стоит констатировать тот факт, что в Российской Федерации за последние годы стали обращать должное внимание на разработку НПА, направленных на активную работу по привлечению медицинских кадров в сельскую местность и регионы, нуждающихся в медицинском персонале. Такая политика позволяет точно решить проблему кадрового дефицита в отечественном здравоохранении.

К сожалению, в правовом поле до конца не проработан вопрос о мерах социальной поддержке касательно всех медицинских работников. Также, отсутствуют жесткий регламент предоставления финансовой помощи медицинскому персоналу, работающему в сельской местности.

Для достижения определенного баланса интересов, выделенных нами стейкхолдеров необходимо разумно сбалансировать финансовые ресурсы и трудозатраты для возможности наладить эффективную работу для оказания качественной и доступной медицинской помощи населению Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (посл. ред.) // Консультант Плюс: сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
2. Постановлению Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2022 г. № 2568 «О дополнительной государственной социальной поддержке медицинских работников медицинских организаций, входящих в государ-

- ственную и муниципальную системы здравоохранения и участвующих в базовой программе обязательного медицинского страхования либо территориальных программах обязательного медицинского страхования» сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301090003>
3. Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2013 г. № 614-р «Об утверждении Комплекса мер по обеспечению системы здравоохранения РФ медицинскими кадрами до 2018 г.» // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145176/
4. Закон Белгородской области от 1 марта 2019 г. № 361 «О развитии семейной медицины в Белгородской области». сайт [Электронный ресурс] – URL: <https://docs.cntd.ru/document/553134449>
5. Постановление Правительства Белгородской области от 8 июля 2019 года № 293-пп «Об утверждении Порядка предоставления единовременных компенсационных выплат медицинским работникам (врачам, фельдшерам), являющимся гражданами Российской Федерации, не имеющим неисполненных финансовых обязательств по договору о целевом обучении» (с изменениями на 1 июня 2020 года) // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlawc/rlawc4042020-03-19.html/>.
6. Постановление Правительства Орловской области от 30.04.2013 №153, включающая подпрограмму «Кадровое обеспечение системы здравоохранения» (с изменениями на 31 марта 2021 года) // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw1272019-12-20.html/> /
7. Распоряжение Правительства Белгородской области от 3 апреля 2017 года № 143-рп «Об обеспечении служебными жилыми помещениями работников учреждений, организаций здравоохранения Белгородской области» // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlawc/rlawc4042020-03-19.html/>
8. Куделина О.В., Киллякова Е.Ю. Проблемы управления и развития кадровых ресурсов системы здравоохранения. Международный опыт // Экология человека. 2018. №8.
9. Кадровый ресурс. Текст: электронный // Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. – URL: <https://www.who.int/healthsystems/topics/knowledge/ru/>

Короткина Анна Сергеевна

аспирант кафедры конституционного и
административного права
юридического факультета ПГНИУ
(Пермь, Россия)

Аристов Евгений Вячеславович

заведующий кафедрой конституционного и
административного права,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
юридического факультета ПГНИУ
доктор юридических наук, доцент
(Пермь, Россия)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА» В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Информационные технологии становятся неотъемлемой частью современного мира. В условиях, изменяющихся под влиянием цифровизации общественных отношений, правовое регулирование также должно адаптироваться и развиваться. В статье проведен анализ подходов к определению термина «информационная система», как одной из основных категорий информационного права, в зарубежных правовых системах. Проведенный анализ способствует разработке более эффективных подходов к формированию категориального аппарата информационного права, учитывающих передовую практику и опыт других стран.

Ключевые слова: информационная система, технические средства, программы для электронных вычислительных машин, базы данных.

«Право в своей социальной эволюции и в историческом существовании предстает результатом развития многих факторов и показывает множество форм своего конкретно-исторического воплощения. Предельно общий историко-эволюционный подход ... позволяет нам видеть такие эпохи правовой истории, как эпоха традиционного права, самая длительная по времени и богатейшая по содержанию, эпоха индустриального права и эпоха постиндустриальная, которую называют то технотронной, то информа-

ционной, но название ее пока еще не определилось» (Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства. М.: Издательство РАГС, 2010. С. 315).

В современную цифровую эпоху информационные системы стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. С их помощью обрабатывают, хранят, передают огромное количество данных, включая личную информацию, интеллектуальную собственность и коммерческую тайну, предоставляют государственные и муниципальные услуги, общаются через тысячи километров. Не будет преувеличением сказать, что развитие информационных технологий произвело революцию в различных отраслях промышленности и трансформировало мировую экономику. Вместе с тем, повсеместное использование цифровых технологий также создает новые проблемы и риски, не существовавшие ранее, что обуславливает необходимость адекватного правового регулирования вопросов, связанных с процессами цифровизации. Правовая система должна адаптироваться и развиваться, чтобы идти в ногу с этими изменениями и обеспечивать защиту субъектов права.

Опыт отраслевого правового регулирования в Российской Федерации за почти три десятилетия, с момента принятия Указа Президента Российской Федерации от 20 января 1994 г. № 170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации», Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», не может похвастаться глубокой теоретической проработкой, а также высоким качеством юридической техники и согласованностью норм правовых актов в сфере информатизации [1, с. 43]. Зачастую, принимаемые законы носят ситуативный, фрагментарный характер, и являются реакцией на конкретные события или обстоятельства.

Так, например, используемый Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» термин «информационная система», «государственная информационная система», а также правовая природа обозначенного явления вызывает дискуссии в среде ученых юристов. Более того несмотря на то, что отраслевым законодательством введена соответствующая категория, нормы иных отраслей права содержат отличающиеся от базового законодательного акта подходы к обозначенному явлению.

С учетом изложенного, особенно актуальным становится анализ опыта зарубежных стран, являющихся лидерами в развитии цифровых технологий, в правовом регулировании рассматриваемой категории, с целью выявления подходов к его сущности, правовой природе и законодательному закреплению. Осуществление правового регулирования с учетом решения аналогич-

ных задач и проблем в иных правовых системах, может помочь в разработке более эффективных подходов, учитывающих передовую практику и опыт других стран, а также выявить пробелы в существующих правовых актах, и потенциальные области для совершенствования правового регулирования.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, принятый в г. Нью-Йорке 28 мая 1996 г. – 14 июня 1996 г. на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ [2], под информационной системой понимает «систему для подготовки, отправления, получения, хранения или иной обработки сообщений данных» [1, с. 49]. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах, заключенная в г. Нью-Йорке 23 ноября 2005 г. [3], под «информационной системой» также подразумевает «систему для подготовки, отправления, получения, хранения или иной обработки сообщений данных» [1, с. 49].

В Европейском союзе информационные системы все чаще становятся объектом правового регулирования, поскольку политики стремятся сбалансировать преимущества цифровых инноваций с необходимостью защиты индивидуальных прав и общественных интересов. Одним из основных правовых актов, который позволяет раскрыть суть и содержание рассматриваемой категории является Директива Европейского Парламента и Совета от 14 декабря 2022 г. № 2022/2555 о мерах по обеспечению высокого общего уровня кибербезопасности по всему Союзу (NIS2), вносящая поправки в Регламент (ЕС) № 910/2014 и Директиву (ЕС) 2018/1972, а также отменяющая директиву (ЕС) 2016/1148 [4]. Обозначенная директива устанавливает минимальные правила, касающиеся функционирования и применения мер по кибербезопасности для операторов основных служб и поставщиков цифровых услуг. Согласно данной директиве под информационной системой понимается любое устройство или группа взаимосвязанных или родственных устройств, одно или несколько из которых в соответствии с программой осуществляют автоматическую обработку цифровых данных или цифровые данные, хранящиеся, обрабатываемые, извлекаемые или передаваемые сетями или устройствами, для целей их эксплуатации, использования, защиты и технического обслуживания. Аналогичный термин содержит Директива Европейского парламента и Совета от 12 августа 2013 г. № 2013/40/EU об атаках на информационные системы и заменяющая Рамочное решение Совета 2005/222/JHA [5], согласно которой информационная система также представляет собой устройство или группу взаимосвязанных устройств, одно или более из которых, в соответствии с программой, автоматически обрабатывает компьютерные данные, а также компьютерные данные, хранящиеся, обработанные, извлеченные или переданные этим устройством или группой

устройств в целях его или их эксплуатации, использования, защиты и обслуживания.

В законодательстве европейских стран, рассматриваемый термин применяется в обозначенном выше значении. Вместе с тем, законодательство о защите персональных данных, также позволяет сделать вывод о его содержании. Так, в Германии термин «информационная система» определяется как система, которая обрабатывает данные электронным или механическим способом, включая все оборудование, программное обеспечение и процедуры, используемые для обработки данных [6]. Во Франции [7], Италии [8] этот термин определяется как набор ресурсов, включая аппаратное обеспечение, программное обеспечение, данные, процедуры и людей, которые используются для сбора, обработки, хранения и распространения информации. Обозначенные акты основаны на положениях Регламента Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 года, касающегося защиты физических лиц в отношении обработки персональных данных, а также свободного перемещения таких данных и отменяющего Директиву 95/46/ЕС [9]. В Швеции данный термин определяется как любая система или набор систем, которые используются для автоматической обработки персональных данных, включающий в себя электронные и физические системы, такие как базы данных, файлы и бумажные записи, а также любое программное или аппаратное обеспечение, используемое для обработки данных [10].

В законодательстве Великобритании термин «информационная система» конкретно не определен ни в одном законодательном акте. Однако обычно подразумевается, что ей является любая система, которая используется для сбора, обработки, хранения или передачи информации. Таким образом, данное понятие может включать компьютерные системы, сети, базы данных, программные приложения и другие электронные или ручные системы [11].

В законодательстве США термин «информационная система» определяется как информационные ресурсы для сбора, обработки, обслуживания, использования, совместного использования, распространения или распоряжения информацией, которые включают аппаратное обеспечение, программное обеспечение, встроенное программное обеспечение и данные, используемые для поддержки операций и управления информационными активами организации, промышленные системы управления, такие как системы диспетчерского управления и сбора данных, распределенные системы управления и программируемые логические контроллеры. Данное определение основано на нормах Кодекса Соединенных Штатов [12], а также Федерального закона о модернизации информационной безопасности (FISMA)

[13] и Федерального закона об обмене информацией о кибербезопасности (CISA) [14].

В Канаде термин «информационная система» определен в Законе о безопасности информации как любая система, используемая для создания, сбора, обработки, передачи, хранения, отображения или извлечения информации [15]. Сюда входят компьютерные системы, телекоммуникационные системы и другие электронные или механические устройства, используемые для обработки информации.

Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности определяет «информационную систему» как систему, которая собирает, хранит, обрабатывает, передает и использует информацию с помощью электронных или иных средств [16]. Этот термин включает в себя компьютерные системы, коммуникационные сети и другие системы обработки информации, а также соответствующее оборудование, программное обеспечение и данные.

В Гонконге термин «информационная система» определен в Постановлении о персональных данных (конфиденциальности) как любое оборудование или устройство, используемое для обработки данных, включая компьютеры, мобильные устройства и другие электронные устройства [17].

В Сингапуре термин «информационная система» также определен в Законе о защите персональных данных (PDPA) как любой набор информационного или коммуникационного оборудования или взаимосвязанная система или подсистема оборудования, которая используется или предназначена для использования при сборе, записи, хранении, обработке или распространении данных [18].

В Южной Корее термин «информационная система» определен в Законе о содействии использованию информационно-коммуникационных сетей и защите информации как любая система, которая обрабатывает, хранит, передает или получает информацию с помощью электронных, магнитных или оптических средств [19]. Сюда входят компьютерные системы, телекоммуникационные системы и другие устройства, используемые для обработки информации.

В Японии Основной закон о кибербезопасности определяет «информационную систему» как систему, которая собирает, хранит, обрабатывает, передает или использует информацию с помощью электронных или иных средств [20]. Данный термин включает в себя компьютерные системы, коммуникационные сети и другие системы обработки информации, соответствующее оборудование, программное обеспечение и данные.

В индийском законодательстве нет конкретного определения термина «информационная система», однако Закон об информационных технологиях

2000 года определяет «компьютерную систему», как устройство или совокупность устройств, включая вспомогательные устройства ввода и вывода и исключая калькуляторы, которые не являются программируемыми и могут использоваться совместно с внешними файлами, которые содержат компьютерные программы, электронные инструкции, входные и выходные данные, которые выполняют логику, арифметику, хранение и извлечение данных, управление связью и другие функции [21]. Это определение подразумевает, что информационную систему можно рассматривать как компьютерную систему или сеть, которая обрабатывает, хранит или передает информацию.

В Австралии термин «информационная система» определен в Законе о конфиденциальности 1988 года как любая система или процесс, которые используются для сбора, хранения, использования или раскрытия личной информации [22]. Обозначенный термин включает в себя электронные и бумажные системы, а также любые другие средства обработки личной информации.

В Бразилии термин «информационная система» определен в Общем законе о защите данных (LGPD) как любой структурированный набор персональных данных, независимо от носителя или формата, используемого для хранения, включающий в себя электронные и физические системы, такие как базы данных, файлы и бумажные записи [23].

В Израиле термин «информационная система» определен в Законе о защите частной жизни (5741-1981) как любая система или комбинация систем, включая компьютеризированные системы, которые используются для сбора, хранения, обработки, извлечения или распространения информации [24].

Законодательство иных стран использует аналогичные подходы к определению термина «информационная система», в основной массе делая упор на обработку персональных данных.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что формирование самостоятельного правового регулирования вопросов использования информационных систем в зарубежных странах находится на стадии развития. Незначительное число стран приняло отраслевые правовые акты, регламентирующие вопросы информатизации. При этом принятые акты в основном посвящены защите информации при ее обработке. В большинстве стран правовая регламентация использования информационных систем содержится в актах, регламентирующих обработку персональных данных, а также в отраслевых актах, регламентирующих правоотношения с использованием конкретных информационных систем, например в сфере финансов.

Все подходы к рассматриваемой категории по итогам проведенного анализа можно разбить на две группы: подход с описанием данного термина через с описание процесса обработки данных, информации, подход с описанием объектов, осуществляющих обработку информации, данных. При этом второй подход также можно подразделить на простое перечисление объектов, осуществляющих обработку информации, и перечисление функциональных ролей обозначенных объектов в процессе обработки информации.

Изложенное выше позволяет сделать вывод об отсутствии универсального подхода к рассматриваемой категории и необходимости продолжения работ по формированию подходов к правовой сущности обозначенного явления и его законодательному закреплению.

Список литературы

1. Короткина, А.С. Информационные системы как объект права // Закон и право. 2022. № 5. С. 43-50.
2. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле: принят в г. Нью-Йорке 28.05.1996 - 14.06.1996 на 29-й сессии ЮНСИТРАЛ // Консультант-Плюс: сайт. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=INTvZdTCiVVjGYkC1&cacheid=C562C773E96102AFF545EFCE3A6111A7&mode=splus&rnd=UwNjA&base=INT&n=22925#NrRyjdTeG2JUb6jk> (дата обращения: 08.05.2023).
3. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах: заключена в г. Нью-Йорке 23.11.2005 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=INTvZdTCiVVjGYkC1&cacheid=54CCEB18459FBFA0B03805D50DE6D01E&mode=splus&rnd=UwNjA&base=INT&n=32545#x9YAkdt0x06dAKFn> (дата обращения: 08.05.2023).
4. Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, amending Regulation (EU) No 910/2014 and Directive (EU) 2018/1972, and repealing Directive (EU) 2016/1148 (NIS 2 Directive) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022L2555&from=EN> (дата обращения: 08.05.2023).
5. Directive 2013/40/EU of the European Parliament and of the Council of 12 August 2013 on attacks against information systems and replacing Council Framework Decision 2005/222/JHA // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32013L0040> (дата обращения: 08.05.2023).

6. Bundesdatenschutzgesetz vom 30. Juni 2017 (BGBl. I S. 2097) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bdsg_2018/BJNR209710017.html (дата обращения: 08.05.2023).
7. Loi n° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés // URL: <https://www.cnil.fr/fr/la-loi-informatique-et-libertes#:~:text=Article%201,-er&text=L'informatique%20doit%20être%20au,aux%20libertés%20individuelles%20ou%20publiques.> (дата обращения: 08.05.2023).
8. Italian personal data protection code. Legislative Decree no. 196 of 30 June 2003 // URL: <http://www.privacy.it/archivio/privacocode-en.html> (дата обращения: 08.05.2023).
9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 08.05.2023).
10. Personal data act (1998:2004), issued 29 April 1998 // URL: https://www.qcert.org/sites/default/files/public/documents/swe-privacy-personal_data_act-eng-1998.pdf (дата обращения: 08.05.2023).
11. Data Protection Act 2018 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents/enacted> (дата обращения: 08.05.2023).
12. United States Code, 2006 Edition // URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/USCODE-2011-title44/USCODE-2011-title44-chap35-subchapI-sec3502/summary> (дата обращения: 08.05.2023).
13. S.2521 - Federal Information Security Modernization Act of 2014 // URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2521> (дата обращения: 08.05.2023).
14. S.2588 - Cybersecurity Information Sharing Act of 2014 // URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2588/text> (дата обращения: 08.05.2023).
15. Security of Information Act (R.S.C.), 1985, с. O-5 // URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-5/> (дата обращения: 08.05.2023).
16. Cybersecurity Law of the People's Republic of China, passed November 67, 2016 // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (дата обращения: 08.05.2023).

17. The Personal Data (Privacy) Ordinance // URL: https://www.pcpd.org.hk/english/data_privacy_law/ordinance_at_a_Glance/ordinance.html (дата обращения: 08.05.2023).
18. Personal Data Protection Act 2012 // URL: <https://www.pdpc.gov.sg/overview-of-pdpa/the-legislation/personal-data-protection-act#:~:text=What%20is%20the%20PDPA%3F,Banking%20Act%20and%20Insurance%20Act.> (дата обращения: 08.05.2023).
19. The act on promotion of information and communications network utilization and data protection, established by Act No. 6360, Jan. 16, 200 // URL https://www.privacy.go.kr/cmm/fms/FileDown.do?atchFileId=FILE_000000000830762&fileSn=0 (дата обращения: 08.05.2023).
20. The Basic Act on Cybersecurity, act No. 104 of November 12, 2014 // URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3677/en> (дата обращения: 08.05.2023).
21. The information technology act, 2000, act № 21// URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1999> (дата обращения: 08.05.2023).
22. Privacy Act, 1988, No. 119, 1988 as amended // URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2014C00076> (дата обращения: 08.05.2023).
23. Brazilian Data Protection Law (LGPD), as amended by Law No. 13,853/2019 // URL: <https://iapp.org/resources/article/brazilian-data-protection-law-lgpd-english-translation/> (дата обращения: 08.05.2023).
24. Protection of Privacy Law, 5741 – 1981 // <https://www.gov.il/BlobFolder/legalinfo/legislation/en/ProtectionofPrivacyLaw57411981unofficialtranslatio.pdf> (дата обращения: 08.05.2023).

Куликова Кристина Александровна,
адвокат Центральной Свердловской
адвокатской конторы города Белгорода
(Белгород, Россия)

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПОЗИТИВНОГО АСПЕКТА ПРАВООЩИТНОЙ СФЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. На основе анализа положений Конституции России, теоретико-правовых, конституционно-отраслевых и нормативных источников выявлены признаки и сформулировано понятие правозащитной сферы ответственности Российского государства.

Ключевые слова: конституция Российской Федерации, конституционные обязанности Российского государства, права и свободы человека, конституционные ценности, юридическая ответственность, позитивная ответственность, правозащитная сфера ответственности Российского государства

«Ставить вопросы, решение которых дано в нормативных правовых актах, в зависимость от свободного усмотрения, презумпций и приоритетов по выбору государственных органов и должностных лиц – значит открыть путь к возможным антиконституционным и противозаконным действиям. Так выглядят сегодня многие акции, отвечающие курсу на сокращение и приватизацию государственных функций, ограничение вмешательства государства в экономику и т.д. При наличии подобных «трендов» очень важно не угодить в анархию...» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 495).

В действующем законодательстве, как и в юридической науке, на сегодняшний день не сложилось единства в понимании юридической ответственности как таковой.

Авторы, настаивающие на традиционном (ретроспективном, негативном) понимании юридической ответственности, рассматривают ее исключительно как следствие совершения правонарушения [1, с. 195, 2, с. 7], то есть как наказание [3, с. 19], меру государственного принуждения [4, с. 6], обязанность претерпевать лишения [5, с. 277], реакцию общества на правонарушение [6, с. 147], обязанность дать отчет за совершенное правонарушение [7, с. 4, 11, 16] и т.д.

Убеждены, что традиционное понимание юридической ответственности исключительно в негативном ее аспекте не способно передать всю сущность ответственности и значительно обедняет ее содержание.

Невозможно отрицать, что современные тенденции, среди которых укрепление принципов уважения человека, его прав и свобод, признание их высшей ценностью, вызывают к жизни новые правовые институты и наполняют новым содержанием традиционные институты права.

Институт юридической ответственности не может оставаться в стороне от общих процессов, и можно констатировать тот факт, что в настоящее время юридическую ответственность следует воспринимать как единство сразу двух аспектов – негативного и позитивного. По справедливому замечанию И.Н. Сенякина, «Традиционность понятия правовых явлений вовсе не означает их «вечности». Они ...развиваются, видоизменяются, наполняются качественно новым содержанием. Позитивная юридическая ответственность – объективный результат именно такой эволюции» [8, с. 8].

Особенно справедливо рассматривать институт ответственности с точки зрения единства негативного и позитивного аспектов, когда речь идет об ответственности Российского государства в правозащитной сфере.

Конституционные перспективы государственного строительства в Российской Федерации связаны с обретением качества правового государства. В юридической доктрине доказано, что правовое государство всегда восприимчиво к ценностям разумности, справедливости, законности [9, 10]. Такое государство подразумевает не только и не столько юридическое закрепление прав и свобод человека и гражданина, как всенепременное гарантированное их осуществление. Именно правовому государству свойственны такие роль и значение, когда оно является главным средством приведения общества к равновесию и благополучию.

Ввиду конституционного закрепления в ст. 1 качественной характеристики России как правового государства, весьма логичным и последовательным представляется конституционное закрепление в ст. 2 точного и недвусмысленного аксиологического подхода – ценностные приоритеты Российского государства установлены в пользу человека, его прав и свобод. При этом емкое положение ст. 2 Конституции России возлагает на Российское государство также обязанность признавать, соблюдать и защищать права человека, что свидетельствует в пользу серьезности взятых государством ориентиров [11].

Установление для государства обязанности в сфере прав человека, а именно признавать, соблюдать и защищать права человека, во всяком случае

предполагает установление ответственности – с этим общеизвестным фактом спорить невозможно.

Правозащитная сфера ответственности Российского государства не предусмотрена напрямую ни текстом Конституции, ни федеральным законодательством. В частности, анализ текста Конституции Российской Федерации показал, что в ней нет специальных положений, указывающих на правовую природу, условия и формы актуализации правозащитной сферы ответственности государства. Такая ответственность скорее выводима из содержания конституционных норм и норм действующего законодательства.

Представляется, что проблема правозащитной ответственности Российского государства в сфере прав человека может быть рассмотрена в двух плоскостях:

- правозащитная сфера ответственности Российского государства перед народом (населением) и личностью (человеком и гражданином);
- правозащитная сфера ответственности Российского государства за нарушение прав и свобод человека и гражданина.

Выявление двух аспектов при исследовании проблемы правозащитной сферы ответственности Российского государства не случайно и обосновывается следующим.

На ответственность Российского государства перед своим многонациональным народом и человеком указывают такие конституционные положения как, например, ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает первичность народного суверенитета по отношению к суверенитету государственному, что также подчеркивает ответственность государства перед своим народом. Кроме того, как следует из Преамбулы, именно многонациональный народ принял Конституцию, выступив тем самым своеобразным учредителем новой российской государственности. Именно поэтому государство ответственно перед народом.

Конституция Российской Федерации гласит, что наша страна – социальное государство (ч. 1 ст. 7), и определяет человека, его права и свободы «высшей ценностью» (ст. 2). По сути, этими положениями и определена правозащитная сфера ответственности государства перед человеком.

Таким образом, ч. 1 ст. 3 и ст. 2 Конституции России детерминируют правозащитную сферу ответственности Российского государства перед многонациональным народом и человеком, являются определяющими, а ст. 16 возводит их в ранг основ конституционного строя. Из этого следует, что правозащитная сфера ответственности Российского государства перед многонациональным народом и человеком первична, выступает его внутренним свойством, которое основывается на конституционных нормах и выражается

в надлежащем проведении политики в интересах личности и общества. Представляется, что в обозначенном аспекте правозащитная сфера ответственности Российского государства перед своим многонациональным народом и человеком является позитивной ответственностью.

Стоит отметить, что в юридической доктрине под позитивным аспектом юридической ответственности видится добросовестное (надлежащее) исполнение субъектами возложенных на них обязанностей. Однако ученый В.А. Василенко полагает, что позитивная ответственность такого субъекта как государство есть долг данного государства надлежащим образом исполнять обязанности, предписываемые ему нормами международного права, а также участвовать в создании новых норм, способствующих укреплению международного правопорядка [12, с. 27].

Представляется, что предложенный В.А. Василенко подход к пониманию позитивной ответственности государства необоснованно обращен только лишь к международному ее аспекту. Убеждены, что в связи с существованием в тексте российской Конституции вышеперечисленных норм (ст. 2, ст. 3, ст. 7, ст. 16), имеются все основания говорить не только об обязанности Российского государства исполнять нормы международного права, но прежде всего об обязанности России активно выполнять нормы собственного внутригосударственного законодательства. В этом свете представляется, что позитивная правозащитная сфера ответственности государства – это ценность конституционная.

Опираясь на принятый за основу подход, можно утверждать, что природа позитивной правозащитной сферы ответственности государства заключается в нормальном и активном выполнении им требований норм внутригосударственного и международного права в новом конституционном смысле.

Учитывая положения действующей Конституции Российской Федерации и доктринальные источники, попытаемся выделить характерные черты, присущие позитивной стороне правозащитной сферы ответственности Российского государства.

– Позитивный аспект правозащитной сферы ответственности России характеризуется чертой постоянства (перманентности). Применительно к позитивной ответственности государства в сфере прав человека черта постоянства определяется тем, что обязанность (долг) государства по надлежащему проведению политики в интересах личности и общества, нормальному и активному выполнению требований норм права существует всегда. Государство в лице уполномоченных органов и лиц обязано априори задумываться не только о законности, но и о правомерности каждого своего действия. Забота о надлежащем проведении политики в интересах каждого человека

должна ежеминутно определять смысл деятельности каждого должностного лица и государственного органа без исключения;

Поскольку Конституция Российской Федерации является постоянно действующим нормативным правовым актом, можно утверждать, что и позитивная сторона правозащитной сферы ответственности государства непрерывна и существует всегда.

– Позитивная сторона правозащитной сферы ответственности Российского государства характеризуется добровольной, а не принудительной формой исполнения обязанностей субъектами. Позитивную ответственность способно нести только такое государство, которое действительно намерено строго следовать правовым нормам и идеалам, неукоснительно их соблюдать, выполнять свои обязанности, функции добросовестно в настоящем и будущем. Невозможно заставить государство, к примеру, вести надлежащую политику в интересах общества или, к примеру, соблюдать и не нарушать свои международные договоренности. Если государство самостоятельно, т.е. добровольно, не выберет для себя исключительно законный путь, то любые попытки добиться противоположного будут тщетны.

– Позитивный аспект правозащитной сферы ответственности Российского государства имеет место в настоящем, но обращен в будущее. Характеризуя данную черту, стоит заметить, что позитивную ответственность нередко именуют перспективной, тем самым подчеркивая глубокое осознание субъектом своего долга, обязанности, своего поведения, добровольное желание действовать в строгом соответствии с нормами и правилами всегда. Позитивная ответственность – это положительная ответственность, которая отлична от негативной ретроспективной ответственности, распространяющейся только на деяния, имевшие место в прошлом.

– Позитивная часть правозащитной сферы ответственности государства характеризуется наличием механизмов, позволяющих контролировать субъектов, действующих от имени государства. С одной стороны, речь идет о возможности государства контролировать себя же путем создания контролирующих и надзорных органов. С другой – позитивная ответственность предполагает контроль государства со стороны граждан или международных органов.

– Правозащитная сфера ответственности в позитивном смысле инициативна и предполагает борьбу должностных лиц и всех публичных органов за права человека, за совершенствование внутригосударственных норм в этой сфере. П.Е. Недбайло [13, с. 50] справедливо указывает на то, что в содержание позитивной ответственности входит именно самостоятельная и

инициативная деятельность в рамках правовых норм и тех идеалов, для достижения которых эти нормы созданы.

– Позитивной юридической ответственности присущ признак нормативности, т.к. она основывается на правовых нормах российского законодательства и общепризнанных принципах и нормах международного права.

– Позитивная ответственность государства в сфере прав человека отвечает также признаку формальной определенности, т.к. она определяет рамки дозволенного самостоятельного и инициативного поведения государства, закрепленные в правовых нормах.

Учитывая вышеизложенное, под позитивным аспектом правозащитной сферы ответственности Российского государства следует понимать постоянное, добровольное и надлежащее исполнение государством (в лице его публичных органов и должностных лиц) самовозложенных на себя обязанностей, отраженных во внутригосударственных и международных нормах и состоящих в надлежащем проведении политики в интересах личности и общества в целом.

Следует обратить внимание на тот факт, что прогрессивное развитие законодательства и правовой теории юридической ответственности, а также государства и общества побудило правоприменителя и судебные органы акцентировать внимание именно на позитивную часть правозащитной сферы ответственности государства и лиц, действующих от имени государства в своих решениях, тем самым признавая ее наличие. В частности, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» [14] указано, что «Президент Российской Федерации, согласно Конституции Российской Федерации, является главой государства (статья 80, часть 1). В силу своего места в системе разделения властей Президент Российской Федерации в качестве главы государства определяет в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства (статья 80, часть 3), реализация которой возложена на Правительство Российской Федерации (статья 114, часть 1). Именно этим обусловлены полномочия Президента Российской Федерации по формированию Правительства Российской Федерации, определению направлений его деятельности и контролю за ней (статьи 83, пункты "а", "б", "в", "д"; 111; 112; 115, часть 3; 117 Конституции Российской Федерации), а также конституционная ответственность Президента Российской Федерации за деятельность Правительства Российской Федерации. Отсюда вытекает и роль Президента Российской Федерации в определении персонального состава Правительства Российской Федерации, в том

числе в выборе кандидатуры и назначении на должность Председателя Правительства Российской Федерации». Из приведенной в качестве примера выдержки из Постановления Конституционного Суда РФ однозначно следует, что буквальное толкование ряда статей Конституции РФ дает возможность говорить о существовании позитивной ответственности Президента РФ как главы государства.

В действующем законодательстве России также можно найти нормы, свидетельствующие о возложении ответственности в ее позитивном понимании на должностных лиц и государственных служащих. Так, п. 8 ст. 6 Федерального закона от 08 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [15] гласит о том, что глава органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления несет ответственность за создание предусмотренных настоящим Федеральным законом условий для осуществления полномочий депутата Государственной Думы и его помощников. Тем самым приведенная норма права на законодательном уровне закрепляет позитивную ответственность всех глав органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 06 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [16], оно руководствуется в ряду иных важных принципов принципом ответственности, что логично экстраполируется на подчиненные ему федеральные министерства и иные федеральные органы исполнительной власти.

Приведенные законоположения указывают именно на ответственность конституционных субъектов в позитивном аспекте, чем подтверждают сущностное наличие в правозащитной сфере ответственности Российского государства не только негативного, но и позитивного аспектов.

Список литературы

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001.
2. Корнилов А.Р. Правовые процедуры института юридической ответственности: Дис. ...канд.юрид.наук. – Н. Новгород, 2000.
3. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М.: Манускрипт, 1992.
4. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1971.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1971.

6. Лившиц С.З. Теория права. – М.: БЕК, 1994.
7. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов, 1973.
8. Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: Автореф. Дис. ...канд.юрид.наук. – М., 1995.
9. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
10. Мархгейм М.В. Конституционные принципы как интегральный фактор современного российского общества и государства // В сборнике: Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. С. 49-51.
11. Мархгейм М.В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3 (103). С. 24-31.
12. Василенко В.А. Ответственность государства за международные правонарушения. Киев, 1976.
13. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 2.
15. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 28.06.2014) «О статусе сенатора Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3637/
16. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/

Ласкавая Мария Анатольевна
аспирантка кафедры конституционного и
административного права юридического факультета ПГНИУ
(Пермь, Россия)

Научный руководитель
Аристов Евгений Вячеславович
заведующий кафедрой конституционного и административного права
юридического факультета ПГНИУ
доктор юридических наук, доцент
(Пермь, Россия)

КАК РАСПОЗНАТЬ ФЕДЕРАЦИЮ: ПРИЗНАКИ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И РОССИИ

Аннотация. Содержание статьи связано с проблемой определения федерализма и его структуры. Институт федерализма изучается с политической и юридической точек зрения. Рассматриваются основные признаки государств с федеративной формой территориального устройства. Представлены основные модели федерализма, классификации и виды федеративных государств.

Ключевые слова: федерализм, федеративное государство, модели федерализма, классификация федераций

«...требования юридических норм должны идти дальше должных действий, иметь в виду в конечном счете должный порядок. Высших своих целей право достигает не тогда, когда люди подчинены нормам, не отклоняются от их требований, но когда в обществе устанавливается должный порядок вещей, предначертанный и предписанный юридическими нормами» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. Монография. – М.: Норма, 2007. С. 555).

В феврале 2022 г. Российской академией наук был опубликован ежегодный социологический отчет, в котором россиянам задавали вопросы об их политических взглядах и отношении к происходящему. Среди прочего, в опросе были представлены суждения респондентов о жизни в стране в категории опроса «Запрос на федерализм»: 40% из числа опрошенных граждан считают, что основная задача федерального центра — решить свои проблемы за счет регионов России, при этом лишь 10% граждан России думают,

что «центр» проводит политику в интересах регионов; 50% респондентов затруднились с ответом. Представленные результаты социологического исследования являются весьма показательными, с одной стороны, и, оправданными, с учетом сложности концепции федерализма как такового, с другой.

Американский социолог и политолог, один из ведущих специалистов по вопросам федеративной государственности и федералистами практикам Даниэл Элазар называл федерализмом сочетание самоуправления и долевого правления через конституционное соучастие во власти на основе децентрализации [1, с. 106]. Имеется в виду, что субъекты Федерации осуществляют проведение внутренней (региональной) политики *самостоятельно*, с одной стороны, и, с другой стороны, имеют и оказывают влияние на федеральную политику для обеспечения своих интересов. Данная концепция строится на общем представлении о децентрализации и суждении о том, что региональная власть «на местах» является более чувствительной к сложившемуся политическому и социо-культурному климату в определенном регионе, а потому лучше распознает запросы соответствующего региона и граждан государства, проживающих на его территории.

Важно подчеркнуть, что при оценке современного государственно-политического устройства большинства развитых и развивающихся стран мира сложно переоценить значимость и популярность принципа децентрализации, причем не только тех, которые формально считаются федерациями. Разница лишь в том, что при унитарной форме территориального устройства к данному принципу можно обращаться «время от времени», специально для решения определенных задач *ad hoc* с учетом сложившейся конъюнктуры, в то время как в государствах с федеративной формой устройства территории, принцип федерализма и децентрализации в теории защищается Конституцией и является базисом, на котором строится вся политико-правовая жизнь страны. Именно формальное закрепление данного принципа в федеральной Конституции и декларирование отношений «центр-регионы» является важнейшим признаком федеративного государства, который выделяют сегодня большинство исследователей.

Второй признак – наличие в государстве хотя бы двух уровней власти (центрального и регионального), причем у регионального должна быть хотя бы одна функция, находящаяся в его исключительном ведении.

Третий признак – наличие структур, обеспечивающих представительство субъектов Федерации в решении общефедеральных вопросов. Чаще всего такой структурой является вторая (нижняя) палата в сенате (парламенте). При этом сенаторы являются представителями конкретного региона и должны быть независимы от федеральной власти.

Четвертый признак – наличие в государстве независимой третьей инстанции – суда, который наделен полномочиями разрешать споры между федеральным центром и его субъектами. Обычно такую роль выполняет специальный Конституционный суд.

Пятый признак является развитием первого и заключается в том, что взаимоотношения органов власти различных уровней выстраиваются на основе *формальных правил*. То есть само построение федерализма осуществляется не на основе неформальных договоренностей между политическими акторами и субъектами власти, а является системой институтов и формально закрепленных правил.

На сегодняшний момент в мире существует свыше тридцати федераций [2, с. 352], статус и основы федерализма которых закреплены в их федеральной Конституции. К федерациям себя относят семь из восьми крупнейших государств мира и девять из двадцати крупнейших экономик мира [3]. В оба эти списка входит Россия, федеративное устройство которой формально закреплено в Конституции. При этом федеративная модель территориального устройства государства по историческим меркам является относительно молодой: самая старая на сегодня федерация – это Соединённые Штаты Америки (1787 г.).

Хотя федерация была выбрана отцами-основателями в качестве модели территориальной организации США не сразу, тем не менее, именно федеративная структура воспринималась ими как система сдержек и противовесов, которая защищала от узурпации власти авторитарным диктатором. Важно подчеркнуть, что изначально федерализм воспринимался не просто как способ прийти к компромиссу между отличающимися между собой территориальными единицами в границах государства или даже сделать государственное управление эффективнее – федерализм был призван защищать страну от диктатуры [4, с. 332].

По аналогии с набирающей популярность в том же столетии идеей Джона Локка и Шарля Луи де Монтескье о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную, которая делала это как бы «по горизонтали», федерализм в понимании А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея был призван делать это «по вертикали». Так, в XVIII-XIX в.в. в США установилась система, при которой полномочия федерального центра и субъектов были жестко определены и почти не пересекались, два уровня власти были суверенны в различных сферах ответственности [5, с. 8]. Такая система федерализма в американской научной мысли получила название *layer-cake federalism* («федерализм слоеного пирога», «дуалистический федерализм», «федерализм равновесных федеративных отношений»).

Позднее, в результате экономических кризисов и заимствования опыта плановой экономики, в том числе у СССР, в американской политической мысли появилась теория *marble-cake federalism* («федерализм мраморного пирога»), в котором слои перемешаны между собой, «кооперативный федерализм»). К. Джиллсон определяет кооперативный федерализм как «федерализм середины XX в., в котором практически все функции ответственности разделены между национальным, государственными и местными правительствами» [6].

Наконец, в конце XX в. США выработали доктрину *competitive federalism* (конкурентный федерализм), который предполагает конкуренцию как между регионами и федерализм центром, так и конкуренцию регионов между собой в отношении проведения экономической политики, привлечения инвестиций, повышения благосостояния граждан.

Именно эти три исторические типы американского федерализма стали основными теоретическими моделями для исследования федерализма и в других странах.

Несмотря на вполне очерченный круг основных признаков отнесения того или иного государства к федерации – современные федерации являются весьма разнообразными и имеют ряд иных классификаций.

Так, в теории федерализма различают *симметричные* и *асимметричные* федерации. Симметричной является федерация, в которой все субъекты обладают равным статусом (Германия, США). Асимметричной же является федерация, составные субъекты которой различаются по своему юридическому статусу (Индия, Российская Федерация).

По порядку возникновения также выделяются несколько видов федераций. Бывшие империи или унитарные государства как правило становятся федерацией путем принятия новой конституции, в результате чего они становятся *конституционными* федерациями (так федерацией стала Бразилия после получения независимости от Португалии). В случае, когда федерацию образуют государства ранее независимые посредством заключения договора — такие федерации называются *договорными* (Швейцария).

Еще один способ протипировать федерации связан с их этническим разнообразием. Если государство этнически однородно и представители национальных меньшинств не проживают на одной конкретной территории, а равномерно расселены по всей стране, то такая федерация может называться образованной по *территориальному принципу*, в которой субъекты будут создаваться без привязки к какой-либо этнической группе (Австрия).

В случае, если общество является многосоставным и в стране проживет много этносов, то в этом случае федерализм становится способом обес-

печения необходимого представительства национальным меньшинствам и в таком случае субъекты федерации создаются в зависимости от этноса, проживающего на той или иной территории – такие федерации являются образованными по национальному принципу (бывшая Югославия).

В ситуации, когда федерацию составляют субъекты, образованные и по территориальному, и по национальному принципам – федерация называется *смешанной* (Российская Федерация).

Таким образом, универсальный «рецепт» федерации в теоретическом и практическом измерении отсутствует. Каждая федерация уникальна, что, в свою очередь, очень усложняет проведение их сравнительного анализа. Однако в любой федерации должны быть соблюдены пять условий, которые были выделены выше в результате обобщения исследований ученых по данной теме.

Список литературы

1. Элазар Д.Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106-115.
2. Галямов В.Ш. Современные федерации и их особенности // Скиф. 2019. №5-2 (33).
3. Все федерации мира // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1770387> (дата обращения: 7.05. 2023).
4. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: Пер. с англ. // Под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. М.: Издательская группа “Прогресс – Литера”, 1994. 592 с.
5. Пешина Э.В., Стрекалова А.А. Модели взаимодействия национального, субнационального и местного уровней управления в зарубежной научной мысли федерализма // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. №1 (6). С. 8.
6. Jillson C.C. American government: political change and institutional development [e-resource] // Cal Jillson. 4th ed. Taylor & Francis Group, LLC. 2008. 521 p. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.slideshare.net/nurputridp/cal-jillson-american-government-political-change> (дата обращения: 8.05. 2023).

Мельников Павел Алексеевич,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВКЛАД УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТУ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация. В статье представлен анализ правового регулирования и практики деятельности Уполномоченного по права человека в Российской Федерации на предмет выявления его роли в защите избирательных прав граждан. Итоги осуществленного исследования позволили констатировать наличие двойственного характера в деятельности Уполномоченного по права человека в Российской Федерации в аспекте разрешения субъективных прав и выявления законодательных пробелов.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, защита, избирательные права, доклад, законодательство, правовые пробелы.

«На стадии законодательства, как и правотворчества в целом, политические решения предшествуют юридическим, политика в различных формах прокладывает путь праву. К этому можно относиться как угодно, но именно таким путем вырабатываются конституции, конституционные, органические и избирательные законы, нормативные акты и нормативные договоры, регулирующие порядок организации и лиц. Это те самые интересы, которые выделить из общей массы, а тем более, перечислить, поименовать в законе невозможно, так же, как и придать каждому из них собственное юридическое качество» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 373).

Исследователи в области защиты прав человека неоднократно обращали внимание научного сообщества на ценность института омбудсмана в Рос-

сии. Более близкое ознакомление с правовым регулированием и практикой деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее по тексту – Уполномоченный) позволило и нам убедиться в ее необходимости и востребованности.

Конституция Российской Федерации и Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», как основные конституционные акты в затронутой теме, устанавливают правовой статус Уполномоченного. В то же время легальной дефиниции этого должностного лица нет.

В конституционной науке наиболее общее определение предлагают М.С. Матейкович и И.С. Романчук, понимая под Уполномоченным должностное лицо с особой компетенцией в сфере контроля за соблюдением прав и свобод человека, защиты личности от несправедливых действий (бездействия) публичной власти [1, с. 46]. Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях относит Уполномоченного к конституционному органу, учрежденному в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами [2]. Следует отметить, что оба толкования не исключают, а наоборот – дополняют друг друга.

Что касается непосредственной деятельности Уполномоченного, то следует обратиться в первую очередь к ст. 3 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», в которой закреплено: «Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод» [3]. Полагаем, логично установление законодателя развивает А.Л. Сниткова, утверждая о способности Уполномоченного совершенствовать работу этих органов в данной области, а выявлять имеющиеся недостатки и проблемы, в том числе связанные с действием или бездействием тех или иных органов и должностных лиц [4, с. 23].

Востребованность работы Уполномоченного и его аппарата прослеживается в обращениях граждан о защите своих прав, по результатам реагирования на которые представляется ежегодный доклад. В указанном документе, в частности, приводятся статистические данные по поступающим и разрешенным обращениям в различных сферах жизни общества, достигнутые Уполномоченным результаты по защите прав граждан, а также предлагаемые меры по совершенствованию законодательства. Как верно пишет

А.Е. Новикова: «Поступающие к Уполномоченному обращения граждан свидетельствуют о том, что несовершенство федеральных законов, их несоответствие международным обязательствам Российской Федерации, равно как и изъяны в правоприменительной практике, могут служить причиной нарушения прав и свобод человека» [3, с. 164].

Заслуживает внимания позиция Уполномоченного по правам человека в городе Санкт-Петербурге в отставке А.В. Шишлова, который отводит работе уполномоченного по защите избирательных прав приоритетное значение, так как от возможности реализовать конституционное право на участие в управлении делами государства, от возможности влиять на действия органов власти во многом зависит и реализация самых разных прав человека. При этом политический характер избирательного процесса, по мнению автора, требует от омбудсмана особой тщательности и взвешенности при выражении своей позиции, гарантирующей отсутствие партийно-политических предпочтений, ангажированности по отношению к баллотирующимся участникам выборов и их результатом на выборах [6, с. 159]. С этим нельзя не согласиться, ведь вышесказанное полностью соотносится с предписанием ст. 11 базового федерального конституционного закона об Уполномоченном не заниматься политической деятельностью, не быть членом политической партии или иного общественного объединения, преследующего политические цели [3].

Результаты деятельности Уполномоченного и его аппарата по защите избирательных прав освещаются в ежегодных докладах в рамках отдельной рубрики – право избирать и быть избранным (в 2021 году – избирательные права граждан). Надлежит выделить несколько показательных примеров из их практики.

В докладе за 2020 год приводился случай с неправомерным ограничением пассивных избирательных прав кандидатов от одной из политических партий, который выразился в ограничениях доступа к телевизионным эфирам, запретах встреч с избирателями, отказах в регистрации в качестве кандидатов, в силу чего 18 региональных отделений обратились с коллективными жалобами к Уполномоченному. В целях проведения проверки изложенных в жалобах фактов были направлены обращения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и Центральную избирательную комиссию Российской Федерации. Как результат – 15 из 19 кандидатов восстановлены в своем статусе [7].

В докладе за 2018 год приводилась проблема с реализацией пассивных избирательных прав граждан, в отношении которых избирается мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, ввиду отсут-

ствия законодательно закрепленных правовых механизмов и наличия значительных ограничений. По мнению Уполномоченного, для ее устранения необходимо урегулировать порядок нотариального удостоверения документов в связи с участием в выборах в качестве кандидата [8].

В докладе за 2017 год поднимался вопрос об отсутствии механизма обратной связи между субъектами законодательной инициативы и Уполномоченным в случаях внесения последним своих предложений. По мнению Уполномоченного, первоначальными мерами по устранению этого пробела могут служить, во-первых, закрепление в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации обязанности отражать предложения Уполномоченного в заключениях профильных комитетов на законопроекты, во-вторых, введение экспертизы Уполномоченным комплексных законопроектов в сфере прав и свобод человека и гражданина, направление экспертного мнения для приобщения к законопроекту и обязательного учета при его рассмотрении [9].

Обозначив несколько примеров из практики деятельности Уполномоченного и его аппарата, уместно мнение А.И. Кашиной о весомом вкладе в процесс совершенствования законодательства Российской Федерации их активной информационной деятельности [10, с. 40].

Таким образом, следует признать – вклад Уполномоченного Российской Федерации в защиту избирательных прав аргументированно признан. Можно констатировать, что он носит двойственный характер: с одной стороны, Уполномоченный способствует разрешению индивидуальных споров, с другой – акцентирует внимание на изъянах российской правовой системы.

Список литературы:

1. Матейкович М.С., Романчук И.С. Уполномоченные по правам человека в механизме судебной защиты прав и свобод // Журнал российского права. 2020. №11. С. 45-57.
2. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2004 г. № 437-О, от 26.10.2017 г. № 2481-О // Документы опубликованы не были; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.04.2023).
3. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.
4. Сниткова А.Л. Определения Конституционного Суда Российской Федерации в деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: конфликт интересов // Конституционное и муниципальное право. 2009. №14. С. 23-27.

5. Новикова А.Е. Российский омбудсмен в процессе совершенствования законодательства о правах и свободах человека и гражданина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 164-169.
6. Шишлов А.В. Соблюдение избирательных прав граждан имеет особую специфику // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4. С. 159-162.
7. Ежегодный Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год от 1 апреля 2021 г. // Документ опубликован не был. СПС «Гарант» (дата обращения: 29.04.2023).
8. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год // Российская газета. 2019, 11 июня.
9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. 2018, 17 апреля.
10. Кашина А.И. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 38-41.

Михалев Антон Евгеньевич

аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Нифанов Алексей Николаевич

профессор кафедры конституционного и международного прав
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ СУДОВ В РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы переименование судов в России, являющаяся актуальной для многих городов страны. Из-за изменений названий районов и отсутствия последующих изменений названий судов возникают несоответствия названий судов и районов, в которых суды находятся. На данный момент в законодательстве процедура переименования судов не закреплена, но существует различная практика таких переименований. На основе анализа предыдущих изменений, приводятся приме-

ры успешных переименований судов, особенности этих переименований и издержки такой процедуры.

Ключевые слова: суд, судебная система, переименования судов, переименование районов.

«Считают, что судебская дискреция также предполагает полнейшую юридическую определенность. Дискреционные действия судей и судов связаны с нормами и принципами права, поэтому в судебном усмотрении не должно быть ничего произвольного, непостоянного, неограниченного. Допуская широкую судебскую дискрецию, закон не потакает прихотям судей, но легитимирует практику принятия судебных решений на базе фактов и с учетом юридических норм, беспристрастных решений о том, что является справедливым и правильным в данных обстоятельствах» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 287).

Названия районных судов зависят от названия района, в котором находится суд, так что большая часть судов именуется от названия населенного пункта. Но в крупных городах, имеющих больше одного районного суда, наименование суда зависит от внутригородского деления. Из-за изменения внешних обстоятельств изменяются и названия территориальных единиц города, но названия судов остаются прежними. Несоответствие названий судов и районов населенного пункта приводит к путанице и ошибкам при выборе территориальной подсудности.

Так в Государственную думу парламентом Чеченской республики был внесен законопроект “О переименовании районных судов города Грозного Чеченской Республики” [1]. Ранее в результате решения Грозненской городской Думы переименованы все районы города Грозного: Ленинский район – в Ахматовский, Октябрьский район – в Байсангуровский, Старопромысловский район – в Висаитовский, Заводской район – в Шейх-Мансуровский [2]. Логичным продолжением смены названий являлось переименование районных судов, чьи названия были основаны на названии районов. Данный законопроект был принят без существенных изменений и стал Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 61-ФЗ «О переименовании районных судов города Грозного Чеченской Республики» [3].

В пояснительной записке к законопроекту ссылаются на ранее успешное переименование пяти окружных военных судов. Например, Ленинградский окружной военный суд – в 1-й Западный окружной военный суд, Московский окружной военный суд – во 2-й Западный окружной военный суд,

Северо-Кавказский окружной военный суд – в Южный окружной военный суд и так далее [4, п. 6, ст. 1].

В качестве отличительных особенностей этих переименований следует выделить, что данные изменения были частью обширной реформы военных судов и не были основаны на изменении названий населенных пунктов, на основе которых было основано название судов. При этом данные суды не изменяли свою территориальную подсудности, а лица, назначенные на день вступления в силу Федерального закона на должности председателей, заместителей председателя и судей окружных военных судов, продолжили замещать эти должности без переназначения. Авторы законопроекта о переименовании судов г. Грозного справедливо ссылаются на данную успешную процедуру переименования судов.

Конечно, существуют и другие примеры переименований судов, но в силу своих особенностей они отличаются от рассматриваемых нами выше. Так переименованием можно считать изменения в 2003 году названий районных судов г. Москвы, у которых было убрано слова «муниципальный» и названия округов. Так «Бабушкинский межмуниципальный (районный) народный суд Северо-Восточного административного округа города Москвы» поменял название на «Бабушкинский районный суд города Москвы» [5]. Особенностью этих изменений было создание новых судов, а также изменения территориальной подсудности большинства судов, относительно их предыдущих версий. К тому эти изменения происходили до принятия современного нам Федерального конституционного закона от 07 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [6]. На данном примере мы видим возможность переименования судов через их упразднение и создание новых судов.

Проблема, связанная с названиями судов, стоит в г. Белгороде. В 1993 были упразднены Октябрьский и Свердловский городские районы Белгорода, а на их месте были образованы Западный и Восточный городские округа. Но названия судов в городе остались прежними. То есть для г. Белгорода является актуальным переименования районных судов.

Если мы обратимся к действующему законодательству о судах общей юрисдикции в Российской Федерации, в котором не закреплен механизм переименования судов, в котором разгуляются вопросы, касающиеся создания, упразднения, а также организации деятельности федеральных судов общей юрисдикции, в том числе районных судов, то мы не найдем возможности изменений названий судов и соответствующего механизма [6].

Кроме того, при изменении названия суда возникает вопрос относительно кадрового состава суда. Естественно, что при изменении названия и

территориальной юрисдикции суда может меняться состав работников суда, так как изменяется количество населения, способного обращаться в данный суд. При простом же изменении названия суда состав населения и территориальная юрисдикция остаются прежними, а, следовательно, отсутствуют причины кадровых изменений. Однако законодатели отдельно отмечают сохранение прежнего состава суда после переименования [3, п. 2 ст. 2]. Это может быть связано с отсутствием регламентируемой процедуры переименования судов в федеральном законодательстве, но присутствии норм о процедуре наделения полномочий новых судей [6, ст. 13]. Как нам кажется, чтобы не усложнять процесс переименования и сохранить непрерывность работы суда, законодатели указали на сохранение кадрового состава суда и отказались от процедуры повторного наделения полномочий судей.

На основе вышесказанного предлагаем внести в Федеральный конституционный закон от 07 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» процедуру изменения наименований судов без изменения их подсудности и с возможностью сохранения прежнего состава суда. При этом данная процедура при каждом применении не должна реализовываться через принятие нового Федерального закона.

Данные изменения облегчат взаимодействие с соответствующими судами и уменьшит количество ошибок при выборе подсудности. И, кроме того, предотвратит возможную массовую волну новых законодательных инициатив об изменениях названий районных судов.

Считаем, что особенно важен отказ от механизма принятия новых федеральных законов о переименовании конкретных судов. Очевидна несоразмерность уровня принятия решения в изменении названий городских районов, которое находится в ведении муниципальных органов власти, и изменения названий городских районных судов, что находится сейчас в ведении палат Федерального Собрания.

Альтернативой предложенного выше изменения законодательства может быть принятие одного федерального закона с переименованием всех требуемых на данный момент судов по всей стране. Но это не решит проблему в будущем при несоответствии новых переименованных районов со старыми названиями судов.

Отметим, что правовое закрепление механизма позволит сменять названия судов не только при изменении названий районов внутри города, но и названий самих городов. Хотя практика переименования городов – административных центров перестала быть актуальной к началу 1990-х годов, до сих пор ведутся споры об изменении названия г. Волгограда. На территории города находится 8 районных судов, в названии которых есть прямое

упоминание г. Волгограда. Так что указанная нами выше процедура переименования судов в будущем облегчит переименования городов и судов внутри их.

Естественно, изменения названий судов повлечет за собой издержки, так как потребуется выделить денежные средства на изготовление новых гербовых печатей, штампов, наружных вывесок и стендов.

На основе вышесказанного, отметим, что существует проблема несоответствия названий районов городов и территориально привязанных к этим районам названий городских судов. Одно из таких несовпадений было решено с помощью принятия нового федерального закона, регулирующего только конкретный случай. На данный момент существует механизм переименования судов, при этом сама процедура не закреплена в законодательстве. При переименовании судов через отдельные федеральные законы изменяется название суда, сохраняется кадровый состав и возникают издержки на смену гербовых печатей, штампов, наружных вывесок и стендов.

Список литературы

1. Законопроект № 68965-8 О переименовании районных судов города Грозного Чеченской Республики // Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/68965-8> (дата обращения 26.04.2022)
2. Решение Грозненской городской Думы от 29 декабря 2020 года № 71 «О переименовании районов и внутригородских поселков города Грозного» // СПС Кодекс. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/574604007> (дата обращения 26.12.2022)
3. Федеральный закон от 18.03.2023 № 61-ФЗ «О переименовании районных судов города Грозного Чеченской Республики» //Официальный интернет-портал. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303180012> (дата обращения 26.04.2022)
4. Федеральный закон от 12.11.2018 № 403-ФЗ «О создании, упразднении некоторых военных судов и образовании постоянных судебных присутствий в составе некоторых военных судов» // Собрание законодательства РФ. 2018. №47. Ст. 7124.
5. Федеральный закон от 02.07.2003 N 88-ФЗ (ред. от 07.02.2011) «О создании и об упразднении районных судов города Москвы и о внесении изменения в статью 21 Закона РСФСР "О судоустройстве РСФСР"» // Собрание законодательства РФ. 2003. №27. Ст. 2702.

6. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. №7. Ст. 898.

Мокроусова Ксения Анатольевна,
аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель
Нифанов Алексей Николаевич,
профессор кафедры конституционного и международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ В СТРАНАХ СНГ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа текстов конституций стран СНГ в связи с выявлением в них подходов к многообразию территорий в государстве.

Ключевые слова: территория, административно-территориальные единицы, муниципальная территория, автономные образования.

«Должный порядок вещей, на который нацелено право, представляет собой сознательно сконструированное положение дел, рукотворную ситуацию... Правовые требования к определенному порядку опираются на предположение, что он может быть создан, изменен или отменен действиями субъектов права, которые основаны отчасти на прямых либо косвенных указаниях закона, отчасти на свободном усмотрении субъектов, чьими действиями устраивается порядок» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 556).

Исходя из сделанного А.Н. Нифановым обоснованного вывода об отсутствии в юридической науке унифицированного подхода к определению территории и предложенной им трактовки понятия «территория» [1, 24]¹, очевидны доктринальные усилия разработки единого понимания важнейше-

¹ Нифанов А.Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория: Автореф. дис. докт. юрид. наук. Белгород 2020. 50 с.

го государственного атрибута. Вместе с тем, иначе обстоят дела в легализованном конституционном формате. Так, в современной российской Конституции термин «территория» и образованные от него формулировки встречаются 61 раз, формализуя, в том числе, различные виды территорий [2]¹. Учитывая такое многообразие, интересен конституционный опыт зарубежных стран, в частности стран Содружества Независимых Государств, имеющих с Россией общие этапы исторического развития.

По итогам осуществленного анализа конституций стран СНГ нами выявлены следующие разновидности формализованных в них территорий [3]².

Итак, стандартной разновидностью является употребление в различных контекстах территории государства.

Например, ст. 11 Конституции Азербайджана с наименованием «Территория» фиксирует, что территория Азербайджанской Республики едина, неприкосновенна и неделима (ч. I). Схожи с приведенной ст. 9 Конституции Беларуси (территория Беларуси едина и неотчуждаема); ч. 1 ст. 3 Конституции Республики Киргизия (территория Кыргызской Республики в пределах ее границ целостна и неприкосновенна); ч. 1 ст. 3 Конституции Молдовы с наименованием «Территория» (территория Республики Молдова неотчуждаема); ст. 7 Конституции Республики Таджикистан (территория Таджикистана представлена неделимой и неприкосновенной).

В ст. 205 Конституции Армении речь идет о территории Республики Армения, изменение которой решается посредством референдумов.

В Конституции Казахстана территория Республики упоминается в связи с распространением на нее суверенитета.

Особенным образом отметим ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации, которая легализует в одной норме три разновидности территории – территорию Российской Федерации, территорию ее субъектов и федеральные территории.

Государства, в составе которых имеются автономные территориальные образования, легализуют их разновидность. Так, в ст. 134 Конституции Азербайджана, посвященной статусу Нахичеванской Автономной Республики, говорится о территории Нахичеванской Автономной Республики.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля; <http://duma.gov.ru/news/55446/>

² Анализ конституций стран СНГ осуществлен на основе их текстов, размещенных на интернет-ресурсе «Конституции государств (стран) мира» <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 15.04.2023 г.).

Аналогичного содержания норма имеется в Конституции Республики Таджикистан. В соответствии с ней Горно-Бадахшанская автономная область является составной и неделимой частью Республики Таджикистан.

Изменять границы территории Горно-Бадахшанской автономной области без согласия Маджлиса народных депутатов запрещается (ст. 81).

В ст. 87 Конституции Узбекистана говорится о об обязательности законов Республики Узбекистан на территории Республики Каракалпакстан.

Осуществленный анализ позволил выделить разновидность территорий административно-территориальных единиц. Так, в ст. 121 Конституции Армении административно-территориальными единицами Республики Армения названы марзы и общины. Соответственно, в Армении выделяют территории марз и общин, что подтверждает ст. 182, согласно которой Совет старейшин общины в установленном законом порядке принимает подзаконные нормативные правовые акты, которые подлежат исполнению на территории общины (ч. 3).

В Конституции Казахстана указаны административно-территориальные единицы, в рамках которых маслихаты, как местные представительные органы выражают волю населения (ч. 1 ст. 86).

Далее в ст. 84 уточняются разновидности территорий административно-территориальных единиц – территории области, территории городов республиканского значения и территория столицы (ч. 4). Разновидность иных административно-территориальных единиц легализована в ч. 5 ст. 87 Конституции Казахстана в контексте вопроса о выражении вотума недоверия акиму.

В Конституции Туркменистана также легализованы разновидности административно-территориальных единиц. В частности, территория Туркменистана подразделяется на велаяты, этрапы, города и другие административно-территориальные единицы (ст. 23).

Аналогичен подход в Конституции Узбекистана в ст. 83 зафиксировано, что Республика Узбекистан состоит из областей, районов, городов, поселков, кишлаков, аулов, а также Республики Каракалпакстан. В самой норме не используется термин «территория», но, полагаем, подразумевается, поскольку норма размещена в Главе XVI «Административно-территориальное устройство Республики Узбекистан».

В Конституции Таджикистана административно-территориальные единицы упомянуты в контексте полномочия полномочий Маджлиси милли (п. 1 ст. 56).

В рамках легализованных положений о местном самоуправлении также стандартно обособление данной разновидности территорий, как правило,

с помощью прилагательного «соответствующий». Здесь уместны примеры, когда закрепляются полномочия органов местного самоуправления на соответствующей территории. Это касается ст. 122 Конституции Беларуси (без поименованной разновидности территории отмечается, что местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы на основании действующего законодательства принимают решения, имеющие обязательную силу на соответствующей территории); ст. 79 Конституции Таджикистана (представительные органы и председатель в пределах своих полномочий принимают правовые акты, обязательные для исполнения на соответствующих территориях); ст. 113 Конституции Туркмении (Хякимы в пределах их полномочий принимают постановления, обязательные для исполнения на подведомственной территории). Заметим, что Конституция Туркмении оперирует термином «подведомственные территории».

Далее приведем иные подходы к легализации разновидности территорий в рамках местного самоуправления. Для примера, согласно ч. II ст. 150 Конституции Азербайджана исполнение акта, принятого муниципалитетом, обязательно для граждан, живущих на этой территории, и юридических лиц, расположенных на этой территории. Таким образом, речь идет о территории муниципалитета.

В Конституции Казахстана с местным самоуправлением сопоставляют территории, на которых компактно проживают группы населения (ч. 2 ст. 89).

В Кыргызской Республике местное самоуправление сопряжено с административно-территориальными единицами (ч. 2 ст. 111).

Конституция Российской Федерации в рамках главы о местном самоуправлении формализует многообразие территорий, выделяя территории муниципальных образований (ч. 1 ст. 131). Данная же норма в ч. 3 указывает на иные разновидности территорий: особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом.

В ходе анализа текстов конституций стран СНГ нами были обнаружены и оригинальные формулировки касательно территорий в государстве. В частности, в ст. 160 Конституции Армении представлен управленческий ракурс территорией. В статье с наименованием «Реализация территориальной политики Правительства» указывается, что Правительство реализует свою территориальную политику в марзах через марзпетов (ч. 1), а особенности территориального управления в Ереване устанавливаются законом (ч. 3).

В ст. 39 Конституции Туркменистана в контексте права свободно передвигаться и выбирать место жительства предусмотрены ограничения въезда на отдельные территории, передвижения по этим территориям могут устанавливаться только на основании закона.

Следующие оригинальные форматы легализации разновидностей территории связаны с Конституцией Российской Федерации. Так, в ее ч. 1 ст. 9 формализованы территории проживания народов.

Особо охраняемые природные территории фиксируются предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «д» ч. 1 ст. 72).

Категория «территории иностранного государства» легализована в ряде норм Конституции Российской Федерации в связи с установлением требований к реализации пассивного избирательного права. В частности, в ч. 3 ст. 77 сказано: Высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, не имеющий вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

Аналогичное требование есть и ч. 2 ст. 81 Конституции России, но есть дополнение и по иным разновидностям территорий. Так, требование к кандидату на должность Президента Российской Федерации об отсутствии у него гражданства иностранного государства не распространяется на граждан Российской Федерации, ранее имевших гражданство государства и постоянно проживавших на территории принятого в Российскую Федерацию государства или территории принятой в Российскую Федерацию части государства. Президенту Российской Федерации.

Подводя итоги осуществленного исследования, уточним, что в текстах проанализированных конституций имеются сопоставимые (стандартные) подходы к легализации многообразия территорий в государстве. Следует отметить наибольшее количество упоминаний территории в Конституции России – 61 раз и наименьшее число упоминаний в Конституции Молдовы – 5 раз. Как правило, стандартно разновидности территории опосредованы политико-территориальным устройством государства и наличием института местного самоуправления. В ходе исследования нами, кроме стандартных, также были выявлены оригинальные подходы к легализации территории в государстве.

Список литературы

1. Нифанов А.Н. Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория: Автореф. дис. докт. юрид наук. Белгород 2020. 50 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля; <http://duma.gov.ru/news/55446/>
3. Конституции стран СНГ // интернет-ресурс «Конституции государств (стран) мира» <https://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 15.04.2023 г.).

Стус Ангелина Алексеевна,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ: МНОГООБРАЗИЕ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В данной статье автором представлены результаты анализа наднациональных и государственных подходов к легализации статусно-правозащитных норм о животных; выявлены положительные и отрицательные практики.

Ключевые слова: животные, домашние животные, животный мир, бездомные животные, декларация, конвенция, конституция, закон.

«К числу юридических норм неординарного действия можно отнести те, которые рассчитаны на результаты непрерывной, целенаправленной деятельности субъекта права. Регулятивный эффект нормы связывается здесь не с упорядочением отдельной ситуации, единичного поступка или комплекса неоднократно воспроизводимых действий, а с упорядоченной

практикой в той или иной области юридических отношений, взятой как нечто целостное» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 617).

Важность правовой регламентации отношений, в которых задействованы животные связана с тем, что они «на протяжении веков использовались человеком для охраны и защиты жилища, помощи на охоте, транспортировки людей и грузов и прочих целей. В настоящее время, несмотря на развитие высоких технологий и информатизации общества, животные по-прежнему играют важную роль во многих сферах деятельности человека. Например, служебные животные используются правоохранительными органами для обеспечения безопасности различных объектов (аэропортов, вокзалов), выявления и предотвращения нелегального ввоза или вывоза различных предметов. Без животных невозможно представить себе сельское хозяйство, а многие люди содержат домашних животных в эстетических, культурных и рекреационных целях» [1, с. 158].

Следуя такой значимости указанных отношений международное сообщество, государства разрабатывают различные правовые подходы легализации статусно-правозащитных норм о животных. Если обращаться к универсальному международному уровню, то можно назвать Всемирную декларацию прав животных, принятую Международной Лигой прав животных 23 сентября 1977 г. в Лондоне. В преамбуле данного документа обозначено, что «все живые существа обладают своими естественными правами, и что любое животное, имеющее нервную систему, имеет особые права» [2]. Полагаем, легализация словосочетания «права животных» позволила в доктрине и практике использовать такой подход, хотя и небесспорный. В заявленной Декларации есть ряд положений об отношениях к животным:

- «животные не должны подвергаться плохому обращению или жестоким действиям (ч. 1 ст. 3);
- дикие животные имеют право жить и размножаться на свободе в их собственной естественной окружающей среде (ч. 1 ст. 4);
- любое животное, находящееся в зависимости от человека, имеет право на надлежащие уход и заботу (ч. 1 ст. 5);
- животное ни в коем случае не должно быть брошено или убито неоправданно (ч. 2 ст. 5);
- эксперименты на животных, вызывающие их физическое или психологическое страдание, нарушают права животных (ч. 1 ст. 6)» [2].

Если обратимся к региональному уровню, то здесь можно назвать подход Совета Европы, в рамках которого принята Европейская конвенция по

защите домашних животных [3]. В ее тексте даны дефиниции, в том числе, домашнего и бездомного животных.

В числе основных принципов благополучия животных легализованы следующие:

«1. Никто не имеет право причинять животному ненужной боли, страданий или ущерба.

2. Никто не имеет право бросать домашнее животное (ст. 3)» [3].

Заслуживают внимания положения ст. 4 рассматриваемой Конвенции, в соответствии с которыми

– «любой человек, содержащий домашнее животное или согласившийся за ним присматривать, должен нести полную ответственность за его здоровье и благополучие (ч. 1).

– Любой человек, содержащий домашнее животное или присматривающий за ним, должен обеспечить ему место для проживания, уход и заботу с учетом естественных потребностей и в соответствии с его породой и особенностями, в частности:

а) обеспечивать его в достаточном количестве подходящей ему пищей и водой;

б) удовлетворять его потребности в физической нагрузке;

в) принять все необходимые меры для предотвращения возможного побега животного (ч. 2)» [3].

На наш взгляд, также заслуживает внимания институциональный универсальный подход, выразившийся в создании в 1981 г. Всемирного общества защиты животных (далее – ВОЗЖ). Это международная зоозащитная организация, осуществляющая свою деятельность в более чем 150 странах мира, объединяя при этом почти тысячу организаций [4].

В целевом аспекте ВОЗЖ создаёт и поддерживает глобальное движение в защиту животных, считая, что благополучие животных должно быть ценно, и что с жестоким обращением должно быть покончено. Одна из важнейших задач организации – улучшить положение животных в мире, а также изменить отношение к ним в лучшую сторону.

Далее, переходя к государственному уровню, уточним, что в течение последних лет в России наметились позитивные тенденции статусно-правозащитной регламентации животных. В нашей стране особым образом охранялись только животные в дикой среде обитания, совокупность которых именуется «животным миром». Однако в 2016 г. в своем послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации отметил важность активного участия гражданского общества в решении таких задач, создание гуманной системы обращения с бездомными животными [5, с. 5].

Вопрос об обращении с животными был дважды затронут во время большой пресс-конференции Президента России Владимира Путина 23 декабря 2016 г. [6].

Спустя короткий промежуток времени, в декабре 2018 г. в России приняли Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым регулируются «отношения в области обращения с животными в целях защиты животных, а также укрепления нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными (ч. 1 ст. 1)» [7].

«Данный закон закрепил важные принципиальные положения, что обращение с животными основывается на нравственных принципах и принципах гуманности: животные – живые существа, способные испытывать эмоции и физические страдания; ответственность человека за судьбу животного; воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным; научно обоснованное сочетание нравственных, экономических и социальных интересов человека, общества и государства.

В целях охраны жизни животных законодательно запрещены контактные зоопарки, попытки заработать на жестоком обращении с животными, боях между ними. В соответствии с законом убить даже бездомного пса или кошку можно только в случае самозащиты или в целях избавления животного от мук, связанных с тяжелой болезнью» [8, с. 345-348].

Следующим шагом в легализации формирования ответственного отношения к животным стало внесение в 2020 г. в действующую Конституцию Российской Федерации важных поправок, одобренных посредством общероссийского голосования. Впервые на конституционном уровне оказалась закреплённой норма, направленная на защиту животных: Правительство Российской Федерации «осуществляет меры, направленные на формирование в обществе ответственного отношения к животным» (п. «е.5» ч. 1 ст. 114) [9].

Таким образом, контуры государственной политики в рассматриваемой сфере обозначены на различных регулятивных уровнях, включая конституционный. Однако, полагаем, пока преждевременны выводы об адекватности нового законодательства.

Уточним, что включение в конституционные нормы статусно-правозащитных положений о животных не является многочисленным.

Так, в Конституции Индии ст. 48 посвящена организации земледелия и животноводства. В ней говорится: «Государство стремится организовать

земледелие и животноводство на современной и научной основе и, в частности, принимать меры к сохранению и улучшению пород скота, запрещению убоя коров и телят, а также другого молочного и тяглого скота».

Уточним, что содержательно аналогична ст. 187 Конституции Бразилии, но сформулирована она в более лаконичном формате: «Сельскохозяйственное планирование распространяется на агропромышленную деятельность, на сферу животноводства, рыбной ловли и лесного хозяйства (Параграф 1)» [10].

В ст. 51А Конституция Индии формализована обязанность каждого гражданина страны проявлять сострадание к живым существам.

В Конституции Бразилии 1988 г. ключевой можем считать п. VII ст. 225, согласно которому «Охранять фауну и флору; в соответствии с предписаниями закона запрещается практическая деятельность, ставящая под угрозу экологические функции фауны и флоры, вызывающая их затухание или ведущая к жестокому обращению с животными» [11].

В ст. 45 Конституции Египта сказано, что «Государство защищать скот и рыболовство; защищать виды под угрозой исчезновения обязуется...предотвращать жестокое обращение с животными» [12]. При этом омонено, что все эти отношения регулируются законом.

В рамках данной работы представим и негативные примеры правотворческой функции государств в связи с легализацией статусно-правозащитных норм о животных. Так, в Иране «до настоящего времени животные воспринимаются как имущество; до сих пор не приняты нормы, прямо запрещающие жестокое обращение с животными, и не установлены нормативы по эксплуатации животных в сельском хозяйстве» [13, с. 138-143].

«Тяжелой остается ситуация с защитой прав домашних животных. Законодатель не только не пытается защитить их права, но и принимает законы, эти права ущемляющие. Ситуацию усугубляет религиозный фактор» [13, с. 138-143], поскольку «в фетве аятоллы Насера Ширази, сообщается о том, что в соответствии с исламскими нормами, собаки являются «нечистыми» животными [14].

Есть основания полагать, что ситуация улучшится, хотя планируемый к принятию в 2021 г. закон о защите прав животных, соответствующий мировым стандартам [15], так и не был принят.

Подводя краткие итоги проведенного исследования, уточним, что вопросами легализации статусно-правозащитных положений о животных озадачены на различных уровнях: универсальном, региональном и государственном. При этом, на уровне государства выявлена практика конституционного подхода формализации отношения государства, общества, личности

к животным. Кроме того, конституционные нормы получают дальнейшую конкретизацию в текущем законодательстве, что в целом, полагаем, позитивно влияет на ценностный и формализационный аспекты заявленных правоотношений.

Список литературы

1. Бабинцев И.И., Берзинь О.А., Шлягина Е.Н. Об особенностях определения правового режима животных // Российский юридический журнал. 2020. № 2(131). С. 158-167.
2. <https://volnistiki.ru/soderzhanie-i-ukhod/vsemirnaya-deklaratsiya-prav-zhivotnykh?ysclid=lh4kg2om7821966937> (дата обращения 03.04.2023 г.).
3. <https://rm.coe.int/168007a67d> (дата обращения 03.04.2023 г.).
4. <https://www.worldanimalprotection.org/> (дата обращения 03.04.2023 г.).
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 г. // Парламентская газета. 2016, 02-08 декабря.
6. Информационно-аналитические материалы к заседанию «круглого стола» на тему «О практике применения законодательства в сфере обращения с животными без владельцев», 23 января 2020 года. Самара, 2020.
7. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 07.10.2022 г.) // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424.
8. Стус А.А. Защита животных – новая конституционная обязанность личности // «Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт»: сборник трудов сорок пятой международной научно-практической конференции. Белгород: «ГиК», 2022. С. 345-348.
9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
10. <https://worldconstitutions.ru/?p=563> (дата обращения 03.04.2023 г.).
11. <https://worldconstitutions.ru/?p=563> (дата обращения 03.04.2023 г.).
12. <https://worldconstitutions.ru/?p=1013> (дата обращения 03.04.2023 г.).
13. Романовская В.Б., Завурбеков Ф.З., Безносова Я.В. Правовая защита животных в Иране: от Авесты до Билля о защите животных // Теория государства и права. 2021. № 2 (22). С. 138-143.

14. Pomeroy R. Iran cleric says dogs «unclean» and not to be kept as pets // Reuters. 2010 // <https://www.reuters.com/article/idUSTRE65I0M220100619>(дата обращения 03.04.2023 г.).

15. Bill on protection of animals brought before Majlis // <https://www.tehrantimes.com/news/439951/Bill-on-protection-of-animals-brought-before-Majlis> (дата обращения 03.04.2023 г.).

Хабиева Заира Докуевна,

соискатель кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Грозный, Россия)

Беляева Галина Серафимовна,

заведующий кафедрой административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье уделено внимание организационно-обеспечительным мерам оптимизации правоприменительного юрисдикционного процесса. Выявлены и охарактеризованы наиболее значимые организационно-обеспечительные меры в системе оптимизации юрисдикционного процесса, способные оказать позитивное воздействие на его эффективность и результативность в целях решения задач правосудия, соблюдения и защиты прав и свобод субъектов и участников указанного процесса.

Ключевые слова: юрисдикционный процесс, оптимизация, правосудие.

«Для юриста нормативный элемент в составе правового института есть нечто святое, он безотчетно верит в «творческий дух нормы». Он никогда не согласится принизить норму ради удобств и выгод, приобретаемых в сферах организации и поведения. Решение своих задач, так же как и изучение регулятивных процессор, юристы начинают с понятия нормы (правила поведения), полагая найти в нем начало, которое организует, упорядочивает, структурирует поведение людей» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2008. С. 450).

При непосредственном изложении вопроса об оптимизации юрисдикционного процесса следует за основу взять само понятие оптимизации. Так, по словарному определению, оптимальный (от лат. *Optimus*) – это наилучший, наиболее соответствующий определенным установлениям и задачам [1, с. 847]. Исходя из этого, оптимизацию исследуемого процесса возможно считать своеобразным понятием, включающим в себя совокупность определенных методов, свойств, средств, факторов и т.д., обеспечивающих позитивную обстановку, необходимые условия для получения запланированных результатов, в том числе, и для повышения эффективности указанного процесса.

Организационно-обеспечительные меры (мероприятия, деятельность), к числу которых относятся вопросы кадрового состава и его профессионализм, финансирование, обеспечение транспортом, жильем, помещениями, оргтехникой и т.д., – всего того, что обеспечивает и влияет на оптимизацию и повышение качества правосудия) играют важную роль в оптимизации правоприменительного юрисдикционного процесса. В этом плане справедливо такое мнение: «Правовая природа судопроизводства имеет две стороны: организационную и процессуальную. Процессуальная регламентация судопроизводства формирует условия для отправления правосудия. Однако нельзя умалять ценность и организационной составляющей» [2, с. 360].

На важность организационного фактора для эффективного процессуального регулирования указывает и М. Шрамкова: «Весьма существенной гарантией эффективности действия процессуально-правовых средств является организационный фактор. Его значение не следует недооценивать. Ведь нередко поставленные законодателем и участниками процесса цели не достигаются вследствие отсутствия тех или иных организационных гарантий» [3, с. 61]. Отсутствие реальных условий, обеспечивающих доступность правосудия, по мнению данного автора, – весьма опасное препятствие на пути защиты при помощи правовых средств прав и свобод человека. Отсутствие технических возможностей может стать причиной низкого качества проведения тех или иных следственных действий и мероприятий (осмотра места происшествия, экспертизы, обыска и др.).

В ряду мер организационно-обеспечительного характера оптимизации юрисдикционного процесса особое место следует отвести профессиональным (наряду с морально-нравственными) качествам его лидирующего субъекта – судьи: «Одним из определяющих звеньев в общей цепи обеспечения независимости суда является профессионализм носителей судебной власти. Только специалист высокой квалификации наряду с его современной правовой культурой и безупречными нравственными качествами в состоянии про-

тивостоять всяким давлениям и надежно защитить права и свободы граждан, интересы общества и государства» [4, с. 240].

В свою очередь, А.В. Аверин подчеркивает, что, «наряду с высокоморальными человеческими качествами юрист, желающий посвятить свою жизнь делу отправления правосудия, обязан понимать сущностную сторону этого сложнейшего вида юридической деятельности, для чего ему необходимо иметь хотя бы минимум научно-правовых знаний о проблемах, составляющих стержень истинно судейского менталитета» [5, с. 308].

Не возражая в целом такому суждению, вместе с тем, считаем, что для профессионального судьи недостаточно «минимума научно-правовых значений», он должен быть достаточно профессиональным для вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Таковы, на наш взгляд, наиболее значимые организационно-обеспечительные меры в системе оптимизации юрисдикционного процесса, способные оказать позитивное воздействие на его эффективность и результативность в целях решения задач правосудия, соблюдения и защиты прав и свобод субъектов и участников указанного процесса.

Список литературы

1. Новый энциклопедический словарь. М., 2000.
2. Аверин А.В., Гроза Ю.А. Правосудие и право. М., 2021.
3. Шрамкова М. Эффективность процессуально-правового регулирования в современной России: понятие и критерии оценки // Право и управление XXI век. 2014. № 2 (31).
4. Терехин В.А., Вершинин В.Б. Независимое правосудие как важный фактор становления гражданского общества // Правовые основы формирования гражданского общества в современной России: сборник трудов по материалам всероссийского научно-практического круглого стола. Пятигорск – Саратов – Москва, 2010.
5. Аверин А.В. Судебная достоверность: постановка проблемы. Владимир, 2004.

Шерстнев Валерий Николаевич,
аспирант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
(Москва, Россия)

Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна,
заведующий кафедрой конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ИНСТИТУТУ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа текстов решений Конституционного Суда Российской Федерации, в которых отражены различные подходы, конкретизирующие и дополняющие правовой статус присяжных заседателей; помимо концептуальных и правовых источников в формировании теоретико-отраслевых положений трансформации судеустроительного аспекта важна роль и эмпирических материалов, которыми и выступают решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, решение, практика, присяжные заседатели.

«Полное согласие с несовершенством существующего порядка вещей остановило бы прогрессивное движение общества, означало бы его застой, а потом и регресс. Кто говорит о том, что законодатель должен быть стратегом и прогнозистом, мудрым и прозорливым творцом новых форм жизни, обычно сталкивается со скептическими настроениями: мол, посмотрите на современных законодателей, многие ли из них могут стать таковыми? Но то, что присутствует в жизни, актуально, зримо представлено в ней, не есть конец развития; в принципе, все можно изменить и исправить, была бы добрая воля людей, необходимые силы и средства» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 750).

В ходе конституционных преобразований 2020 г., которым уделялось внимание с разных позиций [1, 2, 3], изменились и судоустроительные параметры в Российской Федерации.

Формируя конституционно-отраслевые положения, отражающие трансформацию судоустройства в Российском государстве [4, с. 159-164; 5, с. 172-175], надлежит учитывать не только концептуальные и правовые источники, но и практику. Уточним, что в широком содержательном смысле к судоустроительному аспекту нами отнесён институт присяжных заседателей. В этой связи, полагаем, уместен анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку, как следует из ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, эта судебная инстанция принимает решения, оценивая не только буквальный смысл подлежащих толкованию конституционных положений, но и смысл, придаваемый им сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе норм Конституции России [6].

В заявленном нами ракурсе уделено исследовательское внимание семи определениям Конституционного Суда Российской Федерации в хронологии с 2008 г. по 2022 г. Осуществленный анализ таких решений позволил установить ряд положений, конкретизирующих и дополняющих правовой статус присяжных заседателей.

Итак, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.09.2014 г. № 2048-О коррелируется осуществление в России правосудия только судом, в том числе с участием присяжных заседателей с базированием на общепризнанных мировым сообществом принципах справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах) [7].

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации уточняет, что «принципиальное требование беспристрастности суда распространяется как на профессиональных судей, так и на входящих в состав суда присяжных заседателей» [7]. В этой связи уголовно-процессуальное законодательства устанавливает: «отбор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного списков путем случайной выборки, а также ряд дополнительных гарантий обеспечения беспристрастности суда с участием присяжных заседателей, включая круг обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу; невключение в предварительный список кандидатов в присяжные заседатели лиц, которые в силу установленных федеральным законом обстоятельств не могут участвовать в рассмотрении уголовного дела в качестве присяжных заседателей; право сторон заявить моти-

вированный отвод присяжному заседателю, а также право подсудимого или его защитника, государственного обвинителя на немотивированный отвод присяжного заседателя, который может быть заявлен каждым из участников дважды; возможность сторон задать каждому из оставшихся кандидатов в присяжные заседатели вопросы, которые, по их мнению, связаны с выяснением обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении данного уголовного дела; роспуск коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава» [7, 8].

Конституционным Судом Российской Федерации подчёркивается взаимосвязь прав подсудимого с ограничением прав присяжных заседателей. На основе ст. 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и главы 42 этого Кодекса [9], Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что в них «не содержится положений, ограничивающих право подсудимого приводить доказательства и доводы, опровергающие позицию стороны обвинения, в том числе свидетельствующие о своей непричастности к преступлению, о совершении преступления не им, а другим лицом. Иное приводило бы к ограничению как права подсудимого опровергать обвинение, так и права присяжных заседателей исследовать обстоятельства уголовного дела и доказательства, необходимые и достаточные для разрешения вопросов, отнесенных к их полномочиям» [10]. Таким образом, очевидно, что ограничение процессуальных прав подсудимого привело бы к ограничению прав присяжных заседателей. Данную позицию Конституционный Суд Российской Федерации последовательно занимает с 2018 г. [11]

Далее отметим, что в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2022 г. № 895-О сопоставлена обязанность председательствующего судебного заседания с обеспечением выражения истинного волеизъявления присяжных заседателей при вынесении вердикта. Речь идет об обязанности, предусмотренной ст. 345 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой председательствующий обязан «при неясном или противоречивом вердикте указать на это коллегии присяжных и предложить им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист, поскольку, невыполнение данной обязанности влечет отмену оправдательного приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей» [12, 13].

В рассматриваемом Определении от 28 апреля 2022 г. № 895-О Конституционный Суд Российской Федерации также дал свой комментарий по поводу сокращения числа присяжных заседателей на уровне федерального закона, признав такое положение не нарушающим Конституцию России, по-

скольку она «не устанавливает количество заседателей в составе коллегии присяжных, а дифференциация процессуальных форм судебной защиты относится к полномочиям федерального законодателя» [12].

В ряде своих решений Конституционный Суд Российской Федерации интерпретировал в качестве дополнительной гарантии беспристрастности кандидатов в присяжные заседатели положения ст. 7 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» о том, что «граждане, включенные в список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования, исключаются из указанных списков исполнительно-распорядительным органом муниципального образования; граждане, включенные в список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели округа, общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации, исключаются из указанных списков высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в случаях выявления законодательно установленных обстоятельств, а равно подачи гражданином письменного заявления о наличии обстоятельств, препятствующих исполнению им обязанностей присяжного заседателя, в том числе если он является лицом, замещающим государственные должности или выборные должности в органах местного самоуправления» [14, 15].

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, формирование коллегии присяжных заседателей, удовлетворяющей требованиям законного, справедливого и беспристрастного суда связано с тем, что «председательствующий разъясняет кандидатам в присяжные заседатели их обязанность правдиво отвечать на задаваемые вопросы, а также представить необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками уголовного судопроизводства, после чего он опрашивает кандидатов в присяжные заседатели о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в рассмотрении уголовного дела. Кандидаты в присяжные заседатели в случаях выявления обстоятельств, которые препятствуют их участию в рассмотрении уголовного дела, во всяком случае не допускаются к исполнению обязанностей присяжных заседателей и подлежат исключению председательствующим из предварительного списка» [14, 16].

В своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации связал судебную защиту прав и свобод, а также право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом с их обеспеченностью законным формированием состава коллегии присяжных заседателей на основе случайной выборки из списков кандидатов. При этом, «формирование состава коллегии присяжных заседателей только тогда удо-

влетворяет требованиям закона, когда оно осуществляется на основе случайной выборки из списков кандидатов в присяжные заседатели. Иное оставляет сомнение в их беспристрастности» [17, 15, 18].

Подводя итоги данного исследования, уточним, что решения Конституционного Суда Российской Федерации расширили содержание правового статуса присяжных заседателей в следующих аспектах:

сокращения числа присяжных заседателей на уровне федерального закона;

взаимосвязи прав подсудимого с ограничением прав присяжных заседателей;

взаимосвязи судебной защиты прав и свобод, а также права на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом с их обеспеченностью законным формированием состава коллегии присяжных заседателей на основе случайной выборки из списков кандидатов;

сопоставлении обязанности председательствующего судебного заседания с обеспечением выражения истинного волеизъявления присяжных при вынесении вердикта и др.

Список литературы

- 1 Мархгейм М.В. Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29-32.
2. Мархгейм М.В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 66-72.
3. Мархгейм М.В. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 3 (103). С. 24-31.
4. Шерстнев В.Н. Отечественные конституционные трансформации института судебных заседателей // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – IX Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 28-29 апреля 2022 г.). Белгород, 2022. С. 159-164.

5. Шерстнев В.Н. Интерпретационные подходы Конституционного Суда Российской Федерации к судоустройству // Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 18 ноября 2022 г.). Белгород, 2022. С. 172-175.
6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2048-О // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
8. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2014 г. № 1811-О; от 17.11.2009 г. № 1446-О-О // Документы опубликованы не были; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.) // Российская газета. 2001, 22 декабря.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 г. № 895-О // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
11. Определения Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 г. № 2586-О, от 27.09. 2019 г. № 2267-О, от 25.11.2020 г. № 2634-О // Документы опубликованы не были; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
12. Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 г. № 895-О // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
13. Определения Конституционного Суда РФ от 02.07 2013 г. № 1052-О и от 26.03.2020 г. № 772-О // Документы опубликованы не были; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
14. Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 г. № 1445-О // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
15. Определение от 20.11.2014 г. № 2576-О // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
16. Определения Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 г. № 1478-О и от 29.05.2019 г. № 1218-О // Документы опубликованы не были; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).

17. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2008 г. № 357-О-О // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).
18. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 г. № 2715-О // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.04.2023 г.).

Ядуга Светлана Алексеевна,
консультант юридического отдела
департамента организационно-контрольной,
кадровой и правовой работы
министерства здравоохранения Белгородской области
(Белгород, Россия)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН БЕСПЛАТНЫМИ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ И МЕДИЦИНСКИМИ ИЗДЕЛИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых актов и практики их реализации с учетом региональных особенностей регулирования рассмотрены проблемы обеспечения граждан бесплатными лекарственными препаратами и медицинскими изделиями. Сделан вывод о целесообразности принятия соответствующего правового акта на федеральном уровне, закрепляющего одинаковые гарантии обеспечения граждан бесплатными лекарственными препаратами и медицинскими изделиями.

Ключевые слова: Конституция России, права и свободы человека, право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь, гарантии.

«В самом деле, правовые отношения, субъективные права и юридические обязанности являются категориями, которые обозначают крупные правовые институты, действующие там, где сходятся, пересекаются, перекрывают друг друга два уровня регулирования жизненно важных процессов: регулирование посредством интересов (потребностей, стремлений, намерений и т.п.) и посредством юридической нормы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 353).

Конституцией Российской Федерации установлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1]. В ценностном плане человек и его права рассматривались учеными с конституционных позиций [2, 3].

Полагаем, что непревзойденной самоценностью в этом плане являются жизнь и здоровье человека. Именно поэтому они требуют особой охраны со стороны Российского государства.

Каждый год законодатель в целях надлежащего оказания медицинской помощи издаёт или вносит изменения в стандарты оказания медицинской помощи, что позволяет совершенствовать качество оказываемой гражданам медицинской помощи, а соответственно улучшать и их здоровье.

Конституцией Российской Федерации установлено, что «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» (ч. 1 ст. 41).

Согласно подпункту 3 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] (далее – ФЗ № 323) «Медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг».

В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья (п «ж» ч. 1 ст. 72) [1].

Исходя из вышеуказанного положения Конституции Российской Федерации, а также положения ФЗ № 323 следует, что медицинская помощь, в том числе и лекарственное обеспечение граждан в рамках её оказания осуществляется бесплатно за счёт соответствующих средств, указанных в ч. 1 ст. 41 Конституции [1, 4].

Тем не менее, в ходе правоприменительной практики, в том числе и судебной, на территории Российской Федерации складывается диаметрально противоположная практика относительно трактования и применения положения ч. 1 ст. 41 Конституции во взаимосвязи с ФЗ № 323.

При оказании медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и территориальных программ государственных гарантий ее бесплатного оказания гражданам, не подлежат оплате за счет личных средств граждан назначение и применение лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, медицинских изделий, включенных в перечень медицинских изделий, имплантируемых в организм человека, компонентов крови, лечебного питания, в том числе специализированных продуктов лечебного питания, по медицинским по-

казаниям на основе клинических рекомендаций, и, с учетом стандартов медицинской помощи [4, ст. 80].

Указанные территориальные программы государственных гарантий утверждаются каждым субъектом Российской Федерации самостоятельно, а, следовательно, в рамках совместного ведения, в целях надлежащего обеспечения права граждан на бесплатное оказание медицинской помощи, ее объем, оказываемый за счёт средств субъекта Российской Федерации, будет различен.

Вышеуказанные различия в правовой регламентации объема оказываемой медицинской помощи бесплатно, на наш взгляд, исходя из буквального толкования ч. 2 ст. 19 Конституции, в соответствии с которой государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства, можно квалифицировать как противоречие Конституции.

Так, в настоящее время существует правовая коллизия относительно порядка обеспечения граждан, больных сахарным диабетом 1 или 2 типа, при отсутствии у них особого социального статуса – инвалида, которым оказана высокотехнологичная медицинская помощь за счёт средств обязательного медицинского страхования (далее – ОМС) в виде имплантации инсулиновой помпы, расходных материалов к ней (инфузионными наборами, резервуарами к инсулиновой помпе). Кроме того, несмотря на то, что на федеральном уровне Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2018 года № 3053-р установлено, что именно относится к расходным материалам к инсулиновой помпе, в судебной практике встречается иная точка зрения – «расширительного» толкования понимания расходных материалов к инсулиновой помпе.

Министерство здравоохранения Российской Федерации в своих Рекомендациях также отмечает, что отдельные категории граждан, включая инвалидов и детей-инвалидов, в соответствии со статьей 6.1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [5] имеют право обратиться за предоставлением набора социальных услуг, включающего обеспечение необходимыми медицинскими изделиями по рецептам на медицинские изделия за счет средств федерального бюджета, а ОИВС вправе в рамках территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи включить расходные материалы к инсулиновой помпе в перечень медицинских изделий, отпускаемых населению по рецептам врачей бесплатно [6].

Так, истец обратилась в Октябрьский районный суд г. Белгорода с требованиями к органу исполнительной власти субъекта России (далее – ОИВС) и медицинской организации, в которой проходит лечение с требованиями об

обязании ОИВС обеспечивать выдачу ей рецептов на бесплатное получение расходных материалов к инсулиновой помпе. Суд первой инстанции, рассмотрев данные исковые требования, исходя из имеющейся в материалах гражданского дела медицинской документации, решил отказать в удовлетворении исковых требований [7]. Истец, не согласившись с указанным решением суда первой инстанции, обратилась в Белгородский областной суд с апелляционной жалобой. Апелляционным определением Белгородского областного суда решение Октябрьского районного суда г. Белгорода было отменено: судом апелляционной инстанции было установлено, что, несмотря на отсутствие у истца специального социального статуса, исходя из системного толкования действующего законодательства Российской Федерации, у истца наличествует право на получение государственной социальной помощи в виде бесплатного обеспечения расходными материалами к инсулиновой помпе [8].

На наш взгляд, указанный подход законодателя не позволяет надлежащим образом реализовывать гарантии бесплатного оказания медицинской помощи на территории России, а также обеспечивать равные права граждан в области здравоохранения.

Так, в ходе анализа территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи (далее – территориальная программа) в 3 субъектах России и городах федерального назначения в центральном федеральном округе: Москва, Санкт-Петербург, Белгородская область, Курская и Воронежская области, установлено, что право получения лицам, страдающим сахарным диабетом, которым в рамках лечения была оказана высокотехнологичная медицинская помощь в виде имплантации и установки инсулиновой помпы, предусмотрено только в Москве, в остальных рассмотренных субъектах России и городе федерального значения такое право гражданам, проживающим на их территории не предусмотрено:

- в территориальной программе установлено право граждан (независимо от наличия особого социального статуса) получать расходные материалы к инсулиновой помпе бесплатно: Москва (при этом территориальной программой также установлено, что детям из числа жителей города Москвы, страдающим сахарным диабетом 1 типа, осуществляется назначение и бесплатный отпуск сверх утвержденного Правительством Российской Федерации перечня медицинских изделий, медицинскими изделиями для проведения мониторинга уровня глюкозы в интерстициальной жидкости (сканер (датчик/сенсор) системы чрескожного мониторинга уровня глюкозы в интерстициальной жидкости) [9];

- в территориальной программе отсутствует право граждан получать расходные материалы к инсулиновой помпе бесплатно: Белгородская область [10], Воронежская область [11], Курская область [12], Санкт-Петербург [13].

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным сделать вывод о том, что, несмотря на конституционно закрепленное равенство всех лиц, находящихся на территории Российской Федерации, независимо от их места жительства, на гарантированное Конституцией право граждан на бесплатное оказание медицинской помощи, гарантии, помимо утверждённых на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации могут быть «расширены» (поскольку исчерпывающий перечень отсутствует).

Вышеуказанное, на наш взгляд, представляет собой правовую коллизию, которые суды при поступлении исковых заявлений о взыскании денежных средств, затраченных на приобретение расходных материалов к инсулиновой помпе и об обязанности обеспечивать ОИВС в сфере здравоохранения данными расходными материалами, исходят из того, что, в случае установки гражданам инсулиновой помпы за счет средств обязательного медицинского страхования (или иных средств в зависимости от утвержденной территориальной программы) дальнейшее обеспечение данных лиц необходимыми расходными материалами предполагается.

Несмотря на то, что суды в указанных случаях чаще всего поддерживают позицию истцов относительно обязанности ОИВС в сфере здравоохранения обеспечивать их необходимыми медицинскими изделиями, на наш взгляд, данная судебная практика саму правовую коллизию не решает, поскольку суды на территории России независимы и принимают решение по конкретному делу в отношении определённого лица с учетом имеющихся в материалах дела доказательств.

В целях решения вышеуказанной правовой коллизии считаем наиболее целесообразным вариантом принятия соответствующего правового акта на федеральном уровне, например, закрепление одинаковых гарантий в рамках территориальных программ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках в Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, с учетом изменений, одоб-

- ренных ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
 3. Куксин И.Н., Мархгейм М.В. Права человека в XXI веке: ценность или имитация? // В сборнике: Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. 2015. С. 125-132.
 4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 08.04.2023 г.)
 5. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/
 6. Рекомендации по организации обеспечения граждан, больных сахарным диабетом, которым установлены инсулиновые помпы, расходными материалами к ним, утвержденные Министерством здравоохранения России. – режим доступа: СПС КонсультантПлюс. – дата обращения 07.04.2023 г.
 7. Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 18.02.2022 г. по делу № 2-121/2022 – Режим доступа: https://oktiabrsky--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=170442696&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 – дата обращения: 07.04.2023 г.
 8. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 21.06.2022 г. по делу № 33-2891/2022 – Режим доступа: https://oblsud--blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2626978&delo_id=5&new=5&text_number=1 – дата обращения: 07.04.2023 г.
 9. Постановление Правительства Москвы от 29.12.2022 г. № 3044-ПП «О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в городе Москве на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» – Режим доступа: <https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/targets/default/card/21.html> – дата обращения: 08.04.2023 г.
 10. Постановление Правительства Белгородской области от 30.12.2022 г. № 851-пп «О территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания жителям Белгородской области медицинской помощи на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс – дата обращения: 07.04.2023 г.

11. Постановление Правительства Воронежской области от 28.12.2022 г. № 988 «О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов на территории Воронежской области» – Режим доступа: <https://www.omsvrn.ru/pages/documents/2> – дата обращения: 07.04.2022 г.

12. Постановление Администрации Курской области от 30.12.2022 г. «Об утверждении Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Курской области на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» – Режим доступа: <http://kurskgorstomat.ucoz.ru/pko21.pdf> – дата обращения: 07.04.2023 г.

13. Закон Санкт-Петербурга «О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Санкт-Петербурге на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» от 14.12.2022 г. № 737-121 – Режим доступа: <https://spboms.ru/spb> – дата обращения: 07.04.2023 г.

Аль-Талабани Мохаммед Азад Абдулкадер
магистрант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Ирак)

Научный руководитель:
Безуглая Анна Артуровна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

**ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА:
ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ИРАК)**

Аннотация. В данной статье осуществлен анализ положений Венской конвенции о праве международных договоров 1949 г. и Конституции Республики Ирак на предмет закрепления и раскрытия стадий заключения международных договоров. Отмечено, что международный договор заключается между государствами и/или организациями или их представителями. Он обязательно должен соответствовать международно-правовым нормам и кон-

ституциям стран-участниц. Сделан вывод, что заключение международного договора – это многоэтапный процесс, который состоит из переговоров, составления текста договора, подписания, ратификации и его регистрации. Сформулирован вывод о том, что конституционные нормы (Республики Ирак), в ограничительном ключе описывают правомочность Президента, что выражается в невозможности автономно подписывать международные договоры – исключительно с одобрения не менее двух третей Парламента.

Ключевые слова: конституция, международный договор, правовая система, этапы заключения международных договоров, международное соглашение.

«Наше время не требует отказа от суверенитета национальных государств, но оно меняет акценты в понимании и применении соответствующего принципа. Поскольку судьба национальных интересов все чаще решается на интернациональном уровне, в международных организациях и на мировых форумах, государство должно быть во всеоружии суверенных средств и возможностей» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 503-504).

Как известно, международные договоры являются основным источником внешнеполитической деятельности государства. На сегодняшний день они занимают первое место среди источников международного права. Прежде основным источником международного права служили обычаи.

Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [1] ««Договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования».

Отличительной особенностью договора как разновидности международного соглашения, с одной стороны, является его форма (он заключается только в письменной форме и предусматривает соблюдение определенных процедур), а с другой стороны, необходимость выражения согласия со стороны государства («Ратификация», «принятие», «утверждение» и «присоединение»). Отметим, что договор и соглашение – это два разных термина, их отличие заключается в том, что соглашение представляет собой более упрощенную форму и не требует соблюдения определенных формальных процедур для его заключения, равно как и не требует, чтобы обязательство государства по нему было ратифицировано компетентным органом по за-

ключению договоров, чтобы оно стало обязательным для него после подписания. Кроме того, соглашение можно представить как часть договора [2].

Отметим, что между государствами может быть заключено «джентельменское соглашение», к которому прибегают в случае, если главы государства не хотят «связывать» свои государства, а соглашение не имеет обязательной силы. Основу таких соглашений составляет «честное слово» политиков, прибегнувших к его заключению. И ответственность за его невыполнение не возлагается на государство [2, p. 182].

Что касается международного договора, то он всегда должен опираться на несколько базовых элементов. Здесь важно отметить, что в международной практике существует различие между терминами «договор», «соглашение» и «конвенция».

Международными договорами называют те международные соглашения, которые были ратифицированы для вступления в силу.

Международные конвенции также требуют обязательной ратификации, однако под конвенциями понимают такие договоры, которые заключены между несколькими сторонами (от трёх и больше) или касаются установления определённых международно-правовых норм, например: Женевская конвенция 1949 года о защите гражданского населения во время войны [3], Венская конвенция о праве международных переговоров 1969 года, где часто используются выражения «конституция», «хартия», «пакт», «статус» для описания международно-правовых документов, установленных для международных организаций.

Наконец, следует отметить, что эти различные термины, которые синонимичны с международными договорами, используются для описания различных типов международных договоров, независимо от их субъектов, которые охватываются этими договорами [4, p. 86].

Следует подчеркнуть, что международный договор заключается между двумя или более субъектами международного права с целью создания взаимных обязательств между его участниками при применении существующих международных норм. Обязательными характеристиками международного договора являются следующие:

- 1) это соглашение между двумя или более лицами публичного международного права;
- 2) соглашение должно быть составлено в письменной форме;
- 3) должно быть заключено в соответствии с положениями международного права;
- 4) целью заключения является создание или упорядочение юридических последствий [1].

Отметим, что международный договор является законным, если целью его заключения было введение в действие новых международных правил, регулирующих отношения между его участниками, и/или присоединение к этому договору других участников.

По характеру членства международные договоры делятся на региональные и универсальные.

Договоры, заключенные между государствами, принадлежащими к единому международному сообществу, которые имеют особые связи, отличающие их от других групп, называются региональными договорами.

Договорами универсального характера являются договоры, заключенные между странами из разных уголков мира. Обычно заключение универсальных международных договоров происходит на международных конференциях или в рамках деятельности международных организаций [5, p. 625].

Важно заметить, что с точки зрения юридической силы фактически нет разницы если между государствами заключается международный договор или между международными организациями. Поскольку вне зависимости от количества участвующих сторон в международном договоре, он должен подчиняться одним и тем же международно-правовым нормам [1].

Международный договор обязан придерживаться формальных условий для его заключения. Формальность необходима для того, чтобы процесс его заключения проходил правильно, и все условия заключения были предусмотрены Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года.

Международные договоры подразделяются с точки зрения формальности делятся на два вида:

1. Договоры строгой формы, которые связаны всеми формальностями для заключения и вступают в силу только после ратификации компетентными органами, предусмотренными конституциями государств.

2. Соглашения упрощенной формы, которые требуют следовать определенным формальным процедурам для его заключения, а ратификация не требуется для его вступления в силу, скорее, достаточно подписать его, чтобы он стал эффективным и обязательным [6, p. 68].

Также международные договоры классифицируют по количеству участников на двусторонние и коллективные:

Двусторонние договоры подразумевают не более двух государств-участников, в то время как коллективные договоры имеют число участников свыше двух. Некоторые ученые выделяют многосторонние договоры, которые имеют от трёх до десяти участников [6, p. 68].

Важным этапом заключения международного договора составляют переговоры. Переговоры связаны с обменом мнениями между представителями

двух или более государств, а также между представителями международных организаций и представителями государств или с представителями других международных организаций с целью достичь общего понимания по конкретному вопросу, выработать решение и сформулировать их в форме регулярных статей. Эти статьи и являются ядром для предполагаемого соглашения.

Переговоры могут проходить в форме личного общения, официальной встречи или международной конференции, на которой собираются представители стран, ведущих переговоры. Главы государств могут вести переговоры напрямую, но чаще всего этим занимаются министры иностранных дел самих государств или их представители в государствах или международных организациях. Так, переговоры ведут глава государства, делегация, правительство, министр иностранных дел или глава дипломатической миссии, аккредитованной в странах, с которыми ведутся переговоры с их представителями, или глава постоянного представительства при одной из международных организаций относительно ведения переговоров с одной и той же организацией [7]

В Ираке, согласно новой Конституции, статье 85/VI, Президент республики и министр внешних дел при ведении переговоров по международному договору имеют право назначать представителей. Совет министров осуществляет следующие полномочия: ведение переговоров и подписание международных договоров и соглашений [8].

Следующий этап в заключении договора – это разработка проекта и подписание договора. Предполагается, что переговоры завершатся на стадии заключения договора в одном из двух случаев: либо в результате неудачи, либо в результате успеха. В случае успешных переговоров редактируется письменный текст договора, который подлежит подписанию, и этот текст обычно состоит из преамбулы (введения) и постановляющей части (основной части) в дополнение к заключению и может также включать некоторые приложения [9].

Договор должен быть составлен на языках сторон. Однако подавляющее большинство договоров, заключенных между странами, языки которых различаются, в международной практике составляются на третьем языке для совместной ссылки в случае разногласий по интерпретации текстов. Договор, написанный на языках его участников, после завершения составления проекта договора должен быть подписан.

Представители стран, ведущих переговоры, должны решить то, что было согласовано между ними, и имена участников переговоров могут быть подписаны полностью и с инициалами имен. В случае, если им не предо-

ставлено необходимое разрешение на подписание договора или в случае предоставления им согласия и их желания обратиться к своим соответствующим правительствам для консультаций до окончательного подписания, сторонам предоставляется дополнительное время для вынесения конечного решения по вопросу подписания договора [1].

Дипломатическая практика показывает, что для подписи сторонам не нужны специальные документы, подтверждающие их право на подпись, если он является главой государства, главой правительства или министром иностранных дел, в то время как глава дипломатической миссии и другие представители государства нуждаются.

Согласно новой Конституции Республики Ирак, глава государства имеет право пописать международный договор при условии, что он сначала получит одобрение парламента или одной из палат парламента в течение года. В статье IV этого закона указано, что он предусматривает организацию процесса ратификации международных договоров и соглашений, если не менее двух третей членов Палаты представителей дали своё согласие. Согласно статье 28/II Конституции, ратификация считается вступившей в силу примерно через пятнадцать дней с даты подписания. Это связано с тем, что Парламент в Конституции Республики Ирака обладает абсолютной свободой действий при ратификации, даже вопреки решению президента Республики [8].

Статья 80/VI гласит, что Совет министров осуществляет процесс подписания международных договоров и обычно уполномочивает министра иностранных дел [8].

Международный договор, в его строгом смысле, не вступает в силу после его подписания – только после его ратификации. Ратификация не просто формальность, это очень важная работа и предназначена для утверждения внутренними органами государства таким образом, каким обязывает государство [1].

Международная судебная практика дает множество оснований необходимости проведения ратификации, среди них:

1. Серьезность международных обязательств, которые ложатся на государство. Следовательно, в результате заключения некоторых договоров необходимо дать государству время для пересмотра пунктов договора и оценки целесообразности его ратификации.

2. Необходимость обеспечения условий, чтобы уполномоченные делегаты не выходили за пределы предоставленных им полномочий.

3. Уважение принципа разделения власти в демократических системах, поскольку ратификация допускает участие парламента в окончательном

утверждении договора только после того, как исполнительная власть проведет переговоры и подпишет договор. Большинство конституций отводят законодательной власти главную роль в процессе ратификации международных договоров [10, р. 58].

Следующий после подписания и ратификации этап – регистрация договора. Регистрация государственного договора – это система мероприятий, которая направлена на обеспечение гласности в области международных отношений и требований к государствам – участникам договоров. При регистрации договора его копия сдаётся на хранение в специальный международный орган для того, чтобы он мог быть внесён в специальный реестр и затем опубликован.

После заключения международного договора наступает этап контроля за его деятельностью. Международные договоры, после их заключения и вступления в силу в соответствии с конституционными нормами, обязывают государственные органы и учреждения, возглавляемые судебным органом, применять положения международных договоров в соответствии с условиями, определенными Конституцией каждого государства.

Подводя итог проведенному исследованию, можем сформулировать следующие выводы. Во-первых, международный договор заключается между государствами и/или организациями или их представителями. Международный договор обязательно должен соответствовать международно-правовым нормам и конституциям стран-участниц. Во-вторых, заключение международного договора – это многоэтапный процесс, который состоит из переговоров, составления текста договора, подписания, ратификации и его регистрации. В-третьих, согласно Конституции Республики Ирак, Президент не имеет право самостоятельно подписать международный договор без одобрения не менее двух третей Парламента.

Список литературы

1. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 06.03.2023).
2. Salaheddine A. Introduction to the study of international law // Dar Al-Nahda Al-Arabiya, 2002. 314 p. (in Arabic)
3. Женевская конвенция 1949 года о защите гражданского населения во время войны URL: // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 06.03.2022).
4. Green L.L. International law through the Cases, 3rd edition, 1970. 296 p.

5. Shafi'i, M.B. International public law in peace and war // New Al-Jalaa library, 6th edit., 1997. 732 p. (in Arabic)
6. Al-Attiyah E. International Public Law. - Baghdad: University Press, 1985. 158 p. (in Arabic).
7. Shaaban A.R. Controls and effects of censorship on the Constitution Laws, comparative study // Assiut University, 2000. 176 p. (in Arabic).
8. Конституция Республики Ирак (Принятая в 2005 году) // URL: <https://constitutions.ru/?p=6109> (дата обращения: 06.03.2022).
9. Al-Anani, I. International public law, 1976. 261 p. (in Arabic).
10. Elias T.O. The modern law of Treaties, 1974. 224 p. (in Arabic).

Богданова Елена Евгеньевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Яковлев Валерий Иванович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РОССИИ

Аннотация. Основная идея статьи состоит в том, чтобы исследовать становление и развитие гражданского права в России на разных этапах исторического развития: от либеральных реформ первой трети XIX века – до построения правового демократического государства в наши дни.

Ключевые слова: гражданское право, частное право, публичное право, право собственности, гражданское законодательство, реформы, Конституция.

«... юриспруденция вырабатывает свою систему категорий, отвечающую функциям права в части формализации поведения людей там, где это является необходимым. Общественный престиж права в огромной степени основан на его способности «держат форму» против всякой расслабленности и размягчения структур, аморфности безгранично свободных состояний, сопутствующих кризисам и социальному регрессу» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 429).

Со времён глубокой древности вожди и старейшины определяли жизненный уклад родов и племён. С появлением первых древних городов и государств люди пытались регламентировать жизнь человека в обществе. До наших дней дошли правила поведения и права граждан, записанные на пергамене, придорожных столбах и камнях, стенах дворцов и гробниц. Часто они изображались в иллюстрациях: реальные жизненные сцены, мифологические картины, религиозные сюжеты.

Постепенно в Древнем Египте, Междуречье, Вавилоне, Древней Греции и других странах из устоявшихся традиций и обычаев вырабатываются правила и законы, по которым человек вел себя в обществе, а гражданин в государстве.

Гражданское право – термин, использование которого различается в разных правовых системах. «Гражданское право – отрасль права, объединяющая правовые нормы, регулирующие имущественные и связанные и не связанные с ними личные неимущественные отношения, которые основаны на независимости, имущественной самостоятельности и юридическом равенстве сторон в целях создания наиболее благоприятных условий для удовлетворения частных потребностей, а также нормального развития экономических отношений» [1].

Гражданское право в России начало своё развитие значительно позже, чем в развитых странах Европы. Первые попытки его становления относятся к XVIII веку – периоду правления Петра Великого, а позже Екатерины II. Понятия «частное право» и «право собственности» появляются в российском законодательстве уже в XIX веке – после либеральных реформ Александра II.

Тема «История развития гражданского права в России» ранее подробно освещалась в статьях и монографиях В.В. Макеева, А.Г. Головки, Е.В. Кудряшова, А.В. Феоктистова и других авторов. По мнению большинства учёных-историков и юристов, в российской историографии выделяется несколько этапов формирования гражданского законодательства.

Первый этап – относится к первой трети XIX века. По мнению А.В. Феоктистова в этот исторический период «Гражданское законодательство представляло собой совокупность разрозненных актов, существовало много пробелов и коллизий. Требовалась систематизация гражданского законодательства, для чего была учреждена Комиссия составления законов» [2].

Комиссия работала почти 30 лет. В это время сменились три российских императора – Павел I, Александр I, Николай I. Была проделана очень большая работа по изучению, кодификации, систематизации и совершен-

ствованию российского законодательства, но основные документы – Свод законов и Гражданское уложение в этот исторический период не были приняты.

Однако именно в это время начинает свою деятельность известный государственный деятель М.М. Сперанский. Конечную цель реформатор видел в ограничении самодержавия, формировании конституционной монархии (по образцу европейских стран) и ликвидации самодержавия. Несмотря на то, что либеральные планы не рушили основ феодально-самодержавного строя, идеи Сперанского практически не были воплощены в жизнь. Позже реформатор попал в опалу к императору и был сослан вначале в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Однако, труды М.М. Сперанского – «Обозрение исторических сведений о Своде законов» и «План государственного преобразования» не были забыты и использовались в процессе разработки «Свода законов Российской империи». «Обозрение» даже в большой степени стало пояснительной запиской к «Своду законов».

Феоктистов А.В. считает, что в 1833 году начался второй этап в развитии гражданского законодательства. В это время происходит развитие товарно-денежных отношений, централизация управления, усиление юридического равенства субъектов гражданских правоотношений. Негативно на развитии гражданских прав и законодательства сказываются события европейских революций 1847-1848 годов. Боясь проникновения в Россию «революционной заразы» и «шатания основ монархии», император Николай I усиливает контроль над обществом и вводит «ряд запретительных мер».

Либеральные реформы 60-70 годов XIX века определили границы третьего этапа в формировании российского гражданского законодательства. Крестьянская реформа, проведенная в 1861 году, наделила гражданскими правами 24 миллиона бывших крепостных. Реформа «потребовала больших перемен в земельном, гражданском, трудовом, избирательном законодательствах Российской Империи и повлекла неизбежные преобразования во всех сферах жизни человека» [3].

С демократическими преобразованиями начала XX века и революционными преобразованиями 1917 года связан следующий этап развития страны. «В этот период продолжалось изменение гражданского законодательства. Свод законов Российской империи был дополнен новыми гражданско-правовыми формами» [2].

Особенно грандиозными стали события Октября 1917 года. «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!». Претворение этих лозунгов в жизнь привело к тому, что фабрики, заводы, земля, транспорт, основные средства производства, жилищный фонд повсеместно национализировались, а граж-

данские права нарушались. Так начался пятый этап в развитии гражданского права. Большевики и советская власть отрицали частную собственность, придерживались классового подхода и считали, что право создано для защиты класса эксплуататоров. Например, А.В. Феокистов в своей статье «Развитие гражданского права в России» приводит такие мнения послереволюционных авторов о праве в рабоче-крестьянском государстве:

- Гойхбарг А. Г. – «Право ещё больше отравляющий и дурманящий опиум для того же народа»;

- Стучка П.И. – «Классовый характер права представляется бесспорным, и особенно это относится к праву гражданскому».

В 1922 году был принят первый Гражданский кодекс РСФСР. Он сочетал в себе буржуазное (на тот момент НЭПманское) и советское понимание гражданско-правовых отношений. В Кодексе (статья 4) провозглашались и закреплялись основные понятия гражданского права - «правоспособность» и «дееспособность». Утверждалось, что «РСФСР предоставляет гражданскую правоспособность (способность иметь права и обязанности) всем гражданам, не ограниченным по суду в правах» [4].

В тоже время «были отменены такие традиционные правовые институты, как наследование, дарение, защита неимущественных прав...» [4]. Никакой необходимости в сохранении этих институтов права, с точки зрения большевиков, не было. Советская идеология предполагала построение нового общества, утверждала, что «частная собственность – зло» и связывала будущее с «общественной собственностью на средства производства», а «товарно-денежные отношения упразднятся на пути к коммунизму». В гражданско-правовых отношениях учитывался «классовый подход».

Первые пятилетки с их плановой экономикой и ограничением товарно-денежных отношений между «строителями социализма» развивали гражданское право на основе социалистических идей и диспутов о хозяйственном праве государственных предприятий. Позже на основе прежнего законодательства были разработаны и утверждены Верховным Совет СССР «Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик» и «Гражданский кодекс РСФСР». Основы гражданского законодательства (статья 20) «выделяли следующие виды собственности:

- а) государственная (общенародная) собственность;
- б) колхозно-кооперативная собственность;
- в) собственность профсоюзных и иных общественных организаций.

К личной собственности относилась собственность граждан, в основе которой лежали трудовые доходы» [2].

Конкуренция и рыночная экономика отсутствовали, все предприятия по-прежнему, принадлежали государству. Среди субъектов гражданского права выделялись физические и юридические лица. Юридическими считались государственные предприятия, учреждения, организации.

Современное гражданское право сложилось уже после распада СССР, а также в ходе последующих изменений. Конституция Российской Федерации, (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года), является основой для развития гражданского законодательства, хотя в ней содержится незначительное количество гражданско-правовых норм. Ст. 19 Конституции Российской Федерации гарантирует: «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, религии, убеждений и других обстоятельств» [5].

В то же время запрещаются: «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности...» [5].

Начало XXI века характеризуется развитием гражданско-правовых и рыночных отношений, «признанием многообразия форм (видов) собственности, свободой предпринимательства, развитием договорных отношений и др.» [6]. Современное гражданское право основано на статьях Конституции и фундаментальных принципах построения правового демократического государства в Российской Федерации.

Список литературы

1. Юридический энциклопедический словарь; под ред. А. В. Малько. – Москва: Проспект, 2020. – 846 с.
2. Феоктистов А. В. Развитие гражданского права в России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 46-55.
3. Фортунатов В. В.: Отечественная история. Учебное пособие. – СПб: Питер. 2008. – 163 с.
4. Демичев А. А. Становление наследственного права советской России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 1. С. 184-194.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года). – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
6. Монастырский Ю. Э. О значении советского периода для современной гражданско-правовой теории убытков // Закон. 2018. № 3. С. 76-86.

Жаббар Бахжат Фахад Жаббар

магистрант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
(Ирак)

Научный руководитель:

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КАРКАС ОБОСНОВАНИЯ КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ

Аннотация: В работе анализируются существующие в науке международного права теории обоснования консульских привилегий и иммунитетов.

Ключевые слова: консульские привилегии и иммунитеты, теория экстерриториальности, режим консульской юрисдикции, представительная теория, концепция функциональной необходимости, теория суверенного иммунитета государств.

«Правовое регулирование обретает научные рамки и формы, строится в стратегическом и тактическом плане на теоретико-познавательных принципах... право как нормативно-регулятивная система прочно поставлена на научные рациональные основания» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. М. Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 42).

Влияющие на современную систему международных отношений процессы глобализации приводят к беспрецедентному в своей ретроспективе расширению связей не только между государствами, но и юридическими лицами, и гражданами различных стран в самых разнообразных сферах общественной жизни, торговли, культуры, науки, образования, туризма, транспорта и др., что неизбежно ведет к возрастанию спроса на консульские услуги. Следует согласиться с мнением Г. Юлдашевой, что современный консульский функционал должен быть адекватен изменившимся реалиям, его анализ необходимо осуществлять «через призму новых вызовов, связанных с такими явлениями как множественное гражданство, новые виды туризма (например, медицинский туризм), консульская защита своих граждан в пе-

риоды чрезвычайных, кризисных ситуаций в стране пребывания (наводнения, землетрясения, нестабильная внутривосточная обстановка и др.), оказание содействия национальным диаспорам» и т.д. [1, с. 1306]. Усложнение консульских функций требует поиска новых подходов к теоретическому обоснованию наличия и наблюдающейся последние десятилетия тенденции к сближению консульских и дипломатических привилегий и иммунитетов [2, с. 41].

Актуальность доктринального обоснования консульских иммунитетов и привилегий, раскрывающих их юридическую природу, несет в себе ценный практический потенциал для аргументации предоставления определенного объема прав, иммунитетов и привилегий консульским должностным лицам, может значительно повлиять на статус консульских учреждений и будет способствовать «разрешению спорных вопросов, возникающих в случае, если предоставление таких иммунитетов и привилегий не урегулированы нормами международных договоров» [3, с. 107].

Анализируя тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов, Б.Б. Алексиева отмечает, что в современной доктрине международного права теоретическим каркасом существования дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий являются три теории: экстерриториальности, представительная и функциональная теории [4, с. 42]. Автор подвергает критике имеющиеся концепции и указывает на необходимость разработки новой теории, раскрывающей юридическую природу иммунитетов и привилегий, адекватно отражающей происходящие глобальные изменения на международной арене.

Одной из первых теорий, разработанной еще Г. Гроцием, является теория экстерриториальности, базирующаяся на юридической фикции, согласно которой «территория, занимаемая посольством, объявляется частью территории аккредитуемого государства: посол и персонал посольства, находясь в государстве пребывания, как бы продолжают оставаться на территории собственного государства» [5, с. 117]. Являясь актуальной для периода абсолютизма, эта теория служила оправданием королевской власти, способствовала укреплению начала суверенитета монарха не только во внутривосточных, но и в международных отношениях. Но уже со второй половины XIX в., как отмечает Б.Б. Алексиева, «эта концепция стала утрачивать свой авторитет и все больше обнаруживала несостоятельность на практике», т.к. ее «положения находились в противоречии с положениями действующего национального права, используемого судьями» и могли «таить опасность для внутреннего правопорядка государства, принимающего иностранного посла (консула)» [4, с. 45].

Анализируя широту прав консульских учреждений, Г.В. Ганюшкин пишет, что «юридическая фикция экстерриториальности давно отошла в прошлое. Несмотря на то, что здание и даже земельный участок могут находиться в собственности аккредитуемого государства, земля все равно остается территорией страны пребывания» [6, с. 227]. Полагаем, доказательством данного утверждения может выступить ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации 1993 г., где указано, что «территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними» [7]. Похожее содержание имеют конституционные нормы большинства основных законов зарубежных стран. Например, ч. 1 ст. 5 Конституции Португальской Республики 1976 г. устанавливает, что «Португалия охватывает территорию, исторически сложившуюся на Европейском континенте, а также архипелаги Азорский и Мадейру» [8]; ст. 3 Конституции Латвийской Республики 1922 г. определяет, что «территорию Латвийского государства в определенных международных договорах пределах составляют Видземе, Латгале, Курземе и Земгале» [9]; ст. 1 Конституции Швейцарской Конфедерации 1999 г. перечисляет кантоны, составляющие территорию страны [10] и др. Таким образом, конституционное законодательство зарубежных стран не включает в свой состав никаких дополнительных территорий, находящихся за пределами территории государства.

Напрямую взаимосвязан с рассмотренной теорией режим консульской юрисдикции, возникший в результате заключения капитуляций – неравноправных соглашений между европейскими государствами и странами Востока. А.Х. Абашидзе и Аль-Факи Гамиль Х.Я. пишут, что «первые капитуляции были заключены между Генуей и Турцией (1453 г.), между Венецией и Турцией (1454 г.)» [11, с. 60]. Следует обратить внимание, что они применялись достаточно долго в международной практике. Например, «режимом капитуляции пользовались английские завоеватели на территории Йемена в области Адена, который ими был захвачен в 1839 г.» [11, с. 60]. Согласно капитуляционному режиму, иностранные консулы имели право осуществлять гражданскую, административную и уголовную юрисдикцию в отношении своих граждан. А.Х. Абашидзе подчеркивает, что «режим консульской юрисдикции лишал государства одной из основных функций, составляющих основу территориального верховенства каждого государства, – судебной функции. В результате этого определенная часть населения (иностранцы), а в отдельных случаях и местные жители, не были обязаны соблюдать правовые нормы государства пребывания» [11, с. 60].

Поскольку режим консульской юрисдикции фактически ограничивал суверенитет этих государств, то страны Востока стали добиваться отмены заключенных капитуляций. В 1928 г. консульская юрисдикция была отменена в Иране, в Китае – в 1943 г., в Марокко и Тунисе – в 1956 г. и др. и в настоящее время не применяется [4, с. 48].

В современной международно-правовой доктрине наличие консульских привилегий и иммунитетов объясняют теорией функциональной необходимости, нашедшей свое международное признание и закрепление в Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., установившей, что «привилегии и иммунитеты предоставляются не для выгод отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления консульскими учреждениями функций от имени их государств» [12]. Сегодня многие ученые-международники поддерживают данную теорию [5, 6]. Например, Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова пишут, что «концептуальной основой консульских привилегий и иммунитетов является функциональная обусловленность консульской деятельности, что подтверждено и Венской конвенцией 1963 г., и соображениями безопасности и защиты консульств и их персонала, чему посвящены принимавшиеся многие годы решения ООН» [13, с. 354].

Е.В. Сафронова, проведя полномасштабное исследование становления и развития консульской службы в Российской империи в XVIII – начале XX в., подчеркивает, что «большинство русских ученых этого периода, являясь представителями позитивистской теории консульского статуса, определяли объем консульских преимуществ, основываясь на функциональном подходе», [14, с. 171], что объясняло различия между консульскими и дипломатическими иммунитетами и привилегиями. Поскольку дипломатические представительства, действуют и на функциональной, и на представительной основе, то они должны обладать и большим объемом прав и привилегий.

Теория представительности (представительного характера посла), используемая в науке международного права с момента своего возникновения, продолжает применяться и в настоящее время с определенными модификациями. Как отмечает Б.Б. Алексеева, представительный характер посла разделяли сторонники самых разных юридических конструкций иммунитета, в том числе и после распространения республиканских форм правления, когда представительность стала «означать не персонификацию особы монарха, а представительство суверенного государства» [4, с. 50]. Автор указывает на несовершенство данной концепции, если она действует в своем единстве. Согласно этой теории «недипломатический персонал, члены семей сотрудников представительства не должны пользоваться иммунитетами; иммуни-

теты не должны распространяться на неофициальные действия дипломатического представителя; возникает также вопрос о иммунитетах дипломатического курьера, дипломатических средств передвижения и др.» [4, с. 51]. Для нивелирования и устранения недостатков данного подхода ученые дополняют его теорией функциональной необходимости.

В последние годы в научной литературе все чаще подвергается критике применение только функциональной теории для обоснования юридической природы консульских прав, иммунитетов и привилегии [4, 15]. Учитывая современные тенденции расширения объема консульских привилегий и иммунитетов, усложнение консульского функционала, отсутствие «единого, общепризнанного, такого как у дипломатического представительства и его персонала объема прав, привилегий и иммунитетов» [15, с. 242] было бы целесообразно исходить не только из теории функциональной необходимости, но и представительной теории «поскольку консульские учреждения, как и дипломатические представительства, являются зарубежными органами государств, выполняющими функции от их имени» [4, с. 51].

Примером законодательного оформления двух концепций может послужить ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 23.05.1966 № 4961-VI «Об утверждении положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик» [16], где определено, что «дипломатическому представительству (посольству или миссии), а также консульскому представительству... на территории СССР предоставляются, как органам иностранного государства, ... привилегии и иммунитеты для осуществления их функций, определяемых в соответствии с нормами международного права». Анализ текста этой статьи позволяет сделать вывод, что есть отсылка и к теории функциональной необходимости (предоставление привилегий и иммунитетов для осуществления функций), и к представительной концепции (являясь органами иностранного государства, дипломатическое и консульское представительства, осуществляют свои функции от имени аккредитуемого их государства).

В то же время Г.В. Бобылев и А.А. Нагиева указывают на некоторую противоречивость использования комбинированной теории в обоснование дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий. Например, может возникнуть коллизия и непонятно, нормы какой из двух теорий пользуются приоритетом в случае расхождений и противоречий» [3, с. 115].

О возникновении новой концепции «суверенного иммунитета государств» [17, с. 26], но еще не поучившей должного развития, пишет Ю.Г. Демин. Основывается данный подход на международном принципе су-

веренного равенства государств, когда «иммунитет государства распространяется как на само государство, так и на его имущество, собственность, государственные органы», «а дипломатическое и консульское представительства являются органами государства и в силу иммунитета государства освобождаются от юрисдикции государства пребывания» [4, с. 56]. Данная теория позволит оправдать в том числе и предоставление иммунитетов и привилегий персоналу дипломатического и консульского представительства, «который должен рассматриваться как персонал государственного учреждения, с учетом того, что иммунитеты и привилегии предоставляются не лично сотрудникам, а аккредитуемому государству в отношении его работников за границей» [4, с. 56].

Таким образом, теоретическим каркасом предоставления консульских иммунитетов и привилегий в современной науке международного права является комбинация концепций (теории функциональной необходимости и представительной теории), позволяющая нивелировать и устранять недостатки друг друга. Кроме того, определенные изъяны концептуального характера комбинированной теории подтолкнули ученых-международников к созданию новой теории «суверенного иммунитета государств», которая сегодня находится в стадии разработки.

Список литературы

1. Юлдашева Г. Современные тенденции в деятельности консульских служб в условиях глобализации // Право и политика. 2016. №. 10 (202). С. 1306-1312; URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=38397 (дата обращения 10.03.2023).
2. Емельянов А.С., Сафронова Е.В. Консульские иммунитеты и привилегии в договорной практике России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 37-42.
3. Бобылев Г.В. Нагиева А.А. К теоретическому обоснованию дипломатических иммунитетов и привилегий / Соотношение норм международного права и национального законодательства: актуальные проблемы международного права. Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд.: Уральская государственная юридическая академия, 2012. Том 4(8). С. 106-115; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21622706> (дата обращения: 10.03.2023)
4. Алексеева Б.Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов: специальность 12.00.10 Международное право; Европейское право: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

- наук / Алексиева Боряна Бойчева. – Москва, 2006. 150 с.; URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002881907.pdf (дата обращения: 10.03.2023)
5. Чистоходова И.А. Теоретические основы обоснования дипломатических привилегий и иммунитетов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2005. № 1 (17). С. 116-123.
6. Ганюшкин Б.В. Широта прав консульских учреждений // Московский журнал международного права. 1999. № 2 С. 220-246; URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47307523> (дата обращения: 10.03.2023).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета, 1993. № 237, 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.
8. Portugal's Constitution of 1976 with Amendments through 2005 [Электронный ресурс] https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005.pdf (дата обращения 12.03.2023)
9. Сатверсме (Конституция) Латвийской Республики (ред. от 08.07.2014) // URL: <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11> (дата обращения: 12.03.2023)
10. Switzerland Constitution (Adopted by Public Referendum on: 18 April 1999) URL: https://www.servat.unibe.ch/icl/sz00000_.html (дата обращения: 12.03.2023)
11. Абашидзе А.Х., Аль-Факи Гамиль Хизам Яхья Дипломатическая и консульская защита: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2001. № 2. С. 57-65.
12. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. (Вена, 24 апреля 1963 г.) Конвенция вступила в силу 19 марта 1967 г. / Сборник международных договоров СССР. – Москва, 1991. Вып. XLV.
13. Международное право: учебник /Под ред. Ю. М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. – М.: Междун. отношения, 2001. 613 с.
14. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII - начале XX в. [Электронный ресурс] Дис. ... д-ра юридических наук: 12.00.01. – М, 2003. 372 с.; URL: <http://diss.rsl.ru/diss/03/0605/030605046.pdf> (дата обращения 11.03.2023)
15. Талайковская Я.В. Правовой анализ консульских привилегий и иммунитетов в сопоставлении с дипломатическими привилегиями и иммунитетами // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 7. С. 235-244; URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2022-7/e1-talaikovskaya.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)

16. Указ Президиума ВС СССР от 23.05.1966 № 4961-VI «Об утверждении положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союз-за Советских Социалистических Республик»// Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 22. С. 387; URL: <https://base.garant.ru/12121009/> (дата обращения: 10.03.2023)

17. Демин Ю.Г. Статус дипломатических представительств и их персонала: Учебное пособие. – М.: Международные отношения, 1995. 204 с.

Кадири Саджид,
магистрант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Афганистан)

Научный руководитель:
Безуглая Анна Артуровна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ОБЛАСТИ МИГРАЦИИ: РАЗВИТИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ УГРОЗЫ

Аннотация. Миграции, обусловленные человеческим фактором, имеют множество последствий, особенно для сторон, принимающих иммигрантов. Данный фактор сильно сказывается на экономических, политических, культурных и социальных условиях жизни государства и бросает вызов национальным интересам государства. В ходе исследования автором сделан вывод о том, что миграция – это явление, которым необходимо «управлять», иначе оно может создать угрозу для стран.

Ключевые слова: управление миграцией, международная миграция, возможности и угрозы международных мигрантов.

«Под категорию действия нормы права, полагаем мы, можно подвести любой контакт нормы с реальностью, в результате которого остается «след» этой нормы в правовой жизни в виде человеческого поступка, юридического решения, нормативного или ненормативного (индивидуального) правового акта, обыкновения юридической практики, изменения в правовой культуре и правосознании. Если мы хотим убедиться, действует или

бездействует юридическая норма, мы должны установить наличие или отсутствие положительного регулятивного эффекта, исходящего от данной нормы. Действие юридической нормы показывает ее способность вызывать регулятивные эффекты в общественной жизни, создавать, изменять и прекращать правовые отношения, формировать юридические предпосылки и условия для поведения человека как в области правоприменения, так и в сфере правотворчества» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 603).

Анализ научных работ позволил заключить, что зачастую миграция выступает предметом социологических исследований. При этом, особенно в последние десятилетия, она также находится и в фокусе юридических разработок в связи с необходимостью ее правового урегулирования. Несмотря на имеющуюся значимость миграции и имеющуюся необходимость ее законодательной регламентации для мирового сообщества, на международной арене нет универсального и общепринятого определения понятия «мигрант».

Социологи определили миграцию как перемещение населения из одного географического места в другое для работы или проживания. Миграция обусловлена целым рядом факторов, среди которых: нищета; безработица; стихийные бедствия; война; отсутствие безопасности; стандартного образования; медицинского обслуживания; политические, социальные и культурные свободы.

Следует подчеркнуть, что миграция существовала с древних времен. Ранее не было никакой юридической процедуры, которая могла бы регулировать данный процесс. Из-за имеющихся различий, возникших между промышленно развитыми и неразвитыми странами, явление миграции усилилось, что обусловило появление различных внутригосударственных законодательных актов. На международном уровне также были приняты различные документы, которые рассматриваются в качестве основных для регулирования миграционных правоотношений. Среди наиболее важных конвенций, которые следует назвать, – Конвенция № 79 от 1949 года о трудящихся-мигрантах [1] и Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая Резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года [2]. Принятие такого рода документов на международном универсальном уровне еще раз подчеркнуло существующую проблему миграции.

Хотя явление миграции является важным компонентом 21-го века, до сих пор не существует единого подхода, который мог бы скоординировать деятельность государств в разработке общей политике в сфере миграции.

В качестве примера можно привести стратегию четырехсторонних решений между Афганистаном, Ираном, Пакистаном и Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по миграции [3]. Следует подчеркнуть, что тот план не основан на объективных реалиях региона и макроглобальной политике. Полагаем, что было бы лучше разработать стратегию решения проблемы безопасности, экономического развития и ликвидации безработицы и бедности на четырехстороннем уровне.

Недавние доклады некоторых общественных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), показывают, что миграция имеет преимущества как для принимающих, так и для стран происхождения. Для стран «происхождения» миграции преимущества проявляются в следующем: мигранты развивают культурные связи с другими странами и народами, миграция приносит денежный капитал, помимо этого процесс миграции обеспечивает обмен опытом и знаниями, дает навыки и образование в области науки. Для принимающих мигрантов стран: страны, которым требуются технические работники (рабочая сила), могут удовлетворить свои потребности, приглашая специалистов из других стран, происходит обмен знаниями и опытом, порой миграция способствует развитию культур, что положительно сказывается на развитии государств.

Хотя миграция приносит выгоду странам, не следует забывать, что если это явление не управляется со стороны государства, то оно будет представлять угрозу для стран происхождения и назначения. Теперь, если предположить, что страна происхождения и назначения не в состоянии справиться с явлением миграции, то поднимается вопрос о миграционных угрозах. Можно привести следующие угрозы для стран: эпидемии привезенных болезней, а также в странах, принимающих мигрантов, может увеличиться поток преступности.

Одна из основных проблем в отделах миграционного управления заключается в том, что их сотрудники не обладают необходимыми знаниями по вопросам миграционного международного права. Основной причиной отсутствия специалистов является нехватка обученных экспертов на рынке труда. Министерство по делам беженцев занимается этим явлением уже много лет, но не сделало ничего принципиального для восполнения этого пробела.

Отсутствие признания соответствующих институтов иммиграционных прав привело к тому, что некоторые правительства, особенно Афганистана, оказались слабыми в политических и дипломатических переговорах и защите прав мигрантов, беженцев, лиц, ищущих убежища, и других. Излишне говорить, что это стоило стране больших денег.

Таким образом, одним из важных факторов, из-за которого миграция представляется как угроза, является отсутствие должных знаний о миграционных правах, а также возможностях организаций, которые работают над явлением миграции.

Список литературы

1. Конвенция № 79 от 1949 года о трудящихся-мигрантах. Сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901043> (дата обращения: 18.04.2023).
2. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 18.04.2023).
3. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Сайт. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2014-1/2014-1-unhcr1> (дата обращения: 18.04.2023).

Клавдиева Яна Владимировна,
студентка группы 01002108
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Безуглая Анна Артуровна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО ПРИГОВОРУ СУДА

Аннотация. Данная статья посвящена разбору вопроса реализации активного избирательного граждан России, которые содержатся в местах лишения свободы по приговору суда. В ходе исследования была проанализирована судебная практика Конституционного Суда и Европейского Суда по правам человека. Сделан вывод, что вопрос об избирательных правах заключенных всё ещё остается несовершенным и требует вмешательства со стороны законодателя в части модернизации законодательных норм.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, политические права, активное избирательное право, граждане России, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, Конституционный Суд Российской Федерации.

«Выход за пределы означает нечто такое, что меньше или больше, ниже или выше нормы, свидетельствует о пересечении верхней или нижней границы, разделяющей нормальные и аномальные состояния. Если процесс недостаточен относительно нормы, он воспринимается как ущербный, разрушительный для организма, вызывает патологические изменения, соматические и душевные болезни, опасные для жизни» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. – М.: Норма, 2007. С. 517).

Исходя из конституционных положений, право избирать и быть избранным принадлежит каждому гражданину Российской Федерации. Однако ч. 3 ст. 32 Базового закона гласит, что «Не имеют права избирать и быть избранным граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда» [1]. В данной связи следует подметить тот факт, что в данном случае работает, назовем его, нравственный ценз для реализации активного избирательного права, реализуемый вкуче с конституционными нормами ч. 1 ст. 49. То есть, нахождение гражданина России в соответствующих местах по приговору суда является фактором (считаем вполне разумным и справедливым), препятствующим ему в реализации его активного избирательного права.

При этом подчеркнем, что такое требование адресовано конкретной категории граждан. Но обвиняемые, которые находятся под следствием в такого права не лишены. Соответственно, в эту категорию входят подозреваемые и обвиняемые по уголовному делу, т.к. в отношении них нет приговора суда, который вступил в силу.

Мионов Р.Г. также относит осужденных лиц, которые оставлены в изоляторе для выполнения каких-либо хозяйственных работ, к тем, кто тоже обладает право избирать и быть избранным [2].

Считаем целесообразным отметить, что среди научного сообщества присутствует доля тех, кто не согласен с таким положением Базового закона нашего государства. Некоторые авторы полагают, что критерием ограничения избирательных прав должен являться не факт нахождения «гражданина» в местах лишения свободы, а степень общественной опасности его деяния. Е.Н. Зиньков и Т.М. Закиров отмечают, что: «суд при вынесении приговора учитывает различные обстоятельства дела». Исходя из этих обстоятельств,

должен ставиться вопрос об ограничении того или иного гражданина в избирательных правах [3, с. 136].

Как отмечают Ю.В. Самович и Л.В. Юн, что в международных правовых актах не предусмотрено лишение избирательных прав осуждённых [4, с. 75] (полагаем уместным подчеркнуть, что каждое государство самостоятельно в силу своих суверенных начал формирует правовую систему, которая может и не согласовываться с позицией международного сообщества). Отметим также, что такая авторская ремарка является причиной многочисленных дискуссий по данному вопросу.

Так, Ю.А. Никитина приводит пример из практики, который произошёл в 2004 году: заключённые Анчуглов С. и Гладков В. обращались в Европейский суд по правам человека [5]. Поводом служил, непосредственно, запрет осуждённых на право избирать и быть избранным. В итоге в 2013 году вышеупомянутый Суд признал лишение осуждённых избирательных прав незаконным, ссылаясь на Европейскую конвенцию по правам человека. Такая позиция ЕСПЧ, с одной стороны, не лишена смысла, поскольку не всегда совершенные деяния влияют на политические взгляды лица, с другой, – полагаем, что реализация избирательных прав – это нравственное преимущество, которым обладают граждане России перед теми, кто отбывает наказание. Полагаем, что это вполне «органичный компромисс» между отбывающими и не отбывающими наказание гражданами.

Конституционный Суд Российской Федерации, по ранее указанному делу, данный приговор не принял к исполнению (безусловно, такой подход коррелирует с конституционными установлениями). В своём Постановлении от 19.04.2016 года №-12-П, Суд придерживался позиции, которая заключается в том, что предписания Конституции Российской Федерации: «обладающей верховенством и высшей юридической силой в российской правовой системе, со всей определенностью означает императивный запрет, согласно которому не имеют избирательных прав без каких бы то ни было изъятий все осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, определенных уголовным законом» [6]. Положения дают четко понять, что избирательных прав лишены все осужденные, которые отбывают наказание в местах лишения свободы, но только по приговору суда и никак иначе.

Такая позиция вполне ясна. Ведь в таком случае такой демократический институт защищается от криминализации власти. Конституционный Суд в данном Постановлении очередной раз подтвердил, что только Конституция Российской Федерации обладает верховенством и имеет высшую юридическую силу, которая распространяется на всю территорию нашего государства.

Даже при таком решении орган конституционного контроля предложил варианты некоего компромисса, который соответствовал бы принципам гуманности, не противореча российскому законодательству. Итак, п. 5.5 вышеуказанного Постановления предлагает некоторые варианты решения данного вопроса с соблюдением принципов гуманности без «ущерба» конституционным положениям. Рассмотрим некоторые из них. Во-первых, законодатель не лишается возможности реализовать принцип гуманизма в уголовном праве. Например, он может оптимизировать систему уголовных наказаний посредством замены отдельных режимов отбывания лишения свободы альтернативными видами наказаний, которые не влекут за собой ограничение их избирательных прав, но связаны с ограничением свободы осуждённых. Во-вторых, упоминается режим осуждённых, отбывающих наказание в колонии-поселении. В таком случае лица ограничены в свободе, но содержатся без охраны и могут свободно передвигаться в рамках территории колонии-поселения, а также вне колонии в пределах того муниципального образования, в котором она находится. Осуждённым может быть разрешено проживание со своими семьями, также они имеют право на труд и образование.

Как отмечает Суд, что при таких условиях законодатель правомочен внести изменения в рамках уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, «в соответствии с которыми отбывание наказания в колониях-поселениях лицами, осужденными к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицами, осужденными к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшими лишение свободы» [6]. Подобные ситуации, как было отмечено, следует интерпретировать в отдельный вид наказания, при котором лицо не теряло бы право избирать. На наш взгляд, такие дополнения могли бы в действительности улучшить положение осужденных.

Возвращаясь к вопросу о каких-либо поправках в Конституции Российской Федерации, то здесь стоит сразу отметить, что, во-первых, Конституция является программным документом, неким базисом, и она не может включать все нормы, которые способны урегулировать абсолютно все общественные отношения. Данный вопрос входит в основном в компетенцию федерального уровня. Также стоит отметить важный момент, который связан с возможностью поправочного процесса в Конституции Российской Федерации, здесь следует напомнить, что ст. 32 находится во 2 Главе. Как известно, главы 1, 2 и 9 Конституции не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Если же такой вопрос ставится, то он уже решается в порядке пересмотра Конституции в целом, будет либо подтверждена ее неизменность, либо будет составляться проект новой Конституции. Как отмечает

А.Д. Тамазова, такое свойство является некой гарантией стабильности нашего государства [7, с. 184].

Исходя из этого, стоит сделать вывод, что вопрос об избирательных правах заключенных всё ещё остается несовершенным и требует вмешательства со стороны законодателя. Но, по нашему мнению, нет резона корректировать и дополнять в этом аспекте положения Конституции Российской Федерации, такое должно регулироваться в рамках федерального законодательства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.
2. Миронов Р.Г. Соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых – правовая основа обеспечения безопасности лиц, содержащихся под стражей // Адвокатская практика. 2014. № 6. С. 38–43.
3. Зиньков Е.Н., Закиров Т.М. Об ограничении избирательного права осужденных к лишению свободы // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3(34). С. 135–138.
4. Самович Ю. В., Юн Л.В. Избирательное право лиц, лишенных свободы: позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 74–81.
5. Никитина Ю.А. Избирательное право в пенитенциарной системе // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 256–258.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604220012> (дата обращения: 14.04.2023).

7. Тамазова А.Д. Активное избирательное право: основания ограничения (на примере лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда) / А.Д. Тамазова // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2(101). С. 180–186.

Мандриков Анатолий Юрьевич,

студент группы 01002012
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Безуглая Анна Артуровна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье рассмотрены особенности взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека как элементов правозащитной структуры Российской Федерации. Уделено внимание исследованию отдельных форм взаимодействия в различные темпоральные периоды, влияние геополитических изменений на работу исследуемых публичных субъектов. В ходе работы были проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие взаимодействие данных органов, а также высказаны предположения о возможном развитии правоотношений между ними.

Ключевые слова: конституция, Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, международная правовая система, правозащитная структура Российской Федерации.

«Социальный институт в соответствии с изначальным смыслом этого слова ... означает некую сознательно сконструированную людьми устойчивую структуру, культурный артефакт и позитивное установление, развернутые в сторону регулирования и упорядочения массивов человеческого

поведения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права : монография. М.: Норма, 2007. С. 389).

В настоящее время крайне сложно представить отечественную правозащитную структуру без двух её важнейших элементов – Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), обеспечивающих соблюдение общечеловеческих и гражданских прав на национальном и мировом уровнях соответственно. История взаимодействия Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда России началась в результате вступления России в Совет Европы и ратификации ею Европейской конвенции о защите прав человека 1950 года и, соответственно, дополнительных протоколов к ней. Так, уже с 5 мая 1998 года у граждан Российской Федерации появилось право подачи жалоб в ЕСПЧ на действия органов власти Российской Федерации, которым они до сих пор активно пользуются.

Так, Европейский Суд по правам человека формировал прецедентную базу международного законодательства, что значительно облегчило отечественному правоприменителю процесс толкования международно-правовых норм. Подтверждение данного положения можно обнаружить в ходе анализе «Обзора практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел» от 8 декабря 2021 года [1], согласно которому судами общей юрисдикции в Российской Федерации принимаются во внимание решения ЕСПЧ и их обоснование при вопросе о применении в конкретном деле той или иной нормы международного права. Не менее важным является и тот факт, что согласно вышеуказанному обзору судебной практики, несоблюдение данных положений приводило как к пересмотру приговора суда, так и к его полной отмене. Даже оценивая только вышеуказанные положения, кажется вполне обоснованным вывод о крайне значимой роли Европейского Суда по правам человека не только в международной правозащитной структуре, но и в вопросах формирования национального законодательства.

Первые пятнадцать лет взаимодействия Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда России являлись крайне продуктивными. Первым серьезным столкновением интересов данных органов стало дело Маркина [2], в результате рассмотрения которого ЕСПЧ признал нарушение требований статей 14 и 8 ЕКПЧ со стороны органов государственной власти Российской Федерации. Конституционный Суд «ответил» на принятие данного решения 6 декабря 2013 года в постановлении № 27-П [3]. Искомое по-

становление является одним из важнейших элементов нашего исследования, поскольку именно в результате принятия данного акта в Российской Федерации появилась новая, ранее не находившая законодательного закрепления процедура отказа от исполнения решения международного органа по защите прав и свобод граждан при рассмотрении дел о пересмотре решений судебных органов по вновь открывшимся обстоятельствам на территории России, если оно противоречит решению, принятому Конституционным Судом Российской Федерации.

Как отмечалось рядом отечественных ученых, в 2013 году Конституционный Суд все же «стремился соблюсти принципы субсидиарности ЕСПЧ и доктрину статутного толкования (нормы международного права должны толковаться государствами-участниками в таком смысле, чтобы обеспечивать их полную реализацию в случае конфликта с национальным правом)» [4]. Однако уже совершенно иную позицию по данному вопросу можно заметить в тексте Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [5], согласно которому Конституционный Суд наделялся правом на рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в связи с соответствием или несоответствием их Конституции России. В данном случае, как мы можем заметить, уже не имеет значения факт того, рассматривалось ли данное дело Конституционным Судом ранее. На наш взгляд, такое кардинальное изменение позиции законодателя может быть связано с геополитической ситуацией, сложившейся в 2014–2015 годах. Именно с данного периода мы можем говорить о нарастающем противостоянии между Европейским Союзом, США и Россией. Данные геополитические изменения и введение санкций с обеих сторон не могли не повлиять на взаимодействие рассматриваемых органов. Предоставление нового права Конституционному Суду Российской Федерации было обосновано положением 46 статьи Венской конвенции о праве международных договоров [6]. Принятие вышеотмеченного федерального конституционного закона о внесении изменений вызвало весьма неоднозначные оценки как среди отечественных правоведов, так и среди зарубежных. Однако именно в результате принятия данных изменений можно чётко определить своеобразную тенденцию законодателя – постепенное отдаление от юрисдикции европейских правозащитных структур и возвышение национальной правовой системы над системой международного права.

Дело «Анчугов и Гладков против России» [7] стало первым случаем, когда решением ЕСПЧ не было исполнено на территории Российской Феде-

рации в соответствии с изменённым законодательством. В результате рассмотрения вышеуказанного дела ЕСПЧ пришел к выводу о несоответствии положений ч. 3 ст. 32 Конституции России общеевропейским нормам и стандартам, согласно которым лица, осужденные к лишению свободы на срок менее трех лет, сохраняют за собой право голоса на выборах. Конституционный Суд, в свою очередь, высказал позицию о невозможности выполнить предписания ЕСПЧ в полном объеме, но отметил, что федеральный законодатель вправе рассмотреть данный вопрос о возможности перевести отдельные режимы отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, не влекущие за собой ограничение избирательных прав гражданина. Стоит отметить, что вышеуказанное предложение Конституционного Суда по внесению изменений в федеральное законодательство можно рассматривать как попытку выполнить требования ЕСПЧ.

Наиболее же резонансным в этой сфере стало дело о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией России Постановления ЕСПЧ от 31 июля 2014 года по делу «ОАО» «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» [8]. Особый интерес для нас представляет это дело в связи с рядом причин: во-первых, Конституционный Суд Российской Федерации отказал в полном объеме в исполнении данного решения; во-вторых, данное дело стало первым в истории, когда страна – участница ЕСПЧ отказалась возмещать даже судебные расходы по состоявшемуся решению ЕСПЧ [9]. В ответ на решение Конституционного Суда Комитет Министров Совета Европы вынес резолюцию, в соответствии с которой Российской Федерации в качестве компромисса предлагалось выплатить судебные издержки по данному делу, сумма которых на тот момент составляла 300 тысяч евро.

Продолжение возрастающего кризиса взаимодействия Конституционного Суда и ЕСПЧ нашло своё продолжение в январе 2020 года, когда Президент Российской Федерации во время ежегодного послания Федеральному Собранию высказал мысль, чётко определяющую основное направление развития законодательства России в сфере взаимодействия с международным правом, которая звучала следующим образом: «... требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции» [10]. Данное высказывание главы государства нашло своё отражение в содержании Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. [11], внесшем значительные изменения в положение статьи 125 Конституции Рос-

сийской Федерации [12] и на конституционном уровне закрепившим положение о невозможности исполнения решений межгосударственных органов, противоречащих положениям Базового закона. Данные изменения вызвали крайне неоднозначную оценку со стороны как отечественных, так и среди международных юристов. Например, в Заключении Венецианской комиссии [13] было обозначено, что выбор между исполнением или неисполнением решений ЕСПЧ невозможен, ссылаясь на ст. 46 статью Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая указывает на обязательность исполнения решений ЕСПЧ.

Новый кризис взаимоотношений между ЕСПЧ и Конституционным Судом России, скорее всего, будет связан с нарастающим геополитическим кризисом, явным проявлением которого выступило проведение Российской Федерацией специальной военной операции на Украине. Наиболее важным для нас является факт осуждения проведения данной спецоперации практически всеми странами, входящими в Совет Европы. Рядом отечественных политиков выдвигаются утверждения о проведении США и странами Европейского Союза антироссийской политики как в политической, экономической, промышленной сферах, так и в информационном пространстве. Данное положение дел, по мнению отечественных политиков не позволяет Российской Федерации выступать в качестве полноценного партнёра в вопросах взаимодействия со странами Европы. В ответ на вышеуказанные действия, 15 марта 2022 года Российская Федерация заявила о выходе из состава членов Совета Европы, отметив, что государства НАТО и Евросоюза, злоупотребляя своим большинством в Совете Европы, последовательно превращают эту организацию в инструмент антироссийской политики [14]. Важно также отметить, что, выходя из Совета Европы, Российская Федерация также полностью или частично выходит из Европейской конвенции по правам человека. Наиболее интересным для нас является вопрос о судьбе ЕСПЧ в России и возможности взаимодействия его с отечественными правозащитными структурами. На наш взгляд, Европейский Суд по правам человека является важнейшим и одним из системообразующих элементов всей правозащитной структуры современных государств, в частности России. В случае, если Россия все же выйдет из состава Совета Европы и выйдет из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека, перед законодателем встанет целый ряд вопросов, своевременное урегулирование которых будет являться крайне важным. Из числа таких вопросов можно выделить проблемы толкования норм международного права, исполнения на территории России ранее принятых ЕСПЧ решений и ряд других. Исключение Европейского Суда по правам человека из правозащитной структуры Российской Федерации является

негативным явлением, существенно ограничивающим право граждан Российской Федерации на международную защиту в случае нарушения органами публичной власти законодательства. При этом очень хочется верить, что представители власти найдут возможность урегулировать политические конфликты и предоставить гражданам Российской Федерации соответствующее право.

Список литературы

1. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного суда 08.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 2.
2. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) По делу обжалуется отказ национальных властей в предоставлении трехлетнего отпуска по уходу за ребенком. По делу нарушены требования статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 50. Ст. 6670.
4. Худoley К. М. Конституционный Суд РФ И ЕСПЧ: история развития отношений // *Ex iure*. 2022. №1.
5. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51. Ст. 7229.
6. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.
8. Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. Дело «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» (ОАО Neftyanaya Kompaniya YUKOS) против Российской Федера-

ции» (жалоба № 14902/04) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866.

10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. 2020. № 7.

11. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

12. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

13. Russian Federation opinion on the draft amendments to the Constitution (as signed by the President of the Russian Federation on 14 march 2020) // European commission for democracy through law (Venice commission).

14. Россия вышла из Совета Европы // <https://tass.ru/politika/14079583> (дата обращения 06.03.2023 г.).

Аль-Аззави Рафаль Абдул Амир Хамид
магистрант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Ирак)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В данной статье представлен анализ судебной практики Европейского суда по правам человека по вопросу применения экологического права как нового вида права жить в здоровой, экологически сбалансированной и чистой окружающей среде.

Ключевые слова: экологическое право, конвенция, Европейский суд по правам человека, право на жизнь, право на частную жизнь.

«Право становится субъективным, когда лицо, используя или применяя управомочивающую норму объективного права, вступает в отношения с другими людьми, преследует определенные интересы. Конструкция субъективного права, как она дана потенциально в управомочивающей норме, в законе, устанавливающей субъективное право, наполняется на стадии правоотношения волевой властью заинтересованного субъекта, благодаря чему абстрактное право становится реальным, требующим от его носителя творческой активности, свободно-волевых усилий» (Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – М.: Норма, 2007. С. 350).

Европейская правовая система защиты прав человека была разработана в регионе европейских стран и напрямую связана с Организацией Объединенных Наций. Правовые источники системы прав человека в Совете Европы представлены двумя ключевыми договорами. Это Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950 г.) [1] и Европейская социальная хартия (Турин, 1961 г.) [2]. Одним из субъективных прав, легализованных в этих документах, является право на здоровую окружающую среду.

Однако, Конвенция о защите прав человека и основных свобод включила в свои статьи или протоколы термин «здоровая окружающая среда» не при подписании в Риме в 1950 г., а в 1972 г. во время первой всемирной конференции, состоявшейся в Стокгольме. Более чем через два десятилетия после первой Всемирной конференции по окружающей среде, несмотря на результаты международного сотрудничества, состояние окружающей среды продолжало ухудшаться из-за постоянного загрязнения, поэтому были необходимы новые усилия, а именно созыв Второй Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развития (Рио-де-Жанейро, 1992 г.).

В числе международных документов регионального уровня, формализовавших право на благоприятную окружающую среду, следует назвать Африканскую хартию прав человека и народов 1981 г. [3]. В ее ст. 24 говорится: «Все народы имеют право на общий удовлетворительный уровень окружающей среды, благоприятствующий их развитию».

В отношении региональных документов по заявленному предмету исследования, необходимо обратить внимание на Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека, принятый в Сан-Сальвадоре 17 ноября 1998 г., регулирующий экономические, социальные, культурные и образовательные права. В его ст. 11 определено, что каждый имеет право жить в здоровой окружающей среде, а также обязанность государств «содействовать защите, сохранению и улучшению окружающей среды».

Полагаем, то, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. признала право на здоровую окружающую среду через расширенное толкование права на частную, семейную жизнь и место жительства (ст. 8 Конвенции), демонстрирует интерпретацию права на определенное качество окружающей среды как один из аспектов уважения частной жизни человека.

Высказанный нами тезис подтверждает практика Европейского суда по правам человека. Первым можно назвать дело Арронделл против Англии (1980 г.). Истец, владелец апартаментов, расположенных рядом со взлетно-посадочной полосой в Гатвике, пожаловался, что шум и загрязнение нарушают право на частную жизнь, а также право собственности. В данном случае ходатайство было объявлено приемлемым, поскольку оно обосновано в соответствии со ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и ст. 1 Протокола № 1 об имуществе.

Вторым стало дело «Багз против Англии» (1985 г.). Истец, Фредерик Уильям Багз, живший со своей семьей в доме недалеко от аэропорта Хитроу, жаловался, что шум и загрязнения от аэропорта сделали жизнь его семьи не-

выносимой. Служба градостроительства отказала в разрешении на перевод объекта в нежилую категорию для легкой продажи и последующей покупки другого жилья в тихом месте. Иск был признан приемлемым.

Точно так же в 1990 г. Европейский суд по правам человека признал причинение ущерба в деле Пауэлл и Рейнер против Англии и заявил, что шум от строительства аэропорта рядом с домами истцов наносит ущерб и, таким образом, нарушает их частную жизнь. Суд пришел к выводу, что интенсивность шума, издаваемого воздушными судами, снижает качество частной жизни, комфорт проживания и подтвердил, что шумовое загрязнение от воздушных судов могло оказать существенное влияние на стоимость недвижимого имущества, превратив его в непродаваемые активы.

В ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод установлено обязательство государства принимать надлежащие меры для предотвращения несанкционированного шума, любого неприятного запаха и иных подобных неудобств. Европейский суд по правам человека также подтверждает тот факт, что ст. 8 не только призывает к уважению государствами частной и семейной жизни, но и к защите от любого произвольного вмешательства в них.

Из вышеизложенного делаем вывод, что в отношении права на окружающую среду судебная практика выявила, в частности, процессуальные гарантии этого права соответственно (право на получение информации о рисках загрязнения и качестве окружающей среды, право на справедливое судебное разбирательство и гарантия эффективности права на здоровую окружающую среду). Кроме того, особый способ, которым экологическое право было ассимилировано на уровне судебной практики, путем ссылки на содержание уже признанных и гарантированных прав, подтвердил его ассоциации с другими основными правами. Речь идет не об инициации нового права, которое бы расширило набор субъективных прав, а лишь о восприятии охраны окружающей среды в положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод на двух уровнях. На первом – как элемент общественного интереса в охране окружающей среды и на втором – как часть содержания некоторых классических субъективных прав, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (например, право на частную и семейную жизнь, право на жизнь).

Список литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // Бюллетень международных договоров. 2011. № 3.

2. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996 г.) // Бюллетень международных договоров. 2010. № 4. С. 17-67.

3. Африканская Хартия прав человека и народов (Найроби, 26.06.1981 г.) // <https://base.garant.ru/2559461/?> (дата обращения 01.05.2022 г.).

Яковлев Максим Михайлович,
магистрант факультета государственного
и муниципального управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

БУДУЩЕЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы спрогнозированы перспективы существования и развития частных военных компаний. Сделан вывод о наличии проблем правового и этического плана.

Ключевые слова: частные военные компании, статусы частных военных компаний, верховенство права, нравственность.

«Либертарианцам, для которых экономика есть только рынок и ничего больше, нельзя верить, когда они утверждают, будто место отечественного бизнеса в мировой экономике может быть достигнуто исключительно рыночными методами. Что это не так, можно убедиться, посмотрев, как действуют на международной арене нынешние лидеры глобализации, ведущие западные государства, которые без колебаний разворачивают дипломатические и военные действия на территориях, где надо защитить коммерческие интересы нефтяных и иных корпораций» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2011. С. 506»).

Тема частных военных компаний (ЧВК; итал. – «compagnia militare privata»; испан. – «empresas militares privadas», «empresas proveedoras de servicios de defensa»; франц. – «entreprise de services de sécurité et de défense», «société militaire privée», англ. – «private military company», «private military») сегодня у всех на слуху [1].

Питер Уоррен Сингер так описывал этот феномен: «Несостоятельное правительство, пытающееся предотвратить неизбежный захват своей столицы, региональная держава, планирующая войну, разношёрстное ополчение,

стремящееся обратить вспять потери на поле боя, миротворческие силы, нуждающиеся в поддержке при развёртывании, слабый союзник, пытающийся избежать диктата своего покровителя, многонациональная корпорация, надеющаяся положить конец постоянным атакам повстанцев на свои объекты, наркокартель, стремящийся получить высокотехнологичный военный потенциал, группа гуманитарной помощи, нуждающаяся в защите в зонах конфликта, и единственная оставшаяся в мире сверхдержава, ищущая пути ограничения своих военных расходов и рисков. Если рассуждать в общепринятых терминах, то экспертам по изучению проблем безопасности будет трудно найти что-то общее между этими субъектами. Они различаются по размеру, относительной мощи, месту в международной системе, уровню благосостояния, количеству и типу противников, организационной структуре, идеологии, легитимности, целям и так далее. Однако есть одно объединяющее звено: столкнувшись с такими разными потребностями в безопасности, все эти субъекты искали внешней военной поддержки. Самое важное – это то, откуда эта поддержка исходила: не от государства или даже международной организации, а от глобального рынка. Именно здесь возникла уникальная форма бизнеса, которую я называю “приватизированной военной фирмой” – это организации, ориентированные на получение прибыли, которые торгуют профессиональными услугами, неразрывно связанными с ведением войны. Это корпоративные структуры, которые специализируются на предоставлении военных навыков – включая тактические боевые операции, стратегическое планирование, сбор и анализ разведанных, оперативную поддержку, подготовку войск и военно-техническую помощь [2, р. 186].

То есть в самом общем и приближённом значении, частные военные компании – это частные компании, укомплектованные военизированным персоналом и соответствующими стрелковыми вооружениями, средствами личной защиты и оборудованием (в ряде случаев – военной техникой и тяжёлыми вооружениями), выполняющий функционалы, свойственные национальным вооружённым силам, с одним существенным отличием, состоящим в главенствовании мотива извлечения прибыли.

Но сегодня это не просто какие-то мелкие или, тем более маргинальные конторы.

По Питеру Уоррену Сингеру, частные военные компании представляют собой развитые, мощно глобализованные и индустриализированные модели концепции наёмников [2].

И вопрос об их будущем является более чем актуальным с самых разных точек зрения.

С одной стороны, один лишь только факт, что, по данным директора Ассоциации частных охранных компаний Ирака на 2006 год, соответственно, только в Ираке активно функционировала 181 частная охранная компания с чуть более 48 000 сотрудников [3, р. 3], делает этот вопрос (вынесенный и в название данной статьи) бессмысленным.

Они уже есть, их уже очень много. Никто от столь прибыльного бизнеса не откажется. Никто из государств не откажется от такого лакомого способа «умыть руки» и «перевести стрелки».

ЧВК стали неотъемлемой частью внешней политики США не только в Ираке, Афганистане и Сирии, но и в Африке [4]. Активно растут масштабы задействования ЧВК Францией, Китаем, Великобританией и рядом других государств, вопрос упирается в меру скрытости их аффилиации с тем или иным государством.

С другой стороны, вопрос о будущем частных военных компаний в данный текущий период времени более похож на гадание на кофейной гуще. Мы пришли даже не в точку бифуркации современного мира, а в гигантские поля таких точек, многие из которых – «точки невозврата». В этих условиях эпохи неклассических войн [5, 6, 7] составлять прогнозы, да ещё претендующие на адекватность, – дело вовсе неблагоприятное.

А кроме того, помимо вопроса о том, будут ли такие компании в будущем, есть ещё вопрос – «Как?» То есть, какими будут онтология, функционирование взаимодействия, статусы частных военных компаний в будущем?

Если мы говорим о релевантных самосбывающихся прогнозах [8], то формирование образа будущего частных военных компаний (претендующего на объективность и высокую вероятность воплощения в последующем) зависит от честных и резонных ответов (и более того – весьма конкретных их вариантов) на эти вопросы, во всяком случае – наиболее существенных из них – деонтологического (ценностного) и чисто юридического плана (статусность, пределы, правозащита, контроль/надзор).

Более всего вопросов (пусть и на стыке права и этики) возникает к этим проблемам у международного гуманитарного права [9].

Прежде всего, это вопрос этического порядка, связанный, как отмечает Эмма Салливан, с коммерциализацией войны: «Конфликты в Африке высвечивают многие опасения по поводу будущего индустрии ЧВК, а для некоторых континентов также является свидетельством ценности ЧВК. Связанные с боевыми действиями ЧВК извлекают выгоду из конфликта, особенно затяжного конфликта. Это помогает объяснить, почему ЧВК терпят неудачу как жизнеспособное долгосрочное решение для национальной обо-

роны»; реальное поведение ЧВК «приводит к дальнейшему беспокойству по поводу способности ЧВК усугублять существующие конфликты, делая их более масштабными и продолжительными, чем они могли бы быть в противном случае, что вызывает особую тревогу, учитывая, что параметры, в рамках которых действуют ЧВК, устанавливаются работодателем, а не универсальным набором стандартов. ЧВК часто указывают на свою способность относительно быстро прекращать конфликты или вообще предотвращать их возникновение» [4].

По словам Питера Уоррена Сингера, «война в Ираке была бы невозможна без частных военных посредников. Это критически важно. Вопреки теории заговора, частная военная промышленность не является так называемым “решающим фактором”, замышляющим войны за кулисами, подобно маньчжурской Global. Но она стала главным пособником, позволяя проводить операции, которые иначе были бы политически невозможны. Частная военная промышленность предоставила новую возможность, которая позволяет исполнительной власти принимать решения, а законодательной власти санкционировать и финансировать внешнеполитические обязательства, которые позволяют обойти» доктринальные сдержки [3, р. 3].

Ещё один существенно значимый вопрос – это вопрос о нравственности, этичности вмешательства иностранной (конкретной страны происхождения) частной военной компании в гражданскую войну в другой стране [10].

По словам Питера Уоррена Сингера, один из основных вопросов, который в основном игнорируется, заключается в том, имело ли и имеет ли вообще смысл передавать часть критически важных полномочий военного порядка частным подрядчикам, привлекать гражданских лиц на эту роль – персонала боевых военных подразделений (пусть, и частных). Независимо от того, правы или неправы были подрядчики *Blackwater* в преступных расстрелах людей, или даже от того, существует ли надлежащая юрисдикция для обеспечения их ответственности или нет, имеет место важнейшая проблема... [Кроме того,] наш военный аутсорсинг превратился в зависимость, которая быстро приводит к срыву. Многие из тех, кто заинтересован в системе, как государственные, так и частные лидеры, попытаются убедить нас игнорировать существенные аргументы. Они будут описывать очевидные инциденты как «простые аномалии», представлять частные фирмы вне системы командования как некую «часть общей силы» или утверждать, что «у нас нет другого выбора». Это отрицания толкачей, пособников и наркоманов. Только открытое и честное вмешательство, шаг назад от пропасти чрез-

мерного аутсорсинга, может вырвать нас из порочного круга, в который мы загнали нашу национальную безопасность [3].

Как указывает Эмма Салливан, «потенциал ЧВК действовать при минимальном регулировании в регионах с историей конфликтов и избытком ресурсов требует более внимательного изучения их деятельности. По мере того, как их роль в глобальной системе растёт, возрастает и потребность в дальнейшем обсуждении их использования как с этической точки зрения, так и в рамках верховенства права» [4].

Круг этих вопросов очень обширен, и мы в настоящем материале лишь затронули малую часть из них.

Список литературы

1. Понкин И.В., Яковлев М.М. Частные военные компании: понятие, природа, виды деятельности, регулирование // Ветеранские вести. – 27.09.2022. <<https://vvesti.com/innovatsii/ponkin-iv-akovlev-mm-castnye-voennye-kompanii-ponatie-priroda-vidy-deatelnosti-regulirovanie>>.
2. Singer P.W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramifications for International Security [Корпоративные войны: Подъем приватизированной военной промышленности и его последствия для международной безопасности] // International Security. – 2001–2002, Winter. – Vol. 26. – № 3. – P. 186–220.
3. Singer P.W. Can't Win With 'Em, Can't Go To War Without 'Em: Private Military Contractors and Counterinsurgency [С ними нельзя победить без них нельзя воевать: Частные военные подрядчики и антиповстанческая деятельность] // Policy Paper. – 2007, September. № 4. viii; 21 p.
4. Sullivan E. The future of private military companies in Africa [Будущее частных военных компаний в Африке] // <<https://www.penncenter.org/the-rule-of-law-post/the-future-of-private-military-companies-in-africa/>>. – 20.06.2018.
5. Понкин И.В. Неклассические войны. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 87 с. Ponkin I.V. Concept of preemptive war [Концепт преэмптивной войны] // Ветеранские вести. – 08.11.2022. <<https://vvesti.com/politika/concept-of-preemptive-war>>.
6. Понкин И.В. Концепт преэмптивной войны // Право и образование. 2016. № 12. С. 82–90.
7. Понкин И.В. Концепт малой войны // Право и образование. 2018. № 7. С. 12–23.
8. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 3-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2022. – 754 с. <<https://state-religion.ru/index.php?p=post&id=74>>.

9. Sakib S.M.N. The role of private military companies in the light of International Humanitarian Law (IHL) [Роль частных военных компаний в свете международного гуманитарного права] // <https://www.researchgate.net/publication/362851811_The_role_of_private_military_companies_in_the_light_of_International_Humanitarian_Law_IHL>. 2022, August.
10. Akcinaroglu S., Radziszewski E. Private Military Companies, Opportunities, and Termination of Civil Wars in Africa [Частные военные компании, возможности и прекращение гражданских войн в Африке] // *Journal of Conflict Resolution*. 2012. Vol. 57. № 5.

**Право и государство в современном мире:
состояние, проблемы, тенденции развития**
Материалы международной научно-теоретической конференции
(Белгород, 21-22 апреля 2023 г.)

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

Подписано в печать 16.06.2023 г.
бумага офсетная. Усл. печ. листов 15,63
тираж 100 экз. Заказ 1084

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25

www.gikprint.ru

girichev69@mail.ru

Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.